

Фредрик Бакман

ЗДЕСЬ БЫЛА БРИТТ-МАРИ



О ценности человеческого общения
и важности второго шанса.

Geteborg-Posten

Annotation

Бритт-Мари — не самый легкий в общении человек. Не то чтобы она была как-то особенно упряма, капризна или придирчива — просто свято уверена, что всегда, везде и во всем должен быть абсолютный порядок. Но весь порядок рушится в одно мгновение, когда Бритт-Мари узнает, что Кент, с которым они сорок лет прожили в образцовом браке, изменил ей. Она принимает удивительное для самой себя решение — собрать чемодан и уехать куда глаза глядят. В захолустном провинциальном городишке с не очень приветливым населением Бритт-Мари придется налаживать новую жизнь. Которая окажется совершенно непохожей на прежнюю.

- [Фредрик Бакман](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [Автор благодарит](#)
 - [Об аторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Фредрик Бакман

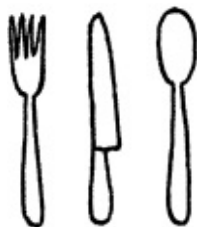
Здесь была Бритт-Мари

Посвящаю моей маме, которая всегда заботилась о том, чтобы у меня в желудке была еда, а на полке — книги

«Футбольный мяч работает на уровне инстинктов. Он катится по улице, ты просто бьешь по нему ногой. Любовь к футболу — как и всякая другая любовь: непонятно, как можно без нее прожить».

Fredrik Backman
BRITT-MARIE VAR HÄR
© Fredrik Backman 2014

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2018



Вилки. Ножи. Ложки.

И только в таком порядке.

Разумеется, Бритт-Мари не из тех, кто осуждает других, ни в коем случае, но ведь ни одному цивилизованному человеку не придет в голову раскладывать столовые приборы в кухонном ящике как-то иначе? Бритт-Мари никого не осуждает, ни в коем случае, но мы же не животные?

Был январский понедельник. Бритт-Мари сидела за столиком в маленьком помещении службы занятости. Нет, столовые приборы тут, само собой, ни при чем, но они — симптом того, что все стало неправильно. Столовые приборы должны лежать как обычно, потому что жизнь должна идти как обычно. Как обычно — значит прилично: на кухне порядок, на балконе прибрано, дети обихожены. Потому что на самом деле это хлопотней, чем может показаться. Иметь балкон.

И конечно, в обычной жизни люди не ходят в службу занятости.

Девушка, что тут работает, стрижена коротко, как мальчик. Конечно, ничего страшного. Это современно, а Бритт-Мари — человек без предрассудков. Девушка ткнула пальцем в бумагу и улыбнулась, словно куда-то торопилась.

— Просто впишите сюда имя, личный номер и адрес!

Бритт-Мари должна зарегистрироваться. Словно Бритт-Мари — уголовный элемент. Словно она явилась украсть работу.

— С молоком и сахаром? — спросила девушка и тут же поставила на столик кофе в пластиковом стаканчике.

Бритт-Мари никого не осуждает, разумеется, нет, но как такое вообще возможно? Пластиковый стаканчик! Мы что, на военном положении? Бритт-Мари хотела задать этот вопрос, но, поскольку Кент постоянно твердит, что Бритт-Мари надо «социализироваться», она только улыбнулась

как можно дипломатичнее, ожидая, когда ей предложат подставку под стаканчик.

Кент — это муж Бритт-Мари. Он предприниматель. Невероятно, невероятно успешный. Ведет дела с Германией и давным-давно социализировался. Девушка принесла две маленькие упаковки молока длительного хранения. Потом — пластиковый стаканчик с пластмассовыми ложечками. Принеси она змею, Бритт-Мари ужаснулась бы меньше.

— Не надо молока и сахара? — не поняла девушка.

Бритт-Мари покачала головой и провела рукой по столу, словно смахивая невидимые крошки. По всему столу лежали бумаги — в таком беспорядке! Прибраться девушке, конечно, некогда — надо карьеру делать.

— О'кей, просто впишите сюда свой адрес! — улыбнулась девушка бумаге.

Бритт-Мари уперлась взглядом в колени, стряхнула невидимые крошки с юбки. Ей так хочется домой, к ящику со столовыми приборами. К обычной жизни. Так хочется, чтобы рядом был Кент, ведь все бумаги всегда заполнял он.

Вот почему, когда девушка уже открыла рот, Бритт-Мари оборвала ее на полуслове:

— Вас не затруднит дать мне что-нибудь, на что можно поставить чашку? — отчеканила она, вложив всю свою природную доброжелательность в слово «чашка» применительно к пластиковому стаканчику.

— Что? — не поняла девушка. Словно чашки можно ставить куда попало.

Бритт-Мари улыбнулась — как можно более социализированно:

— Вы забыли дать мне подставку под чашку. Видите ли, я не хочу, чтобы из-за меня на вашем столе осталось пятно.

Девушка по ту сторону стола, похоже, не признавала, сколь это важно — ставить чашку на подставку. Или пользоваться приличной посудой. Или — судя по ее стрижке — иногда поглядывать в зеркало.

— Да какая разница. Ставьте сюда, — беззаботно ответила она и указала на свободное место на столе.

Словно все в жизни так просто. Словно совершенно неважно, ставишь ты чашку на подставку или нет и в каком порядке раскладываешь столовые приборы. Девушка постучала ручкой по графе «Адрес проживания». Бритт-Мари в высочайшей степени терпеливо выдохнула через нос; не вздохнула, нет, ни в коем случае.

— Мы ведь не станем ставить кофейные чашки прямо на стол? От

горячего, знаете ли, остаются пятна.

Девушка поглядела на стол, который выглядел так, словно малыши ели картошку прямо с него. Садовыми вилами. В темноте. Улыбнулась:

— Да какая разница. Он и так уже весь облез и в царапинах!

Внутри у Бритт-Мари все закричало.

— Вам, конечно, не приходило в голову, что это из-за того, что вы не пользуетесь подставками, — констатировала она.

Разумеется, благожелательно. А не «пассивно-агрессивно», как сказали про нее дети Кента, когда думали, что она не слышит. Бритт-Мари вовсе не пассивно-агрессивная. Она просто заботится обо всех. Однажды она услышала, как дети Кента называли ее «пассивно-агрессивной», и несколько недель очень заботилась об окружающих.

Вид у девушки из службы занятости сделался несколько напряженный. Она потеряла брови.

— Ну... вас зовут Бритт, да?

— Бритт-Мари. Бритт меня называет только сестра, — поправила Бритт-Мари.

— Вы только... заполните бумаги. Пожалуйста.

Бритт-Мари покосилась на документ, требующий выложить, где она живет и кто такая. Сколько же бестолковых документов нужно сегодня собрать, чтобы считаться человеком! Общество не подпустит тебя к себе, пока не предъявишь ему кучу дурацких справок.

В конце концов она нехотя вписала имя, фамилию, личный номер и номер мобильного. Графа «Адрес проживания» осталась пустой.

— Какое у вас образование? — продолжала допрашивать девушка.

Бритт-Мари вцепилась в сумочку.

— С вашего позволения, у меня великолепное образование, — проинформировала она.

— Но официально вы ничего не заканчивали?

Бритт-Мари коротко выдохнула. Не фыркнула, разумеется: Бритт-Мари не из тех, кто фыркает.

— С вашего позволения, я разгадала огромное количество кроссвордов. Без образования подобное просто невозможно, — парировала она.

И отпила крохотный глоточек кофе. Совсем не такого, как у Кента. Кент варит необыкновенно вкусный кофе, это все говорят. Бритт-Мари отвечает за подставки, а Кент за кофе. Так устроена их совместная жизнь.

— О, — одобительно улыбнувшись, девушка попробовала зайти с другого конца: — А какой у вас опыт работы?

— Моя последняя должность — официантка. Я получила исключительно хорошие рекомендации, — сообщила Бритт-Мари.

Девушка, кажется, воспрянула духом. Но ненадолго.

— А когда это было? — спросила она.

— В семьдесят восьмом году.

— О. — Девушка попыталась снова изобразить улыбку (без особого успеха). Потом сделала еще один заход: — И с тех пор вы не работали?

— С тех пор не прошло ни дня, чтобы я не работала. Я помогала мужу вести дела его предприятия, — оскорбилась Бритт-Мари.

Девушка снова воодушевилась. Можно подумать, она специально этому училась.

— Какую работу вы выполняли на этом предприятии?

— Я растила детей и заботилась о том, чтобы наш дом выглядел благопристойно.

Девушка улыбнулась, скрывая разочарование — так улыбаются люди, которые не понимают разницы между «жилплощадью» и «домом». А вся разница на самом деле — в заботе. О том, чтобы были подставки под настоящие кофейные чашки, чтобы по утрам покрывало на кровати было натянуто так туго, что если, как говорит в шутку Кент своим знакомым, споткнешься о порог спальни, то «скорее сломаешь ногу о покрывало, чем об пол». Бритт-Мари терпеть не могла таких шуток. Цивилизованные люди поднимают ноги, переступая порог спальни. Неужели это так трудно? Быть людьми?

Когда они с Кентом куда-нибудь уезжают, Бритт-Мари двадцать минут посыпает матрас пекарским порошком, прежде чем постелить покрывало. В пекарском порошке содержится сода, бикарбонат натрия, он впитывает грязь и влагу. По опыту Бритт-Мари, сода помогает почти от всего. Кент обычно ворчит, что они опоздают; тогда Бритт-Мари сдержанно складывает руки в замок на животе и отвечает: «Перед отъездом нужно обязательно застелить кровать. Что, если мы погибнем?»

Вот по этой причине Бритт-Мари и ненавидит всякие поездки. Смерть. От смерти не поможет даже сода. Кент говорит, что она перегибает палку, и тогда внутри у Бритт-Мари все кричит. Люди то и дело погибают в поездках; если домовладелец взломает дверь квартиры и обнаружит несвежий матрас, что подумают соседи? Что Кент и Бритт-Мари жили в грязи, как свиньи?

Девушка посмотрела на часы:

— Ну... ладно.

Бритт-Мари в ее тоне услышала некоторую критику и тотчас перешла

в оборону:

— Дети — близнецы, и у нас есть балкон. С балконом больше хлопот, чем кажется.

Девушка медленно кивнула:

— Сколько лет вашим детям?

— Это дети Кента. Им по тридцать.

Девушка кивнула еще медленнее:

— Значит, они уже не живут с вами?

— Разумеется, нет.

Девушка почесала стрижку, словно что-то там искала.

— А вам шестьдесят три?

— Да, — ответила Бритт-Мари так, словно этот факт не имел ни малейшего значения.

Девушка кашлянула, словно некоторое значение у факта все же имелось.

— Ну, Бритт-Мари, если честно... учитывая финансовый кризис и все такое, то как бы трудновато найти работу в вашей... ситуации.

Слово «ситуация» девушка произнесла так, словно оно пришло ей в голову отнюдь не первым. Бритт-Мари стоически вздохнула и снисходительно улыбнулась:

— Кент говорит, что финансовый кризис миновал. Он, знаете ли, предприниматель. Так что он разбирается в вещах, которые, может быть, несколько выходят за область вашей компетенции.

Девушка неоправданно долго моргала, потом глянула на часы.

— Да, ну так... я зарегистрировала вас и...

Кажется, она расстроилась. Это расстроило Бритт-Мари. Поэтому она решила сказать девушке что-нибудь приятное, тем самым выказав свою доброжелательность. Бритт-Мари оглядела кабинет в поисках подходящего предмета для комплимента и наконец произнесла:

— У вас очень современная стрижка.

И улыбнулась — крайне социализированно. Девушка машинально взъерошила волосы надо лбом.

— Что? А. Спасибо.

— Это смело — такая короткая стрижка, ведь у вас очень большой лоб, — доброжелательно кивнула Бритт-Мари.

Девушка, правду сказать, казалась несколько обескураженной, несмотря на комплимент. Так оно и бывает, когда в наши дни пытаешься общаться с молодежью. Девушка поднялась со стула.

— Спасибо, что пришли, Бритт-Мари. Теперь вы есть в нашей базе

данных. До связи!

Она протянула руку. Бритт-Мари встала и всунула ей в руку пластиковый стаканчик с кофе.

— Когда? — поинтересовалась она.

— Ну вообще, трудно сказать...

Бритт-Мари дипломатично улыбнулась. Ни в коей, ни в малейшей степени не осуждающе.

— Разумеется, я просто буду сидеть и ждать. Словно мне больше нечем заняться. Вы это имели в виду?

Девушка сглотнула.

— Ну, наш сотрудник свяжется с вами насчет курсов по трудоустройству...

— Мне не нужны курсы, мне нужна работа, — попыталась втолковать Бритт-Мари.

— Да-да, но мне трудно сказать, когда что-нибудь появится, — попыталась выкрутиться девушка.

Бритт-Мари вынула из сумочки записную книжку.

— Скажем, завтра?

— Что?

— Может что-нибудь появиться завтра? — осведомилась Бритт-Мари.

Девушка закашлялась.

— Ну как бы *может* появиться, то есть я хо...

Бритт-Мари достала из сумочки карандаш, рассерженно посмотрела сначала на его острие, потом на девушку.

— Вас не затруднит дать мне точилку?

— Точилку? — переспросила девушка так, словно речь шла о магическом артефакте тысячелетней давности.

— Мне надо внести нашу встречу в список дел, — сухо сообщила Бритт-Мари.

Некоторые люди не понимают важности списков, но бог свидетель, Бритт-Мари не из таких. У нее столько списков, что пришлось завести отдельный список списков. Иначе может случиться что угодно. Она умрет. Или забудет купить соду.

Девушка протянула ей перьевую ручку, пробормотав что-то вроде «но вообще завтра у меня нет времени», но Бритт-Мари сощурилась на ручку и словно не слышала.

— Мы же не станем писать список чернилами? — воскликнула она. Как человек не понимает, что пункты в списке иногда приходится стирать ластиком!

Судя по виду девушки, ей уже хотелось, чтобы Бритт-Мари ушла.

— Другой нет. Но все равно мне завтра некогда, мой коллега вам позво...

— Ах-ха, — перебила ее Бритт-Мари.

Бритт-Мари часто так говорит. «Ах-ха». Не как «ха-ха», когда смеются, а как «ага» в момент сильнейшего разочарования. Когда обнаруживают мокрое полотенце на полу ванной. «Ах-ха». Потом Бритт-Мари сразу поджимает губы, чтобы дать понять: «Ах-ха» — это последнее, что она намерена сказать об этом деле. И то в виде исключения.

Девушка колебалась. Бритт-Мари держала ручку так, словно та была чем-то перемазана. Нашла в книжке список с пометкой «Вторник» и наверху, над «Убраться» и «Сходить в магазин», записала: «Позвонят из службы занятости».

И протянула ручку девушке. Та воодушевленно заулыбалась.

— Рада встрече! Мы с вами свяжемся! — произнесла она так, словно и то и другое не совсем соответствовало истине.

— Ах-ха, — кивнула Бритт-Мари.

После чего удалилась из службы занятости. Девушка, конечно, думает, что это их последняя встреча, потому что совершенно не понимает, насколько серьезно Бритт-Мари относится к своим спискам. Девушка явно никогда не видела балкона Бритт-Мари.

А это на редкость, на редкость приличный балкон.

На улице январь, в воздухе зимний холод, но снег так и не лег — минусовая температура улик пока не оставила. Худшее время года для балконных растений. Покинув службу занятости, Бритт-Мари со списком покупок отправилась в супермаркет (не в свой обычный). Она не любит ходить в магазин одна, потому что не любит катить тележку. Тележку всегда катит Кент, а Бритт-Мари идет рядом и держится за край. Не потому, что пытается управлять, а потому что ей нравится держаться за вещи, за которые держится Кент. Они как будто движутся к одной цели.

Ужин Бритт-Мари съела холодным, ровно в шесть. Она так привыкла всю ночь сидеть и дожидаться Кента, что хотела отложить его порцию в холодильник. Но единственный холодильник, который здесь есть, оказался полон маленьких бутылочек со спиртным. Бритт-Мари села на кровать — не на свою кровать, потерла безымянный палец: дурная привычка, которая проявляется от нервозности. Несколько дней назад Бритт-Мари сидела на своей кровати и крутила обручальное кольцо, после того как особенно тщательно посыпала матрас пекарским порошком. Теперь она терла белый

след на пальце, где всегда было обручальное кольцо.

У здания есть адрес, но это определенно не жилплощадь и не дом. На полу — два длинных ящика для балконных цветов, но в гостиничном номере нет балкона. Бритт-Мари больше негде сидеть и ждать всю ночь.

И все же она сидела и ждала.



Служба занятости открывается в девять утра. Бритт-Мари, не желая показаться назойливой, подождала до двух минут десятого.

— Сегодня вы должны были позвонить, — без тени требовательности в голосе сообщила она, пока девушка открывала дверь офиса.

Сегодня ее коротко стриженные волосы лежали по-другому. Скорее набок, чем прямо. Не потому, что так было задумано, просто волосы легли на ту же сторону, на какой девушка спала. Что ж, так, разумеется, практичнее, ведь на парикмахерскую времени нет, надо делать карьеру. Бритт-Мари никого не осуждает. Но сама она уложила волосы так, как укладывают волосы, когда считают это важным.

— Что? — воскликнула девушка, причем выражение ее лица было отнюдь не позитивным.

В офисе сидели незнакомые люди. С пластиковыми стаканчиками.

— Кто это? — пожелала узнать Бритт-Мари.

— У меня встреча, — ответила девушка.

— Ах-ха, это, безусловно, важно, — констатировала Бритт-Мари и расправила видную только ей складку на юбке.

— Да... ну... — замялась девушка.

Бритт-Мари кивнула и с пониманием, а никак не осуждая, констатировала:

— А я, разумеется, ничего не значу.

Девушка поежилась, словно одежда вдруг стала ей не по размеру.

— Ну я как бы говорила вчера, что дам знать, если что-нибудь появится, я не обещала, что это будет сего...

Вынув из сумочки записную книжку, Бритт-Мари наставительно заметила:

— Я внесла нашу встречу в список.

Девушка терла пальцами лоб, словно нащупывала там невидимые гвозди.

— Я сказала... *может быть*... сегодня.

Бритт-Мари улыбнулась исключительно благожелательной улыбкой.

— Понимаете, я бы не стала вносить нашу встречу в список, если бы вы о ней не сказали.

Девушка вздохнула:

— У меня встреча, я должна...

— Возможно, у вас было бы больше времени на поиски вакансий, если бы вы не сидели целыми днями на встречах? — В голосе Бритт-Мари звучало столько заботы!

— Мне очень жаль, но я действительно не могу вам помочь... — Девушка посмотрела на часы.

Бритт-Мари с поразительным терпением выдохнула через нос.

— Вы обязаны. Вот список. Понимаете, это ваше упущение.

— Что? — Глаза у девушки слегка округлились. Бритт-Мари выставила сумочку перед собой и вцепилась в нее обеими руками, словно в руль самоката.

— Вы вынудили меня писать ручкой. Поэтому написанного уже не сотрешь.

Девушка, кашлянув, вернула записную книжку Бритт-Мари.

— Мне очень жаль, что мы не поняли друг друга, но я должна вернуться на встречу.

Бритт-Мари крепче вцепилась в сумочку.

— Ах-ха. Значит, я должна сидеть здесь и ждать, словно мне больше нечем заняться. Наверняка вы именно так и думаете.

— Нет... я хотела сказать... — попыталась вывернуться девушка, но Бритт-Мари уже уселась на стул в коридоре.

Предварительно протерев его носовым платком, разумеется. Мы же люди.

Девушка закрыла дверь со вздохом и закрыв глаза — примерно так задувают свечи на торте, загадав желание. Бритт-Мари осталась в коридоре одна. На девушкиной двери, чуть ниже ручки, виднелись две наклейки. На такой высоте, словно наклеивали дети. На наклейках — футбольные мячи. Бритт-Мари они напомнили о Кенте, потому что Кент обожает футбол. Футбол он любит больше всего на свете. Даже больше, чем рассказывать, сколько стоят его вещи, а уж это, бог свидетель, Кент любит.

Во время важных футбольных матчей утренняя газета вместо приложения с кроссвордами выходит со специальным приложением о футболе, и в такие дни от Кента слова разумного не добьешься. Когда

Бритт-Мари спрашивает, что он хочет на ужин, Кент бормочет, не отрывая взгляда от мяча: «Да какая разница...»

Бритт-Мари никогда этого футболу не простит. Футбол отнимает у нее и Кента, и приложение с кроссвордами.

Бритт-Мари потеряла белое пятно на безымянном пальце. Вспомнила тот последний раз, когда приложение с кроссвордами заменили футбольным. Она тогда четыре раза прочитала всю остальную газету в надежде, что на какой-нибудь странице прячется кроссвордик, который она пропустила. Кроссворда не было, зато была заметка о смерти женщины — ровесницы Бритт-Мари. Этой заметки Бритт-Мари не забыть никогда. Там говорилось, что женщина, прежде чем ее нашли, пролежала мертвая несколько недель: соседи пожаловались на зловоние, исходящее из ее квартиры. Бритт-Мари все думала и думала, какой же это ужас — когда соседи жалуются на зловоние. В заметке говорилось: «Смерть наступила от естественных причин». По свидетельству соседа, «когда домовладелец вошел в квартиру, на столе все еще стояли тарелки». Бритт-Мари спросила Кента, что, по его мнению, ела та женщина — ужасно, должно быть, умереть прямо за ужином, словно ты съел что-то испорченное. Кент буркнул «Да какая разница» и прибавил громкость: футбол. Внутри у Бритт-Мари все закричало.

Разница огромная. Ужин имеет значение.

Медленно прошло полчаса. Дверь девушкиного кабинета наконец открылась, оттуда вышли люди. Девушка, воодушевленно улыбаясь, попрощалась со всеми; при виде Бритт-Мари энтузиазма в ее улыбке поубавилось.

— А, вы еще здесь. Ну как бы, Бритт-Мари, мне ужасно жаль, но у меня нет вре...

Бритт-Мари встала, стряхнула с юбки невидимые крошки.

— Это я понимаю. Вам надо делать карьеру, и у вас, естественно, нет времени на кого-нибудь вроде меня.

Слово «карьера» Бритт-Мари произнесла с заботой в голосе. Без малейшего осуждения. Однако девушка, кажется, все же услышала в этом осуждение, потому что лицо у нее сделалось как у одной соседки Бритт-Мари, которой Бритт-Мари попыталась выказать свою заботу. Соседка обозвала Бритт-Мари «старой перечницей», потому что Бритт-Мари позвонила ей в дверь и благожелательно уведомила о правилах пользования общедомовой прачечной. В четвертый раз. Бритт-Мари очень обиделась. Не на «старую», это она все же смогла вынести, но какая же Бритт-Мари «перечница»? Она заботливая, а это совсем другое. Она объясняла это

соседке каждый раз, как они встречались, пока через несколько месяцев та не заорала: «Да сколько можно талдычить одно и то же, черт побери!» Бритт-Мари эти слова глубоко ранили, потому что она не из тех, кто талдычит. «Разве я такая? Как по-твоему, я талдычу, Кент? Как ты думаешь? Я талдычу?» — спросила она Кента тем вечером. «Ненене, ё-моё», — пробормотал Кент. «Вот и я, именно это я и говорю! Ничего я не талдычу!» — кивнула Бритт-Мари. После этого она всю ночь пролежала без сна. Она разволновалась из-за того, что в доме есть люди, которые совершенно несправедливо полагают, будто Бритт-Мари способна талдычить.

— Мне очень жаль, но... — нетерпеливо начала девушка, явно намереваясь выпроводить Бритт-Мари. Поэтому Бритт-Мари перебила, кивнув на наклейки:

— Если вы любите футбол, вам, наверное, это нравится.

— Да! Вам тоже? — просияла девушка.

— Разумеется, нет, — прояснила ситуацию Бритт-Мари.

— Ага...

— Ах-ха.

Девушка покосилась на свои наручные часы, потом на еще одни, настенные. Она явно вознамерилась выдворить Бритт-Мари, так что Бритт-Мари решила выказать некоторую социализированность.

— У вас сегодня волосы лежат по-другому, — заметила она.

— Что?

Бритт-Мари доброжелательно улыбнулась:

— Стрижка выглядит не как вчера. Разумеется, это современно. Когда не надо ничего решать.

И тут же добавила:

— Разумеется, ничего страшного.

Ведь Бритт-Мари никого не осуждает. Девушка откашлялась.

— О'кей. Спасибо, но теперь я...

— Похоже, это очень практично. Стрижка, — одобрительно кивнула Бритт-Мари.

На самом деле короткие волосы торчали во все стороны, как если бы кто-то пролил апельсиновый сок на ковер с ворсом. Кент постоянно это делал, когда пил водку с апельсиновым соком во время этих футбольных матчей, пока Бритт-Мари не решила, что с нее достаточно, и не перетащила ковер в гостевую комнату. Это было тринадцать лет назад, но она до сих пор думает об этом. Ковры Бритт-Мари и ее воспоминания в этом смысле похожи: с них трудно свести пятна.

Но стрижка, конечно, может быть какой угодно. Сегодня она напоминает укроп, который вырастили в горшке на балконе. Ничего страшного, разумеется. Против укропа у Бритт-Мари нет ни малейших предубеждений.

Девушка кашлянула. Стрижка никак себя не проявила.

— К сожалению, у меня нет времени.

— А когда будет? — уточнила Бритт-Мари.

Девушка задышала, словно очень полный мужчина, а не очень худенькая девушка.

— В каком смысле?

Бритт-Мари достала записную книжку и методично прошлась по списку дел.

— У меня есть время в три часа.

— У меня сегодня все расписано, не полу... — сделала попытку девушка.

— Также я могу встретиться с вами в четыре или в пять часов, — дипломатично предложила Бритт-Мари.

— Сегодня мы закрываемся в пять.

— Значит, договоримся на пять, — подытожила Бритт-Мари, изготовившись сделать пометку в списке; свежезаточенный карандаш материализовался между ее указательным и большим пальцами.

— Но я же говорю — не получится! — простонала девушка.

— Значит, в пять вы заняты? — поинтересовалась Бритт-Мари.

— Да... ну как бы мы закрыва...

— А позже пяти мы встретиться не можем, — заметила Бритт-Мари.

— Что?

Бритт-Мари улыбнулась с поистине ангельским терпением.

— Я не хочу с вами ссориться. Совершенно не хочу. Но, голубушка, разве у нас военное положение? Цивилизованные люди ужинают в шесть, так что позже пяти для встречи поздновато, вы так не думаете?

— Да?

— Как по-вашему, мы можем встретиться за ужином?

— Нет... ну... а... что?

Бритт-Мари кивнула так, словно кивок стоил ей величайшего усилия.

— Ах-ха. В таком случае постарайтесь не опаздывать. Иначе картошка остынет.

И она записала: «18.00. Ужин».

Девушка еще что-то кричала ей вслед, но Бритт-Мари уже ушла. У нее нет времени стоять и талдычить одно и то же весь день напролет.

На часах было девять тридцать пять. Снова в дверь постучали ровно в одиннадцать. За дверью оказалась заботливая Бритт-Мари.

— У вас на что-нибудь аллергия? — спросила она.

— Чего? — отозвалась девушка.

— Есть ли что-то, чего вы не едите? — пояснила Бритт-Мари с тем стоическим спокойствием, каким следует вооружиться, говоря с человеком, который на любой твой вопрос отвечает: «Чего?»

— Я... вегетарианка, — выдавила девушка.

Бритт-Мари вынула записную книжку.

— Ах-ха.

Девушка засопела.

— Но... я же объяснила, что сегодня вечером не смогу...

— Вы рыбу едите? — перебила Бритт-Мари.

— Да... ну да, ем, но я же ска...

— Рыба — не вегетарианская еда, это мясо. Мясо рыбы, — пояснила Бритт-Мари.

Девушка прижала кончики пальцев к векам — так делают, когда привыкли объяснять сложные вещи простыми словами только потому, что многим кажется, что о сложных вещах надо уметь говорить просто.

— Я не ем красного мяса. Но людям обычно понятнее, если я говорю, что я вегетарианка.

Бритт-Мари приняла это к сведению.

— Вы едите лосося? — спросила она и участливо уточнила: — Это, знаете ли, рыба.

— Да. Я ем лосося, — признала девушка.

Бритт-Мари стряхнула невидимые крошки с юбки. Расправила несуществующую складку.

— Но мясо у лосося красное.

Может быть, девушка и собиралась что-то ответить, но Бритт-Мари уже спешила прочь.

Лосося Бритт-Мари готовит великолепно, потому что лосось — единственная рыба, которую любит Кент. Каждый день в пять часов Бритт-Мари звонит ему и спрашивает, вернется ли он домой в шесть, к ужину. Кент почти всегда говорит «нет», потому что у него встреча с немцами, но когда бы он ни пришел домой — горячий ужин всегда на столе.

«Ах-ха. Значит, невкусно?» — говорит обычно Бритт-Мари, пока Кент жует, и в ее голосе ни тени жалобы. «Ну что ты, что ты! Очень вкусно,

очень!» — бормочет Кент, не отрывая взгляда от спортивной страницы в утренней газете. Он читает утреннюю газету вечером, отчего внутри у Бритт-Мари все тихонько кричит.

«Если вкусно, мне было бы приятно, если бы ты это сказал», — говорит она обычно и стряхивает со скатерти в ладонь невидимые крошки. «Господи боже, Бритт-Мари, я же сказал — очень вкусно!» — непонимающе возражает Кент, продолжая вычитывать что-то в телефоне. Бритт-Мари обычно поднимается и стряхивает невидимые крошки в раковину. Потом разгружает посудомойку и раскладывает столовые приборы как положено.

Кент обычно ставит свою тарелку в мойку, смотрит результаты матчей в телетексте и ложится спать. Бритт-Мари подбирает с пола спальни его рубашку и относит в стиральную машину. Потом стирает, убирается и снова кладет на место его бритву в ванной. Кент обычно утверждает, что она «спрятала» бритву; по утрам он стоит и кричит «Бриииитт-Мариини!», когда не может найти бритву, но конечно же Бритт-Мари ничего не прячет. Она кладет вещи на место. Есть разница. Иногда она кладет их на место для порядка, а иногда — чтобы услышать, как Кент выкрикивает ее имя по утрам. Потому что Бритт-Мари очень любит, когда он окликает ее по имени.

Потом день идет своим чередом, Кент возвращается домой поздно, ужинает, смотрит результаты футбольного матча по телетексту и ложится спать. Бритт-Мари стирает его рубашку. Ей хочется, чтобы когда-нибудь он положил рубашку в стиральную машину сам. Ей хочется, чтобы когда-нибудь он сам сказал, что ужин вкусный, чтобы ей не надо было выпрашивать эти слова. Ужины — это важно.

«Как вкусно!» Это важно.



У дверей службы занятости Бритт-Мари была без пяти пять, потому что являться на встречу раньше назначенного невежливо. Ветер тихо шевелил ей волосы. Бритт-Мари так не хватало ее балкона, что она зажмурилась до боли в висках. Обычно она работает на балконе по ночам, поджидая Кента. Он всегда говорит — не жди меня, ложись. И все же она не ложится. С балкона видно машину Кента, и, когда он входит, горячий ужин уже на столе. Когда Кент засыпает, Бритт-Мари подбирает с пола его рубашку и относит в стиральную машину. Если воротничок запачкан, Бритт-Мари обрабатывает его смесью уксуса и соды. Утром она просыпается рано, укладывает волосы, прибирает на кухне, сыплет соду в цветочные ящики и моет все окна «Факсином». Это ее любимое средство для стекол. Он даже лучше, чем сода.

Некоторые утверждают, что мыть окна каждый день незачем, но, когда Бритт-Мари помоеет окна, просыпается Кент, когда просыпается Кент — начинается день. А как можно начать день с грязными окнами?

Окна в гостиничном номере, где поселилась Бритт-Мари, стали такими чистыми, что, уходя в магазин, она задергивала шторы: вдруг птица влетит прямо в стекло? Это было бы ужасно, ведь тогда пришлось бы мыть окно еще раз, а «Факсин» у Бритт-Мари вышел. Если у Бритт-Мари нет хотя бы одного полного флакона «Факсина» в запасе, она чувствует себя не вполне человеком. Тогда может случиться все что угодно.

Она записала себе: «Купить “Факсин”». Думала даже поставить рядом восклицательный знак, чтобы подчеркнуть важность пункта, но сдержалась. Потом Бритт-Мари отправилась не в свой обычный супермаркет, в котором все стояло не на своих местах. Она спросила про «Факсин» молодого человека из персонала. Он не знал, что это. Внутри у Бритт-Мари все закричало, но она объяснила молодому человеку: это средство, которым она моет окна; молодой человек пожал плечами и предложил выбрать любое другое. Тогда Бритт-Мари так рассердилась, что достала список и поставила в нем восклицательный знак.

Колесо тележки заело, и Бритт-Мари проехала по собственной ноге.

Она зажмурилась, прикусила щеки: так захотелось, чтобы рядом был Кент! Бритт-Мари нашла лососину по специальной цене, взяла картошки и овощей. С полочки с надписью «Канцелярские принадлежности» она взяла карандаш, две точилки и положила их в тележку.

— У вас есть карта постоянного покупателя? — спросил тот же молодой человек, когда она подошла к кассе.

— Какая карта? — недоверчиво поинтересовалась Бритт-Мари.

— Лосось по специальной цене — только по карте, — объяснил он.

Бритт-Мари терпеливо улыбнулась:

— Видите ли, обычно я покупаю продукты не в этом магазине. Там, где я обычно покупаю продукты, карта постоянного покупателя есть у моего мужа.

Молодой человек достал буклет.

— Можно оформить карту прямо сейчас, не вопрос. Просто впишите имя и адрес вот сю...

— Я ни в коем случае не стану этого делать! — сказала Бритт-Мари.

Само собой, очень благожелательно. Но всему есть границы! Неужели, чтобы просто купить лососины, надо указывать свое имя и адрес? Бритт-Мари не собирается никого взрывать этим лососем. Она собирается запечь его в духовке и подать с картошкой и зеленой фасолью. Как все нормальные люди.

— Но тогда, короче, сорри, но придется заплатить полную цену, — сказал молодой человек.

— Ах-ха, — произнесла Бритт-Мари.

Вид у молодого человека сделался неуверенный.

— Если у вас не хватает денег, я мо...

Глаза у Бритт-Мари расширились.

— Голубчик, с деньгами у меня все в порядке! В полном порядке! — Бритт-Мари хотела выкрикнуть эти слова и швырнуть кошелек на ленту конвейера, но вместо восклицания вышел шепот, а кошелек она просто подвинула вперед.

Молодой человек пожал плечами и принял деньги. Бритт-Мари хотела сказать, что ее муж — предприниматель, и не было дня в ее жизни, когда бы она оказалась не в состоянии заплатить полную цену за лосося. Но молодой человек уже занимался следующим покупателем.

Словно Бритт-Мари ничего не значила.

Ровно в пять часов Бритт-Мари постучалась в дверь кабинета.

Девушка открыла; она уже успела надеть пальто.

— Ах-ха. Вы уже уходите, — заметила Бритт-Мари.

Девушка, кажется, собралась оправдываться.

— Я... ну, мы сейчас закрываемся... я говорила, так что мне...

— И когда вас ждать?

— Что?

— Я же должна знать, когда ставить картошку вариться.

— Картошку?

— Картошка — это вегетарианское, — выдохнула Бритт-Мари, словно теперь ее вынуждали оправдываться.

Девушка потеряла глаза.

— Да, да, о'кей. Прошу прощения, Бритт-Мари. Но я пытаюсь вам сказать, что не мо...

— Это вам. — Бритт-Мари достала карандаш.

Когда девушка, растерявшись, взяла карандаш, Бритт-Мари вынула еще точилки, голубую и розовую. Кивнула на одну, на другую, а затем (она человек без предрассудков) на девушкину стрижку.

— Вас нынче не поймешь. Так что я купила обоих цветов, на выбор.

Девушка, видимо, не вполне уловила, что подразумевалось под этим «вас».

— С-спасибо. Наверное.

— А теперь, если вас это не слишком затруднит, я хотела бы, чтобы мне показали, где тут у вас кухня, иначе я не успею сварить картошку, — благожелательно произнесла Бритт-Мари.

Девушка едва не воскликнула: «У нас?» — но в последний момент удержалась от протестов, решив, словно маленький ребенок перед купаньем, что они сделают процесс только дольше и мучительнее. Поэтому она только вздохнула так глубоко и обреченно, что затрещали пуговицы на пальто.

— Но я... я как бы... да ну на фиг! Кухня для персонала — здесь. — И она взяла у Бритт-Мари пакет с продуктами.

Бритт-Мари пошла за ней; на любезность ей захотелось ответить каким-нибудь комплиментом.

— Какое стильное пальто, — сказала она наконец.

Девушка машинально коснулась ткани.

— Спасибо! — искренне улыбнулась она. Бритт-Мари кивнула:

— Очень смело — носить красное в это время года.

Девушка засопела. Бритт-Мари стряхнула с юбки невидимые крошки.

— Где у вас ножи, вилки и все подобное? — спросила она, оказавшись

на кухне.

Девушка, границы терпения которой сжимались на глазах, выдвинула ящик. В одной его половине были как попало навалены кухонные принадлежности. Другую занимал пластиковый контейнер для столовых приборов. Один. Для вилок, ложек и ножей.

Раздражение на девущкином лице сменилось выражением самой настоящей тревоги.

— По... послушайте, вы хорошо себя чувствуете? — спросила она.

Бритт-Мари в полуобморочном состоянии опустилась на стул.

— Дикари, — прошептала она и прикусила щеки. Девушка, явно растерявшись, села напротив. Ее взгляд упал на левую руку Бритт-Мари. Пальцы Бритт-Мари неловко терли белое пятно на коже, похожее на шрам после ампутации. Заметив, что девушка смотрит на палец, Бритт-Мари испуганно спрятала руку под сумочку, словно за ней подглядывали в душе.

Девушка подняла брови:

— Можно спросить... прошу прощения, но... зачем вы вообще сюда пришли, Бритт-Мари?

— Я хочу найти работу. — Бритт-Мари принялась рыться в сумочке в поисках носового платка, чтобы вытереть стол.

Девушка смущенно покачивалась вперед-назад в безуспешной попытке выглядеть беззаботно.

— При всем моем уважении, Бритт-Мари, вы не работали сорок лет. Почему сейчас вам так важно найти работу?

— Я работала сорок лет. Я вела дом. Поэтому это так важно именно сейчас. — Бритт-Мари смела со стола несуществующие крошки.

Девушка не ответила, и Бритт-Мари добавила:

— Понимаете, я прочитала в газете про женщину, которая умерла и пролежала в своей квартире несколько недель. Там писали, что «смерть наступила от естественных причин». Ее ужин так и остался на столе. Но это же неестественно. Никто не знал, что она умерла, пока соседей не начал беспокоить запах.

Девушка растерянно почесала прическу.

— Ну так... значит, вы... хотите найти работу, чтобы... — Она неуверенно подыскивала слова.

Бритт-Мари терпеливо выдохнула. Ни в коей мере не возмущенно.

— У нее не было ни детей, ни мужа, ни работы. Никто не знал, что она вообще существует. А если у тебя есть работа, то кто-нибудь заметит, что тебя нет.

Девушка, вынужденная остаться на рабочем месте, хотя рабочий день

давно закончился, долго-долго смотрела на женщину, вынудившую ее это сделать. Бритт-Мари сидела, выпрямив спину, как сидела каждый вечер на балконе, дожидаясь Кента. Она не хотела ложиться до его возвращения, потому что боялась засыпать, когда никто не знает, что она есть.

Бритт-Мари прикусила щеки, потеряла белое пятно.

— Ах-ха. Для вас это, конечно, звучит нелепо. Я знаю, что беседы не самая моя сильная сторона. Муж говорит, я недостаточно социализирована.

Последние слова она прошептала. Девушка, сглотнув, кивнула на кольцо, которого больше не было на пальце Бритт-Мари.

— Что случилось с вашим мужем?

— Сердечный приступ.

Веки девушки смущенно опустились, с состраданием поднялись.

— Мне очень жаль. Я не знала, что ваш муж умер.

— Он не умер, — прошептала Бритт-Мари.

— О, я подумала... — начала девушка.

Бритт-Мари встала и принялась раскладывать приборы так, словно они совершили преступление.

— Я не пользуюсь духами. И я всегда просила его класть рубашку в стиральную машину сразу, как он приходит домой. Он никогда этого не делал. А потом ругался на меня из-за того, что стиральная машина шумит по ночам.

Она замолчала, чтобы поскорее указать духовке, что кнопки на ней расположены в неправильном порядке. Духовке стало стыдно. Бритт-Мари кивнула.

— Это она позвонила мне из больницы, куда его отвезли с приступом.

Девушка встала, желая помочь. Благоразумно села, когда Бритт-Мари отыскивала в ящике филейный нож.

— Когда дети Кента были маленькими и жили у нас каждую вторую неделю, я читала им сказки. Я любила про портного. Это такая сказка, представьте себе. Дети хотели, чтобы я придумывала сказки сама, но я не понимаю, какая в этом польза, если есть уже готовые, написанные профессиональными писателями. Кент говорил, это потому, что у меня нет фантазии, но у меня великолепная фантазия!

Девушка молчала. Бритт-Мари прогрела духовку. Положила лососину в форму. И замерла.

— Только богатая фантазия позволит тебе несколько лет делать вид, будто ты ничего не понимаешь, когда стираешь рубашки, от которых пахнет духами... — прошептала она.

Девушка снова встала. Мягко положила руку на плечо Бритт-Мари.

— Я... простите, я...

Она замолчала, хотя никто ее не перебивал. Бритт-Мари сцепила руки на животе, глядя в духовку.

— Мне нужна работа, потому что мне не кажется уместным беспокоить соседей запахом. Я хочу, чтобы кто-нибудь знал: я есть, я здесь.

Ну что на такое ответишь?

Когда лосось был готов, они уселись за стол и принялись за еду, не глядя друг на друга.

— Она очень красивая. Молодая. Я его не порицаю, совершенно не порицаю, — сказала наконец Бритт-Мари.

— Вот падла! — воскликнула девушка, охваченная внезапной солидарностью.

— Что это значит? — оскорбленно спросила Бритт-Мари.

Девушка кашлянула.

— Ну... я хотела сказать... ну, нехороший человек.

Бритт-Мари опустила глаза в тарелку.

— Ах-ха. Очень мило с вашей стороны.

Ей захотелось сказать в ответ что-нибудь приятное, и она с некоторым усилием произнесла:

— У вас... да, я хотела сказать — у тебя... вас сегодня прекрасно уложены волосы.

— Спасибо! — улыбнулась девушка.

Бритт-Мари кивнула:

— Лоб меньше заметен, чем вчера.

Девушка тут же потерла лоб под челкой. Бритт-Мари смотрела в свою тарелку, борясь с побуждением подойти к разделочному столу и отложить порцию для Кента. Девушка что-то сказала. Бритт-Мари подняла глаза и пробормотала:

— Простите?

— Ужасно вкусный был лосось, — повторила девушка.

Хотя Бритт-Мари ее об этом даже не спрашивала.



Вот так Бритт-Мари получила работу. Ее рабочее место находилось в Борге, и через два дня после того, как девушка из службы занятости была приглашена на лосося, Бритт-Мари отправилась в Борг на своей машине. Так что придется сказать несколько слов о Борге.

Борг — это поселок у шоссе. Вежливый человек выразился бы о Борге именно так. Это не то место, которое «одно на миллион», скорее — «одно из миллиона». Здесь есть футбольное поле, которое закрыли, школа, которую закрыли, аптека, которую закрыли, винный магазин, который закрыли, такие же закрытые поликлиника, продуктовый магазин и торговый центр, а еще дорога, которая ведет из поселка в две стороны.

Есть тут, конечно, и молодежный досуговый центр — не закрытый исключительно потому, что закрыть его еще не успели. Закрыть весь поселок целиком — дело, знаете ли, небыстрое, так что молодежному центру придется подождать своей очереди. В остальном единственные две заметные вещи в Борге — это футбол и пиццерия, потому что за футбол и пиццу человек держится до последнего.

Знакомство Бритт-Мари с пиццерией и центром молодежного досуга началось с того, что январским днем она поставила свою белую машину на парковке между пиццерией и молодежным центром. А знакомство с футболом — с сильнейшего удара по голове.

Причем сразу после того, как ее машина взорвалась. Так что в целом впечатления Бритт-Мари и Бор-га друг от друга оказались не совсем позитивными.

Строго говоря, взрыв произошел, когда Бритт-Мари только завернула на парковку. В правой части салона раздалось «бу-буум» (если бы вдруг понадобилось описать этот звук). Поддавшись вполне объяснимой панике,

Бритт-Мари отпустила и сцепление, и тормоз, отчего машина зашлась кашлем, словно ее напугали, когда она ела попкорн, и, совершив бешеный вираж по мерзлым январским лужам, резко остановилась перед строением, отмеченным судорожно мигающими красными неоновыми буквами «ПИЦЦ Р Я». Перепуганная Бритт-Мари выскочила из машины, резонно полагая, что после взрыва машина загорится. Но этого не случилось. Бритт-Мари стояла на парковке посреди такой тишины, какая бывает только в поселках и никогда — в городах. Как досадно. Бритт-Мари поправила юбку и крепко вцепилась в сумочку.

Футбольный мяч преспокойно прокатился по гравию, прочь от машины Бритт-Мари, и исчез за строением, обозначенным как «МОЛОЁЖНЫЙ ЦЕНТ». Когда мяч закатился за угол, раздался стук. Как будто кто-то затеял сухую чистку одеяла, только насыпал в барабан машины камней вместо теннисных мячиков. Звучит, конечно, странно, но Бритт-Мари и не такого нагладелась в общей прачечной дома, где живут они с Кентом. В наше время люди творят что заблагорассудится.

Бритт-Мари достала из сумочки список дел. Первым пунктом в нем значилось «Поехать в Борг». Этот пункт она вычеркнула. Дальше шло «Взять ключи на почте».

Достав из сумочки мобильный телефон, который Кент подарил ей пять лет назад, Бритт-Мари в первый раз по нему позвонила.

— Алё? — ответила девушка из службы занятости.

— Теперь отвечать по телефону принято так? — поинтересовалась Бритт-Мари. Благожелательно. Без малейшего осуждения.

— Что? — ответила девушка, все еще в счастливом неведении насчет того, что если Бритт-Мари и покинула здание службы занятости, то это ничего не меняет.

— Я сейчас в этом самом Борге. Здесь что-то страшно грохнуло, и у меня взорвалась машина. Далеко тут почта?

— Бритт-Мари? — уточнила девушка после некоторого раздумья, порожденного затаенной надеждой на отрицательный ответ.

— Вас очень плохо слышно! — проинформировала ее Бритт-Мари.

— Взорвалась?

— С машиной что-то не так. Она взорвалась, это я слышала отчетливо, — пояснила Бритт-Мари.

— С вами все в порядке? — встревожилась девушка.

— Разумеется! Но как быть с машиной?

— Но... как бы... это же ваша машина.

— Ах-ха, — ответила Бритт-Мари.

Некоторое время обе молчали.

— Алло? — произнесла наконец Бритт-Мари.

— Да? — откликнулась девушка.

— Да! — подтвердила Бритт-Мари.

— Я не разбираюсь в машинах, — попыталась выкрутиться девушка.

Бритт-Мари выдохнула — в высшей степени терпеливо.

— Вы сказали, чтобы я звонила, если у меня возникнут вопросы, — напомнила она.

Неужели кто-то думает, что она разбирается в машинах. После того как они с Кентом поженились, она садилась за руль всего пару-тройку раз, потому что никогда никуда не ездила без Кента, а Кент водит машину просто изумительно.

— Я имела в виду вопросы непосредственно по... работе, — вздохнула девушка на том конце.

— Ах-ха. Конечно, только это имеет какое-то значение. Карьера. Если бы я погибла от взрыва, всем было бы все равно, — констатировала Бритт-Мари.

— Я имела в виду... — пролепетала девушка.

— Разумеется, погибни я, это всем было бы на руку. Освободилось бы рабочее место. Это хорошо для статистики, — произнесла Бритт-Мари — исключительно дружелюбно и без малейшей нотки жалости к себе.

Она отлично знает про статистику. Про статистику в наше время столько пишут в газетах, что едва остается место для кроссвордов.

— Бритт-Мари, пожалуйста...

— Вас очень плохо слышно! — благожелательно проговорила Бритт-Мари и положила трубку.

После чего долго стояла одна, больно прикусив щеки.

Из-за молодежного центра доносился гулкий стук. Центр еще не закрыли, но, по словам девушки из службы занятости, открыли для закрытия. Закрыть его не успели лишь потому, что на декабрьском собрании муниципального совета столько всего предстояло закрыть в первую очередь, что закрытие молодежного центра грозило сорвать торжественный рождественский ужин. А поскольку такими вещами не шутят, принятие решения о закрытии молодежного центра перенесли на следующее собрание, которое (с учетом рождественских отпусков) предстояло в конце января. Связь с местным отделом кадров входила в зону ответственности ответственного за связь с общественностью, но ответственный ушел в отпуск, а заместитель ответственного

безответственно забыл связаться с общественностью, вследствие чего заявка на заведующего административно-хозяйственной частью молодежного центра попала в службу занятости только в начале января, когда общественность в лице кадровиков обнаружила, что в поселке имеются административно бесхозные помещения. Так что все элементарно, хотя и непросто.

Как бы то ни было, предложенная Бритт-Мари работа оказалась не только исключительно низкооплачиваемой, но и в высшей степени временной — на три недели, вплоть до очередного заседания муниципального совета. К тому же молодежный центр находился в Борге — поселке, о котором цивилизованные люди могут сказать только то, что он расположен у шоссе — обстоятельство, дополнительно сужавшее круг соискателей.

Она-то и подвернулась девушке из службы занятости, вынужденной накануне есть лосося и пообещавшей подыскать Бритт-Мари работу. Так что на следующее утро в девять ноль две Бритт-Мари постучалась в дверь кабинета, чтобы узнать, как продвигается дело. Девушка включила компьютер, отчетливо вздохнула — так, словно у нее в ноздре застряло что-то большое и неудобное, — и сообщила: «Есть одна вакансия. Но это поселок в чистом поле, а ставка такая, что вам выгоднее и дальше сидеть на пособии».

«Ни на каких пособиях я не сижу», — возмутилась Бритт-Мари так, словно у нее заподозрили неприличную болезнь. Девушка снова вздохнула и заговорила о «курсах переподготовки» и «мерах», которые служба могла бы предложить Бритт-Мари вместо этой должности, но Бритт-Мари ответила, что ей не нужны никакие меры. «Но поймите, это работа всего на три недели, и ехать вам придется туда, в этот самый... Борг». — Девушка поискала Борг на карте у себя в компьютере.

«Ах-ха», — сказала Бритт-Мари и поправила сумочку на коленях. Девушка задумчиво потерла лоб и очень серьезно добавила: «Бритт-Мари, не хочу показаться невежливой, но в вашем возрасте я бы категорически не стала соглашаться на такую работу». Бритт-Мари кивнула, встала, расправила складку на юбке и ответила: «Не хочу показаться невежливой, но с вашим лбом я бы категорически не стала соглашаться на такую стрижку».

Тут вид у девушки стал такой, словно она хотела сказать «Тогда пеняйте на себя». Потом она нажала на «Печать», и все стало так, как стало.

И вот Бритт-Мари в Борге, и ее машина взорвалась — не лучшее

начало работы на новой должности, что нет, то нет.

Не то чтобы Бритт-Мари это осуждала. Ни в коем случае. Бритт-Мари не из тех, кто осуждает.

Но лучше бы рядом был Кент — что да, то да.

Второй раз телефон девушки из службы занятости зазвонил через три минуты после беседы о взорвавшейся машине.

— Где я могу найти уборочный инвентарь? — спросила Бритт-Мари.

— Что?

— Вы сказали, что я могу звонить, если у меня будут вопросы по работе, — напомнила Бритт-Мари.

— Вас очень плохо слышно, Бритт-Мари, — ответила девушка словно из жестянки. — У вас там плохая связь?

Бритт-Мари кротко вздохнула и повторила как можно медленнее:

— Вы сказали, что я могу з-в-о-н-и-ть, если у меня будут вопросы по р-а-б-о-т-е. Это — вопрос по работе. Где ин-вен-тарь?

— Что? Я не знаю! — отозвалась девушка из своей жестянки.

Бритт-Мари, не повышая голоса, перешла на отчетливую артикуляцию:

— А теперь послушайте меня, голубушка. Я намеревалась найти эту почту, где, как вы уведомили, я смогу получить ключи от досугового центра, но я шагу не сделаю в этот центр, пока вы не уведомите меня, где я могу найти рабочий инвентарь!

— Но я-то откуда знаю! — донеслось из жестянки.

Бритт-Мари всплеснула руками, едва не уронив телефон.

— Я стою перед этим самым досуговым центром этого самого поселка. Окна невероятно грязные. Просто невероятно. Неужели в этом поселке все живут в грязи?

— Не знаю! — прокричала девушка.

— А что вы знаете? — прокричала в ответ Бритт-Мари.

— Ну... как... не знаю. *Бритт-Мари, вас очень плохо слы...*

Бритт-Мари уже собралась выразить сомнение, что в службе занятости знают вообще хоть что-нибудь о предлагаемых вакансиях, как вдруг на парковку снова выкатился футбольный мяч. Бритт-Мари он не понравился. Ничего личного, Бритт-Мари не то чтобы не понравился этот конкретный мяч — она в принципе не любитель футбольных мячей. А предубеждений у нее нет.

За мячом выбежали двое детей, не менее грязных и в продранных на

коленках джинсах. Догнав мяч, дети пнули его назад и снова скрылись за зданием центра. Один из них, оступившись, оперся рукой об окно: на стекле остался черный отпечаток.

— Сумерки богов! — в ужасе воскликнула Бритт-Мари.

Она часто прибегает к этому выражению. «Сумерки богов». Оно невероятно многозначно — по крайней мере, в устах Бритт-Мари; но, как правило, оно означает, что встреченный человек производит впечатление уголовника. Не то чтобы Бритт-Мари склонна осуждать людей, но все же.

— Что такое? — заинтересовалась девушка на том конце, когда Бритт-Мари замолчала.

— Разве эти дети не должны быть в школе? — задала встречный вопрос Бритт-Мари и мысленно сделала себе пометку: поставить еще один восклицательный знак после «Купить „Факсин“!» в списке. Даже если в этом поселке нет магазинов.

— Чего?

— Послушайте, голубушка, вы все время говорите «что, чего». Из-за этого кажется, что вам не хватает культуры.

— Но... ну... очень плохо вас слышно, у вас что, хэндс фри?

— Что это?

— Ну это... или... нет, — вздохнула девушка. — Проехали!

— Что проехали? — разволновалась Бритт-Мари.

— Что там у вас за дети? — Девушка попыталась свернуть на менее опасную тему.

— Здесь есть дети! — кратко проинформировала ее Бритт-Мари.

— О'кей, но, Бритт-Мари, пожалуйста, я ведь ничего не знаю о Борге! Я там никогда не была!

— Да-да-да, я все понимаю. Вы так заняты своей карьерой, — благожелательно заметила Бритт-Мари.

Девушка засопела.

— Дорогая Бритт-Мари, вас очень плохо слышно, вы, наверное... ну... вы уверены, что держите телефон не вверх ногами?

Бритт-Мари скептически посмотрела на телефон. Перевернула его.

— Ах-ха, — сказала она в микрофон так, как говорят «ах-ха», когда доля вины за качество связи все-таки лежит на собеседнике.

— Вот теперь я вас отлично слышу! — одобрила девушка.

— Честно говоря, я никогда не пользовалась этим аппаратом. Представьте себе, у людей могут быть другие дела помимо того, чтобы целыми днями болтать по телефону, — проинформировала ее Бритт-Мари.

— О, не беспокойтесь. С новыми телефонами я тоже вечно

путаюсь, — призналась девушка, охваченная внезапным порывом дружелюбия и сочувствия.

— Я ни в коем случае не беспокоюсь! И это ни в коем случае не новый телефон, ему уже пять лет, — поправила ее Бритт-Мари.

— О, — сказала девушка.

— Раньше у меня не было в нем надобности. Мне, представьте, было чем заняться. Я не звоню никому, кроме Кента, а ему я звоню с домашнего телефона, как цивилизованные люди.

— Ну а если вы не дома? — поинтересовалась девушка, как все те, кто смутно себе представляют, как выглядел мир до того, как люди получили возможность дозвониться до кого угодно в любое время суток.

Бритт-Мари терпеливо выдохнула:

— Голубушка, если я не дома, то я не дома с Кентом.

Бритт-Мари, по-видимому, собиралась сказать что-то еще, но тут увидела крысу. Крыса бежала по замерзшим лужам парковки, здоровенная, как средних размеров комнатное растение. Бритт-Мари помнила, что собиралась очень громко закричать. Но, увы, не успела. Вместо этого все вокруг почернело, и бесчувственное тело Бритт-Мари опустилось на землю.

Ей в голову с размаху угодил футбольный мяч. Так состоялось первое знакомство Бритт-Мари с футболом в Борге.



Очнулась Бритт-Мари на полу. Чей-то голос что-то ей говорил, но мысли Бритт-Мари занимал пол. Вдруг он грязный, а она умерла? Люди то и дело падают замертво. Вот ужас-то — умереть на грязном полу. Что люди подумают!

— Э-э? Вы это, как его? Скончались? — донеслось до Бритт-Мари, но она думала только о поле.

Дома полы у Бритт-Мари всегда чисто вымыты, на случай, если она умрет, но это вовсе не означает, что Бритт-Мари так уж нравится мыть полы. Кент и дети никогда не понимали разницы. Как-то Бритт-Мари попыталась объяснить Кенту. Вот, скажем, ей, Бритт-Мари, нравится театр, ведь должно же что-то в жизни нравиться, но вымытые полы нравятся ей совершенно в другом смысле.

Кент сказал «дадада», и в тот год Бритт-Мари получила на Рождество устройство для мытья полов водяным паром. «Тебе будет легче», — довольным голосом сказал Кент, словно Бритт-Мари мечтала именно об этом. Больше она не пыталась объяснить, что ей нравится. Что Бритт-Мари важна не легкость. А чтобы что-то имело значение.

Кент мог бы подарить ей билеты в театр.

— Э-э, тетка! Ты чего, умерла? — повторил тот же голос и присвистнул.

Бритт-Мари терпеть не может, когда свистят. К тому же у нее болела голова. От пола пахло пиццей. Это было бы ужасно — умереть с головной болью и пахнуть пиццей. Кент обожает пиццу, вечно роняет куски на пол. Когда-то, лет пятнадцать назад, Бритт-Мари приняла откровенно экстремистское решение не мыть полы с неделю, чтобы Кент и дети прочувствовали, каким грязным стал пол, но Кент с детьми не обратили на это внимания, а вот Бритт-Мари обратила такое внимание, что продержалась всего полтора дня. Не обращай внимания — и ты победитель в этом мире, вот какой урок усвоила Бритт-Мари. Совсем как в сказке про

портного, которую она читала детям, когда им еще нравилось ее слушать. Заказчик оставляет портному отрез ткани, чтобы тот сшил ему сюртук, а когда приходит за заказом, портной говорит: «Не вышел сюртук, выйдут штаны». Когда заказчик приходит снова, портной говорит: «Не вышли штаны, выйдет жилетка». Потом — «выйдут рукавицы». Когда заказчик возвращается за варежками, портной пожимает плечами и говорит: «Не вышли рукавицы». — «А что вышло?» — спрашивает заказчик, а портной отвечает: «Пшик вышел!» Бритт-Мари порой кажется, что эта сказка про нее.

— Э-эй! Ты это, как его? Очухалась? — Голос стал бесцеремоннее, а запах пиццы отчетливее.

Бритт-Мари не в особом восторге от пиццы, потому что от Кента часто пахло пиццей, когда он возвращался домой поздно вечером после встреч с Германией. Бритт-Мари помнит все его запахи. Но яснее всего — тот, из больницы палаты. В палате было полно цветов, так принято — приносить букеты человеку, пережившему сердечный приступ, но от рубашки, лежащей на краю постели, Бритт-Мари уловила еще запах духов и пиццы.

Кент спал, слегка похрапывая. Бритт-Мари в последний раз взяла его за руку; он не проснулся. Потом она сложила его рубашку, сунула в сумочку. Придя домой, она вычистила воротник содой и уксусом и дважды простирала в машине, а потом повесила на плечики. Потом вымыла окна «Факсином» и освежила матрас пекарским порошком, внесла с балкона цветочные ящики, уложила сумку и в первый раз в жизни включила мобильный телефон. В первый раз в их с Кентом жизни. Она подумала, что дети будут звонить и спрашивать, как там Кент. Они не позвонили. Прислали каждый по эсэмэске.

Когда-то, детям тогда было лет по двадцать, они обещали приезжать в гости каждое Рождество. Потом стали придумывать предлоги, чтобы не приезжать. Прошло несколько лет, и они перестали придумывать предлоги. Наконец они перестали даже притворяться, что хотят приехать. Писем приходило мало. Вышел пшик.

Бритт-Мари всегда любила театр, потому что ей нравилось, как актерам в конце аплодируют за то, что они притворялись. Сердечный приступ Кента и голос той молодой и красивой, которая позвонила сообщить о болезни Кента, лишили Бритт-Мари возможности притворяться и дальше. Невозможно дальше притворяться, что кого-то не существует, если она звонит тебе по телефону. И Бритт-Мари покинула больницу с пропахшей духами рубашкой и разбитым сердцем.

А за это цветов не подносят.

— Во херня. Умерла ты, что ли? — нетерпеливо спросил голос.

Бритт-Мари показалось в высшей степени невежливым, что ее оборвали на полусмерти. Причем такими ужасными словами. Ведь у слова «херня» есть множество пристойных синонимов, если так уж необходимо выразить именно это понятие. Не вполне очнувшись Бритт-Мари спросила стоявшую над ней Личность:

— Прошу прощения, где я? — на что услышала бодрый ответ:

— Здравсте! В поликлинике!

— Но тут пахнет пиццей, — с трудом произнесла Бритт-Мари.

— Да, поликлиника, понимаешь, она же и пиццерия.

— Это не гигиенично, — с трудом выговорила Бритт-Мари.

Личность пожала плечами:

— Сначала пиццерию закрыли. Потом, понимаешь, поликлинику. Кризис, вот такая херня. Крутимся как можем, понимаешь. Но все норм. Первая помощь имеется!

Личность (кажется, женского пола) жизнерадостно указала на открытый пластмассовый ящик с красным крестом и надписью «Первая помощь». Потом махнула характерно пахнущей бутылкой.

— А это, понимаешь, вторая помощь! Будешь?

— Прошу прощения? — простонала Бритт-Мари, щупая шишку на лбу. Больно.

Личность, которая, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, не стояла, а сидела над Бритт-Мари, сунула ей стакан.

— Винный магазин закрыли. Так что, понимаешь, крутимся как можем. Гляди! Водка эстонская или типа того. Неведомая херня, в буквальном смысле. Может, вообще не водка. Один хрен, язык малость дерет, но это с непривычки. Помогает от этого, как его? Обморожения!

Бритт-Мари, страдальчески качая головой, заметила на своем жакете красные пятна.

— Это кровь? — в ужасе воскликнула она.

Было бы ужасно неприятно оставить пятна крови на полу у Личности, даже если пол и немытый.

— Нет! Нет! Ни фига подобного! Ну, шишка-то вскочит после того, как в тебя пульнули, а это, понимаешь, томатный соус, — громогласно сообщила Личность, пытаясь обтереть жакет Бритт-Мари салфеткой.

Бритт-Мари заметила, что Личность сидит в инвалидном кресле. Это трудно не заметить. Личность, кажется, пьяна. В своем суждении Бритт-Мари исходила только из того, что от Личности пахло водкой и она не

попадала в пятно салфеткой. Но ни в коей мере не из предубеждений.

— Я посижу тут, пока ты не перестанешь помирать. Захочешь есть — пообедаешь, — ухмыльнулась Личность и протянула руку к лежащей на табуретке полусъеденной пицце.

— Обедать? Сейчас? — пробормотала Бритт-Мари, ведь не было и одиннадцати.

— Есть хочешь? Вот пицца! — пригласила Личность.

Только теперь сказанное достигло сознания Бритт-Мари.

— Что значит «пульнули»? В меня что, *стреляли*? — выдохнула она, ощупывая голову в поисках отверстия.

— Дадада. Футбольным мячом по башке, — кивнула Личность, пролив водку на пиццу.

Судя по виду Бритт-Мари, она предпочла бы мячу пистолет. Как менее грязный предмет.

Личность, на вид лет сорока, и вынырнувшая сбоку от нее девочка, на вид лет тринадцати, помогли Бритт-Мари подняться. Такого ужаса, как на голове у Личности, Бритт-Мари в жизни не видела. Словно Личность причесывалась перепуганным ежом. Девочка была хотя бы причесана, зато джинсы разорваны на коленках. Разумеется, это очень современно.

Личность беззаботно ухмыльнулась:

— Ребятишки, пуляют и пуляют, засранцы. Футбол хренов. Но ты не сердись, они нечаянно!

Бритт-Мари щупала шишку на лбу.

— У меня что, грязь на лице? — спросила она робко и в то же время с укором.

Личность мотнула головой и отъехала назад, к пицце. Бритт-Мари смутилась, заметив за угловым столиком, над кофейными чашками и вечерними газетами, двух бородатых мужчин в кепках. Как это неприятно — лежать без сознания на виду у всего кафе! Но никто из мужчин не удостоил ее и взгляда.

— Ты в обмороке была всего ничего, — беспечно объяснила Личность, упирая на «всего ничего», и покатила мимо Бритт-Мари с куском пиццы как раз между ртом и кофтой.

Вынув из сумочки крошечное зеркальце, Бритт-Мари вытерла лоб. Упасть в обморок крайне неприятно, но куда неприятнее при этом перепачкаться. Что, если бы она умерла? Что люди бы подумали? Прямо посреди кафе.

— Откуда вы знаете, что они не целились нарочно? — спросила она всего лишь с капелькой осуждения.

Личность развела руками:

— Потому что попали! Когда целятся — ни в жисть не попадут. Футболисты хреновы.

— Ах-ха.

— Ну уж не так все плохо... Ну уж прямо, — обиженно буркнула девочка.

В ее руках Бритт-Мари увидела футбольный мяч. Девочка держала его так, как держат футбольный мяч, когда изо всех сил сдерживаются, чтобы не поддать его ногой.

Личность одобрительно вскинула руку в сторону девочки:

— Это Вега. Работает тут!

— А почему она не в школе? — спросила Бритт-Мари, не спуская глаз с мяча.

— А почему вы не на работе? — ответила Вега, держа мяч, как держат руку любимого человека.

Бритт-Мари крепче вцепилась в сумочку.

— Позволь заметить, я именно туда и направлялась, когда мне запульнули по голове. Представь себе, я заведующая административно-хозяйственной частью молодежного центра. Сегодня мой первый рабочий день.

Вега изумленно раскрыла рот. Словно услышанное неким образом меняло все. Но ничего не сказала.

— Завхоз в центре? — обрадовалась Личность. — Так бы и сказала! У меня же тут это, как его? Заказное письмо! С ключом, ну!

— Меня уведомили, что я получу ключи на почте, — благожелательно поправила ее Бритт-Мари.

— Это тут! Почту закрыли, понимаешь! — гаркнула Личность и покатила к стойке, не выпуская бутылку из рук.

Наступившую тишину нарушил звяк дверного колокольчика и шаги нечищенных ботинок по немытому полу. Личность подняла голову из-под стойки:

— Здорово, Карл! Тут твоя посылка, погоди!

Бритт-Мари обернулась — и едва снова не упала от удара в плечо. Она подняла глаза и увидела густую бороду прямо под невероятно грязной кепкой. Борода, в свою очередь, глядела на нее сверху вниз.

— Смотри, куда идешь! — раздалось из стыка бороды с кепкой.

Бритт-Мари, все это время не сходявшая с места, ужасно растерялась. Поэтому покрепче вцепилась в сумочку и ответила:

— Ах-ха.

— Вы же сами на нее налетели! — фыркнула вдруг Вега у нее за спиной.

Бритт-Мари это совсем не понравилось. Непонятно, как быть, когда за тебя заступаются. Потому что непривычно.

Личность отдала Карлу посылку; тот раздраженно зыркнул на Вегу и враждебно — на Бритт-Мари. Потом угрюмо кивнул мужчинам за столиком в углу. Те кивнули в ответ, еще угрюмее. Дверь радостно звякнула у Карла за спиной. Что с нее взять?

Личность похлопала Бритт-Мари по плечу.

— Да и хрен с ним. Карл это, как его? Как лимон в жопе, понимаешь?

Бритт-Мари не очень поняла, но Личность это мало беспокоило.

— Вечно бурчит — на жизнь, на вселенную и вообще, ну. Не любят они всяких из города, понимаешь, — сообщила она Бритт-Мари, кивнув на слове «они» на мужчин за столиком.

Те читали газеты и пили кофе, в упор не видя обеих.

— Откуда он узнал, что я из города? — поинтересовалась Бритт-Мари.

Личность закатила глаза. Не зная, как это понимать, Бритт-Мари решила разобраться с пятнами на жакете. Лучше бы это были пятна крови, потому что кровь можно удалить содой. А насчет пятен от пиццы Бритт-Мари не знала.

С кличем «Пошли! Покажу тебе молодежный центр!» Личность покатила к двери.

Бритт-Мари засмотрелась на полки с продуктами по другую сторону пиццерии/поликлиники/почты. Словно в супермаркете.

— Прошу прощения, это не магазин?

— Магазин, понимаешь, закрыли, крутимся как можем! — воскликнула Личность.

Бритт-Мари подобное показалось не вполне гигиеничным. И тут же вспомнились грязные окна молодежного центра.

— Прошу прощения, нет ли у вас в продаже «Факсина»?

— Не-а, — ответила Личность, явно не представляя, что такое «Факсин».

Бритт-Мари терпеливо улынулась:

— Это средство для мытья окон.

Бритт-Мари никогда не пользовалась другими средствами, только «Факсином». В детстве она увидела в отцовской утренней газете рекламу. Женщина стояла, глядя в чистое окно, а под картинкой было написано: «„Факсин“ позволит вам увидеть мир». Бритт-Мари влюбилась в эту картинку. Повзрослев, она стала мыть окна с «Факсином» каждый день, она

мыла окна с «Факсином» всю свою жизнь и никогда не имела проблем с тем, чтобы видеть мир. Это мир ее не видел.

— Да понимаю, понимаешь, но «Факсина» тут, понимаешь, нет! — объяснила Личность.

— Что вы хотите этим сказать? — поинтересовалась Бритт-Мари с легким укором.

Личность пожала плечами:

— Понимаешь, «Факсин» сняли с этого, как его? Производства! Невыгодно.

Распахнув глаза, Бритт-Мари пролепетала прерывающимся голосом:

— Что вы хотите этим сказать?

— С производства, понимаешь, — повторила Личность.

Бритт-Мари потрясенно молчала.

— Разве можно так поступать? — выговорила она наконец.

— Невыгодно, — ответила Личность. Как будто это ответ.

— Но ведь так поступать нельзя? — возмущенно воскликнула Бритт-Мари.

Личность пожала плечами:

— Да хрен с ним. У меня есть другое средство! Хочешь?

— Только «Факсин», — отрезала Бритт-Мари, оскорбленная самой мыслью о возможности использовать другое средство.

— У меня есть какая-то русская хрень, вполне себе, вон там... — Личность уже было отправила Вегу за флаконом.

— Нет! — перебила ее Бритт-Мари. И прошипела, идя к двери: — Тогда уж лучше содой!

Никому не позволено решать за Бритт-Мари, как ей смотреть на мир.



Бритт-Мари споткнулась о порог. Словно не только люди в Бorge, но и сам поселок не хочет ее принимать. Она стояла у дверей пиццерии, на пандусе для инвалидов колясок. Поджав пальцы в сапоге почти в кулак, чтобы унять боль. Трактор проехал по шоссе в одну сторону, грузовик — в другую. Потом шоссе опустело. Бритт-Мари никогда не бывала в таких маленьких поселках — только проезжала мимо, в машине, рядом с Кентом. Кент презирал их, эти поселки. «Это из-за них у нас самые высокие налоги в мире. Не поселки, а лагеря на социалке. Соцлагеря», — выдыхал он и радостно кудахтал, словно сострил впервые. Если Бритт-Мари не принималась тотчас же смеяться, Кент пихал ее локтем в бок и вопил: «Понимаешь? Соцлагеря!» Словно все дело именно в этом.

Снова обретая равновесие, Бритт-Мари покрепче вцепилась в сумочку и шагнула с пандуса на большую, засыпанную гравием парковку. Шла она быстро, словно за ней гнались. На самом деле за ней катилась Личность. Вега с футбольным мячом побежала к другим ребятам, тоже в рваных на коленках джинсах. Через пару шагов Вега остановилась, покосилась на Бритт-Мари и пробурчала:

— Сорри, что мы попали вам мячом по голове. Мы в вас не целились.

А потом повернулась к Личности и ядовито добавила:

— Но *могли бы* попасть, даже если бы прицелились!

Она ударила ногой по мячу, послав его мимо мальчишек, в забор между молодежным центром и пиццерией. Кто-то из ребят принял подачу и отбил мяч в тот же забор. Только теперь Бритт-Мари поняла, что это за стук такой стоит в Бorge. Один из мальчишек явно целился в забор, но вместо этого умудрился запустить мяч назад, в сторону Бритт-Мари, под таким углом, что это был почти рекорд среди антирекордов.

Мяч медленно подкатился к Бритт-Мари. Дети, казалось, ждали, что она отобьет его. Бритт-Мари отодвинулась, словно мяч собрался в нее плюнуть. Мяч прокатился мимо. Подбежавшая Вега недоуменно спросила:

— Что же вы не отбиваете?

— А с какой стати я должна была что-то отбивать? — удивилась Бритт-Мари.

Вега сердито уставилась на Бритт-Мари как на сумасшедшую, Бритт-Мари ответила тем же. Девочка точным ударом отправила мяч назад, к мальчишкам, и убежала. Бритт-Мари отряхнула юбку от пыли. Личность глотнула водки.

— Засранцы, понимаешь. Футболисты хреновы. Они и в воду не попадут с этой, как ее? С лодки! Но им же надо где-то, это самое, играть. Вот такая хрень. Муниципалы закрыли футбольную площадку. Землю продали под эту самую, как ее, кооперативную застройку. Потом финансовый кризис, вся херня, ну и вот: ни кооперативов, ни площадки.

— Кент говорит, что финансовый кризис миновал, — доброжелательно проинформировала ее Бритт-Мари.

Личность фыркнула.

— У этого Кента небось, это, как его? Жопа вместо головы?

Непонятно даже, что было обиднее — тот факт, что Бритт-Мари не представляла себе значения этого оборота, или то, что, по ее представлениям, он мог значить.

— Кент разбирается в этом получше вас. Он, пре-ставьте себе, предприниматель. Невероятно успешный. Ведет дела с Германией, — объяснила она.

Личность это не впечатлило. Она указала водочной бутылкой на детей:

— Футбольную команду разогнали, когда закрыли футбольную площадку, ну. Хорошие игроки перебрались на хер в город.

Она кивнула в сторону упомянутого «города», потом снова на детей:

— В город. В двух милях отсюда, ну. А этих вот бросили. Как твой этот, как его? «Факсин»! Сняли с производства. Люди должны окупаться. Этот твой Кент небось одной жопой думает. Финансовый кризис, может, из больших городов и ушел, но в Борге ему, понимаешь, понравилось. Прижился тут, гад!

Хохот Личности стремительно перешел в приступ кашля. Бритт-Мари отметила, что о городе в двух милях отсюда Личность говорит с совершенно другой интонацией, чем о городе, откуда приехала Бритт-Мари. С разным уровнем презрения. Личность сделала такой основательный глоток, что прослезилась, и продолжила:

— В Борге, понимаешь, все ездят на грузовиках. Здесь было, это, как

его? Бюро перевозок! Потом, понимаешь, хренов финансовый кризис. В Борге теперь больше людей, чем грузовиков, и больше грузовиков, чем работы.

Бритт-Мари крепче вцепилась в сумочку, ощутив смутную потребность защищаться.

— Тут крысы живут, — сообщила она Личности — без малейшего возмущения.

Личность рассеянно глотнула водки.

— Им тоже надо где-то жить, ну?

Бритт-Мари кивнула, ни в коей мере не осуждающе.

— Крысы грязные. Они живут в грязи. Но вас это не беспокоит. Это вас, наверное, радует.

Личность почесала в ухе. Внимательно изучила кончик пальца. Глотнула еще водки.

Бритт-Мари добавила крайне благожелательно:

— Если бы вы уделяли больше времени поддержанию чистоты, думаю, у вас в Борге не было бы такого финансового кризиса.

Личность ее, похоже, не слушала.

— Это все это, как его? Миф! Что крысы грязные. Это миф, ну. Они это, как его? Чистоплотные! Умываются, как кошки, понимаешь, язычком. Вот мыши засранки, гадят где ни попадя, а у крыс есть вроде сортира. Срут в одном месте, ну.

При слове «срут» она указала пальцем на собственный зад. Бритт-Мари постаралась не обращать на это внимания. Личность указала на машину Бритт-Мари:

— Ты лучше отгони машину. А то шарахнут по ней мячом.

Бритт-Мари терпеливо покачала головой:

— Это невозможно, она взорвалась, когда я ее парковала.

Личность, смеясь, объехала вокруг машины и посмотрела на вмятину на передней пассажирской двери — вмятину, отчетливо повторяющую форму футбольного мяча.

— Ага. Выброс гравия, — ухмыльнулась она.

— Что это? — Бритт-Мари невольно обошла машину следом за Личностью и теперь сердито смотрела на вмятину в форме футбольного мяча.

— «Выброс гравия». Когда автосервис связывается со страховой компанией, ну. Автосервис это называет — «выброс гравия».

Бритт-Мари рылась в сумочке в поисках списка.

— Ах-ха. Тогда прошу прощения, где ближайший автосервис?

— Тут, — ответила Личность.

Бритт-Мари скептически сощурилась. На Личность, разумеется, а не на ее кресло. Бритт-Мари не из тех, кто осуждает.

— Вы ремонтируете машины?

Личность пожала плечами:

— Автосервис закрыли. Крутимся как можем. Да ты наплюй пока на это! Пошли, покажу тебе молодежный центр?

Она протянула конверт с ключами. Бритт-Мари взяла конверт, посмотрела на бутылку в руках Личности и вцепилась в сумочку. Потом покачала головой:

— Спасибо, все в порядке. Лишнее беспокойство ни к чему.

— Да разве это беспокойство? — И Личность небрежно выписала креслом полукруг вперед-назад.

Бритт-Мари снисходительно улыбнулась:

— Я имела в виду не ваше беспокойство.

Потом повернулась и быстро, чтобы Личность не вздумала последовать за ней, пересекла парковку. Забрав из машины сумки и цветочные ящики, она потащила их к молодежному центру. Отперла его, вошла и заперла изнутри. Не потому, что ей настолько не нравилась Личность, вовсе нет. Бритт-Мари не из тех, кто не любит людей.

Но запах водки напоминал о Кенте.

Снова зазвонил мобильный. Особого энтузиазма в голосе девушки из службы занятости не ощущалось.

— Прошу прощения, но придется связаться с санэпидемстанцией, здесь водятся крысы! — уведомила ее Бритт-Мари.

— Но, Бритт-Мари, пожалуйста, я же пыталась вам об... — начала девушка голосом человека, чей лоб опасно приблизился к столешнице.

— Вы сказали, что я могу звонить, если будут вопросы по работе. Это — вопрос по работе. Крысы на рабочем месте — это негигиенично! — констатировала Бритт-Мари.

— О'кей-о'кей-о'кей, я посмотрю, что смогу сделать, — пролепетала девушка голосом человека, который колотит себя телефоном по голове.

Бритт-Мари закончила разговор. Огляделась. Снаружи лупили в стену, пыльный пол испещрили крысиные следы. И Бритт-Мари поступила так, как всегда поступала в трудных ситуациях: принялась за уборку. Она вымыла окно с содой и вытерла стекла газетой, смоченной уксусом. Результат получился почти как с «Факсином», но ощущение совсем не то. Сделав кашичу из соды, она отдраила кухонную мойку, потом вымыла

полы, потом, смешав соду с лимонным соком, отчистила кафель и краны в ванной, потом смешала соду с зубной пастой и отполировала раковину. Потом насыпала соду в свои цветочные ящики, потому что иначе заведутся улитки.

Кажется, что в ящиках только земля, но там, в глубине, в ожидании весны спят цветы. От того, кто поливает эту землю, зима требует веры. Надо помнить: в том, что выглядит как пустое место, дремлет великая сила. Бритт-Мари не знала, есть ли у нее вера — или осталась только надежда. А может, больше уже нет ни того ни другого.

Обои молодежного центра, покрытые фотографиями людей и футбольных мячей, равнодушно глядели и на нее, и на ее ящики. Футбольные мячи тут были повсюду. Каждый раз, заметив мяч краем глаза, Бритт-Мари сильнее терла пол шваброй, но, разумеется, без малейшей пассивной агрессии. Просто тщательно и благожелательно. Она занималась уборкой, пока стук в стену не прекратился и дети с футбольным мячом не разошлись по домам. Лишь после заката Бритт-Мари поняла, что свет в помещении есть только на кухне. И приземлилась там, на островке люминесцентного света посреди почти закрытого молодежного досугового центра.

Почти всю кухню занимала мойка с разделочным столом, холодильник и две деревянные табуретки. Единственным содержимым холодильника оказалась пачка кофе. Бритт-Мари укорила себя, что не взяла ванильной эссенции. Если смешать ванильную эссенцию с содой, в холодильнике будет пахнуть свежестью.

Она в нерешительности остановилась перед современного вида кофеваркой. Бритт-Мари не варила кофе много лет, потому что Кент делает ужасно вкусный кофе, и Бритт-Мари всегда полагала, что лучше дожидаться, когда он придет домой. Но у кофеварки светилась кнопка — такой любезности Бритт-Мари давно не оказывали. Поэтому она попыталась открыть крышку, куда, по ее представлениям, засыпают кофе. Крышка не поддавалась. Кнопка начала сердито мигать. Бритт-Мари это показалось оскорбительным. В отчаянии она дернула крышку, отчего мигание усилилось, отчего Бритт-Мари дернула крышку еще отчаяннее, и тут кофеварка перевернулась. Крышка отлетела, и жижа из кофейной гущи выплеснулась Бритт-Мари на жакет.

Говорят, в путешествии человек меняется; вот почему Бритт-Мари терпеть не может путешествовать. Меняться она не хочет. Видимо, все дело в путешествии, объясняла она себе потом бешенство, какого не помнила с того дня в самом начале их с Кентом супружества, когда Кент прошел по

паркету в ботинках для гольфа.

Бритт-Мари схватила швабру и что есть сил принялась лупить черенком по кофеварке. Кофеварка сперва мигала, потом в ней что-то хрустнуло, и мигание прекратилось. Бритт-Мари снова и снова обрушивала на нее удары швабры, пока руки не затряслись, а глаза не перестали различать контуры мойки.

Бритт-Мари, задыхаясь, нашарила в сумочке носовой платок. Погасила на кухне свет. Села в темноте на табуретку и заплакала в платок.

Нельзя же плакать на полу. Могут остаться пятна.



Бритт-Мари не ложилась всю ночь. Она привыкла. Если всю жизнь живешь для кого-то другого, то привыкаешь не спать.

Разумеется, она сидела в темноте — что люди подумают, если будут проходить мимо и увидят, что она жжет свет посреди ночи, как какой-нибудь уголовник? Но ложиться не стала — она помнила, какой слой пыли лежал на полу до того, как она прибралась, и если она умрет во сне, то по крайней мере не успеет провонять и покрыться пылью. О том, чтобы лечь спать на один из угловых диванов, не могло быть и речи — они оказались настолько грязными, что Бритт-Мари пришлось надеть по две резиновых перчатки, чтобы засыпать их пекарским порошком. Наверное, она могла бы поспать в машине. Если бы была животным.

Девушка из службы занятости говорила, что в двух милях от поселка есть гостиница, но Бритт-Мари не допускала и мысли, чтобы чужие люди стелили ей постель. Конечно, некоторые только и думают, как бы куда-нибудь уехать, чтобы все стало по-другому. А Бритт-Мари мечтала быть дома и чтобы все было как всегда. Чтобы рядом был Кент, а в шкафчике — почти полный флакон «Факсина». Чтобы самой стелить себе постель.

Не то чтобы Бритт-Мари не нравилось, как это делают горничные отеля, ни в коем случае, но, когда они с Кентом живут в отеле, она всегда вешает на дверь табличку «Не беспокоить» и сама стелет постель и прибирает в номере. Не потому, что осуждает других, вовсе нет, — у Бритт-Мари есть рациональные основания делать все самой. Например, горничные вполне могут оказаться из тех, кто осуждает других, и Бритт-Мари меньше всего хочется, чтобы горничные вечером принялись обсуждать, какая грязь в номере четыреста двадцать третьем. Это рациональное основание. Людей ведь хлебом не корми — дай поосуждать других, и что, если это касается и горничных?

Бывало, Кент ошибался со временем регистрации обратного рейса («Эти сволочи даже время в билете не могут правильно указать!»), так что приходилось пускаться в путь среди ночи, даже не приняв душ. Тогда перед выходом Бритт-Мари бросалась в ванную и на несколько секунд включала душ, чтобы горничная, когда явится убирать, увидела бы воду и не подумала бы, будто постояльцы из четыреста двадцать третьего номера оделись не помывшись.

Кент фыркал, что ее чересчур волнует, что о ней подумают. И до самого аэропорта у Бритт-Мари внутри все кричало. Ведь ей абсолютно все равно, что подумают о ней.

Ей не все равно, что подумают о Кенте.

Бритт-Мари не помнит, когда ему стало все равно, что о ней подумают. Помнит, когда ему было не все равно. Когда он еще смотрел на нее, словно знал, что она есть. Трудно определить, когда расцветает любовь; однажды проснешься — а цветок распустился. И то же самое, когда любовь увядает: однажды становится поздно. В этом смысле у любви много общего с балконными растениями. Иногда не помогает даже сода.

Бритт-Мари не помнит, когда их брак выскользнул у нее из рук. Когда он истерся и истрепался, несмотря на все сервировочные салфетки. Когда-то Кент держал ее за руку, когда они засыпали, и она мечтала его мечты. Не то чтобы у Бритт-Мари не было своих, но мечты Кента были масштабней, а у кого они масштабнее, тот и главнее. Это Бритт-Мари усвоила. На несколько лет она оставила работу, чтобы заботиться о его детях, не мечтая о своих. А потом еще на несколько — чтобы устроить ему приличный дом ради его карьеры, не мечтая о собственной. У нее появились соседи — они называли ее «старой перечницей», когда она тревожилась, что скажут немцы, если у входной двери стоит мусор или на лестничной клетке пахнет пиццей. А друзей не появилось, только знакомые, в основном — жены коллег Кента по бизнесу. Одна из них вызвалась как-то после званого ужина помочь Бритт-Мари с посудой и стала раскладывать в ящике Бритт-Мари ножи-ложки-вилки. Когда ошеломленная Бритт-Мари спросила гостью, что, вообще говоря, она творит, та рассмеялась, словно это была шутка, и сказала: «Да какая разница». И Бритт-Мари с ней раззнакомилась. Кент сказал, что Бритт-Мари недостаточно социализирована, и она несколько лет сидела дома, а он социализировался за них обоих. Несколько лет превратились в десятилетия, а десятилетия в целую жизнь. У лет это обычное дело. Не то чтобы Бритт-Мари отказывалась от собственных

ожиданий. Просто однажды утром она проснулась и поняла, что ждать больше нечего. Вышел пшик.

Она думала, что дети Кента ее любят, но дети повзрослели, а взрослые зовут женщин вроде Бритт-Мари «старыми перечницами». Потом в подъезде жили другие дети, и Бритт-Мари кормила их обедом, если они оставались дома одни. Но у этих детей всегда оказывались собственные мамы и бабушки, которые рано или поздно приходили домой. Потом и эти дети стали взрослыми. А Бритт-Мари стала старой перечницей. Кент сказал, что она недостаточно социализирована, и она полагала, что так и есть.

Так что все, чего ей под конец было нужно, — это балкон и муж, который не ходит в туфлях для гольфа по паркету, время от времени кладет рубашку в стиральную машину и который когда-нибудь, хоть один-единственный раз сказал бы сам, что она приготовила вкусный ужин, чтобы ей не пришлось выпрашивать эти слова. Дом. Дети — пусть не ее, но которые хотя бы приезжают домой на Рождество. Или хоть делают вид, что у них есть веские причины не приезжать. Правильно устроенный ящик для столовых приборов. Окна, через которые можно видеть мир. Кто-то, кто обратит внимание на то, что Бритт-Мари тщательно уложила волосы. Или хоть притворится, что обратил внимание. Или хоть позволит притворяться ей, Бритт-Мари.

Хоть бы кто-нибудь когда-нибудь, хоть один-единственный раз, придя в дом, где пол сияет чистотой, а на столе — горячий ужин, увидел, как она старалась. Потому что люди — они как ужин. Не просто так, а ради чего-то. «Как здорово у тебя получилось». Вот ради этого.

Конечно, сердце разбивается, когда уходишь из больницы, унося рубашку, которая пахнет пиццей и духами. Но разбивается оно по трещинам, которые на нем уже есть.

В шесть часов утра Бритт-Мари зажгла лампу на кухне. Не потому, что ей захотелось света, но она рассуждала так: люди видели, что вчера вечером у нее горела лампа, и пусть они сделают из этого вывод, что Бритт-Мари провела ночь в молодежном центре, зато уж точно не подумают, что в шесть утра она еще спит.

Перед диванами стоял старый телевизор. Бритт-Мари могла бы его включить, чтобы стало не так одиноко, но не включила, потому что по нему наверняка передают футбол. В наше время по телевизору постоянно передают футбол, а от этого Бритт-Мари одиноко еще больше. Стены центра обступили ее в выжидательной тишине. Кофеварка лежала на боку и

больше не мигала. Бритт-Мари сидела рядом на табуретке и вспоминала, как дети Кента сказали ему, что у Бритт-Мари «пассивная агрессия». Кент рассмеялся так, как он смеется, когда пьет водку с апельсиновым соком и смотрит футбольный матч (живот прыгает, порциями выдавливая смех через ноздри), и ответил: «Да у нее не пассивная агрессия и даже не активная пассивность!» А потом засмеялся так, что пролил водку с соком на ковер. Именно в тот вечер Бритт-Мари ни слова не говоря, перетащила ковер в гостиную. Это ни в коем случае не было пассивной агрессией, — но всему есть границы.

Она расстроилась не из-за слов Кента — а из-за того, что он даже не подумал, вдруг она стоит рядом и слышит его слова. Бритт-Мари отлично знала, что Кент сам не представляет, что значит «активная пассивность», но оскорбилась, поскольку прекрасно поняла, какой смысл он вкладывает в это выражение.

Бритт-Мари не сводила глаз с кофеварки. И в какое-то блаженное мгновение вообразила, что сумеет ее починить, но тотчас одумалась и отдернула руку.

Она ничего не чинила с тех пор, как вышла замуж. Дожидалась Кента. Кент, когда в программе о ремонте показывали женщин, вечно говорил, что «бабе даже икейскую мебель не собрать». И ворчал насчет «квоты». Бритт-Мари обычно сидела рядом с ним на диване и разгадывала кроссворд. Всегда рядом с пультом — чтобы чувствовать на коленях пальцы Кента, когда он нашаривает пульт, чтобы переключиться на футбол.

Бритт-Мари глянула на кофеварку и решительно сцепила руки в замок на животе. Потом взяла еще соды и продолжила уборку. Она только-только успела насыпать пекарского порошка на диваны, как раздался стук в дверь. Чтобы открыть, Бритт-Мари требуется некоторое время — ровно столько, сколько нужно, чтобы забежать в ванную и уложить волосы перед зеркалом, а ведь света в ванной нет.

Кент никогда не понимал, зачем она каждый раз так тщательно причесывается. Даже перед выходом в магазин.

Как будто дело в том, что люди о ней подумают.

За дверью сидела очень довольная Личность с картонной коробкой в руках.

— Ах-ха, — сказала Бритт-Мари коробке.

— Отличное вино, понимаешь. Дешевое. С грузовика упало, ну! — объяснила Личность.

Бритт-Мари не поняла.

— Только придется перелить в бутылку с этикеткой и всей хренью, на случай, если налоговая привяжется. У меня в пиццерии называется — «домашнее красное», на случай, если налоговая привяжется, о'кей? — Личность кинула коробку Бритт-Мари, после чего переехала через порог и огляделась.

На смесь снега и гравия, оставленную колесами на полу, Бритт-Мари смотрела с таким отвращением, словно это были экскременты.

— Прошу прощения, как продвигаются работы по ремонту моего автомобиля? — спросила она.

— Во продвигаются! Во! А я, понимаешь, Бритт-Мари, спросить хотела: тебе цвет важен?

— В каком смысле? — изумилась Бритт-Мари.

Личность взмахнула руками:

— Да знаешь, есть у меня дверь. Во дверь! Но как бы не того цвета, что машина. Как бы... в желтизну.

— А с моей дверью что? — перепугалась Бритт-Мари.

— Ничего! Ничего! Просто спрашиваю! Желтая дверь? Не подходит? Она это, как его? Окислилась! Старая дверь. Уже почти не желтая. Уже практически белая.

— Прошу прощения, мне хотелось бы в полной мере довести до вашего сведения, что машина у меня белая и я никоим образом не потерплю в ней желтой двери! — воскликнула Бритт-Мари.

Личность замахала руками на Бритт-Мари:

— О'кей-о'кей. Тише, тише, тише. Достанем белую. Не проблема. Не лимон в заднице. Но белая меняет эти, как их? Сроки доставки!

Она беззаботно кивнула на вино:

— Вино любишь, Бритт?

— Нет, — ответила Бритт-Мари, не потому что она не любила вина, а потому что, если ответишь «я люблю вино», люди сделают вывод, что ты алкоголик.

Бритт-Мари не хотелось, чтобы люди делали такие выводы.

— Все любят вино, Бритт! — ухмыльнулась Личность.

— Меня зовут Бритт-Мари. Бритт меня звала только моя сестра, — возмутилась Бритт-Мари.

— Сестра? — Личность просияла. — Значит, есть это, как его? Второй экземпляр? Свезло миру!

Личность ухмыльнулась, словно это была шутка. Причем, по-

видимому, на ее, Бритт-Мари, счет.

— Сестра умерла, когда мы были маленькими, — сообщила она, не отрывая взгляда от пакета с вином.

— Ой... ну блин... я... это, как его? Соболезную, — печально проговорила Личность.

Бритт-Мари сильно поджала пальцы в туфлях и тихо ответила:

— Ах-ха. Очень любезно с вашей стороны.

Личность уже улыбалась.

— Вино вкусное, но немного это, как его? Мутноватое! Его бы пару раз процедить через такой кофейный фильтр, ну. И будет зашибись! — с энтузиазмом сообщила она.

Заметив на полу сумку Бритт-Мари и цветочные ящики, Личность улыбнулась еще шире:

— Вот хотела подарить его тебе в честь выхода на работу, но вижу, что оно больше подарок на это, как его? Новоселье!

Бритт-Мари с оскорбленным видом держала пакет на вытянутых руках, будто тикающую бомбу.

— Позвольте заметить, я здесь не живу.

— А где ж ты спала? — ухмыльнулась Личность.

— Я не спала. — Бритт-Мари захотелось вышвырнуть пакет за дверь и зажать уши руками.

— Тут есть типа гостиница, — сказала Личность.

Бритт-Мари благожелательно кивнула:

— Ах-ха, у вас и гостиница есть, подумать только! И пиццерия, и автосервис, и почта, и продуктовый магазин, и гостиница? Должно быть, вам это нравится. Не нужно определяться с выбором.

Физиономия Личности вытянулась от непритворного удивления.

— Гостиница? Зачем мне гостиница? Нет-нет-нет, Бритт-Мари. Это не мой — этот, как его? Профиль!!

Бритт-Мари потопталась в нерешительности и наконец поставила вино в холодильник.

— Я не люблю гостиницы, — сообщила она и захлопнула дверцу.

— Нет, едрить! Не ставь в холодильник, в нем осадок будет! — завопила Личность.

Бритт-Мари смирила ее сердитым взглядом.

— Неужели обязательно сквернословить в помещении, словно мы какие-то дикари?

Личность поехала на кухню и принялась дергать ящики в поисках кофейных фильтров.

— О-о-о, Бритт-Мари! Нашла. Фильтруем. Будет зашибись. Или, понимаешь, можно с фантой смешать. У меня есть дешевая, понимаешь. Китайская!

Вдруг Личность осеклась: заметила кофеварку. По крайней мере, ее останки. Бритт-Мари неловко сцепила руки в замок. Ей захотелось найти вход в черную дыру, отряхнуть его от невидимых пылинок и провалиться туда.

— Что... что это? — спросила Личность, переводя взгляд со швабры на останки кофеварки с отметинами от ручки швабры.

Бритт-Мари долго стояла молча, с пылающими щеками. Может быть, она думала о Кенте. Наконец она кашлянула, выпрямила спину и, глядя Личности прямо в глаза, произнесла:

— Выброс гравия.

Личность посмотрела на нее. Потом на кофеварку. На швабру. И захохотала. Громко. Потом закашлялась. Потом захохотала еще громче. Бритт-Мари глубоко оскорбилась. Разве она сказала что-то смешное? Во всяком случае, сама Бритт-Мари ничего смешного в виду не имела. Она уже не первый год, насколько помнит, не имеет в виду ничего смешного. Стало быть, смеются над ней, а не над ее словами, а это обидно. Такое случается, если долго живешь бок о бок с человеком, который постоянно пытается говорить смешное. В их браке смешное говорил только он. Кент говорил смешное, а Бритт-Мари шла на кухню мыть посуду. Вот такое разделение труда.

А теперь вот Личность захлебывалась от хохота, так что кресло грозило перевернуться. Бритт-Мари растерялась, а ее естественная реакция на растерянность — раздражение. И никакая не агрессия, разумеется, потому что Бритт-Мари не агрессивна. Она принесла пылесос и принялась демонстративно пылесосить посыпанные пекарским порошком диваны.

Хохот перешел в хихиканье и бормотание «выброс гравия, выброс гравия, уржаться, ну». Потом Личность умолкла, призадумалась и выпалила:

— У тебя там в машине здоровенная упаковка!

Словно это сюрприз для Бритт-Мари. Судя по голосу, Личность все еще ухмылялась.

— Я знаю, — ответила Бритт-Мари, не оборачиваясь.

Кресло Личности подкатилось к двери.

— Тебе помочь, это, ее дотащить?

В ответ Бритт-Мари включила пылесос. Личность завопила во всю

глотку, чтобы перекрыть гул:

— Мне это ничего не стоит!

Бритт-Мари крепко-крепко, изо всех сил, вдавливала насадку пылесоса в диванную обивку. Снова и снова, до тех пор, пока Личность не сдалась, крикнув напоследок: «У меня, понимаешь, есть типа фанта, если хочешь, к вину! И пицца!» Дверь закрылась. Бритт-Мари выключила пылесос. Не хочется быть невежливой, потому что она вежливый человек. Но с упаковкой ей помогать не надо. Сейчас для Бритт-Мари самое важное на свете — это чтоб никто ей не помогал с этой упаковкой.

Потому что в ней — мебель из «Икеи».

И Бритт-Мари соберет ее сама.



Время от времени мимо Борга проезжают грузовики, отчего молодежный центр сотрясается, будто стоит на разломе литосферы. Она постоянно встречается в кроссвордах, эта литосфера, так что Бритт-Мари в таких вещах разбирается. О местах вроде Борга Бритт-Мари слышала от матери, будто они «за гранью добра и зла», потому что о сельской местности и ее жителях мать Бритт-Мари была именно такого мнения.

Мимо прогрохотал еще один грузовик. Зеленый. Стены тряслись. Бритт-Мари, конечно, уже поняла: раньше грузовики приезжали в Борг, а теперь едут мимо. Сюда уже никто не едет. И отсюда тоже.

Этот грузовик напомнил Бритт-Мари другой. Промелькнувший в окне машины — тогда, в последний день ее детства. С тех пор Бритт-Мари то и дело спрашивала себя, успела бы она крикнуть. Как будто это могло что-то изменить. Мама велела Ингрид пристегнуться, а Ингрид никогда не пристегивалась и теперь не стала. Они стали пререкаться — и не увидели грузовика. А Бритт-Мари увидела — она-то всегда пристегивалась, ей хотелось, чтобы мама обратила внимание, что она пристегнулась. Но мама никогда не обращала на это внимания, потому что Бритт-Мари и так все делала правильно.

Он налетел справа. Зеленый. Это Бритт-Мари помнит. Помнит стекла и кровь по всему сиденью. Последнее, что запомнила Бритт-Мари, прежде чем потерять сознание, — что надо убрать кровь и стекло. Навести порядок. И когда она очнулась в больнице, то именно этим и занялась. Стала наводить порядок. После похорон сестры, когда одетые в черное родственники пили кофе в родительской квартире, Бритт-Мари положила салфетку под каждую чашку, перемыла все блюда и протерла все окна. Когда отец начал все дольше задерживаться на работе, а мать окончательно перестала разговаривать, Бритт-Мари прибиралась. Чистила, мыла, драила. Наводила порядок.

Она надеялась, что мама рано или поздно встанет с постели, увидит и скажет: «Как здорово у тебя получилось!» Только этого так и не произошло. Они никогда не говорили о горе — но не могли говорить и ни о

чем другом. Бритт-Мари вытащили из машины какие-то люди, кто — она не знала, но знала, что мать в молчаливой своей ярости так и не простила им, что они спасли не ту дочь. Может быть, Бритт-Мари тоже их так и не простила. За то, что спасли ей жизнь, в которой остался только страх дурно пахнуть после смерти. А однажды Бритт-Мари читала отцовскую утреннюю газету и увидела рекламу средства для мытья окон. Так жизнь и пошла.

И вот ей шестьдесят три, она вдали от дома, за гранью добра и зла, и созерцает Борг из окна на кухне молодежного центра; «Факсина» у нее нет, и мира она не видит.

Разумеется, Бритт-Мари стояла достаточно далеко от окна, чтобы не было видно, что она стоит и смотрит в окно. Что о ней подумают? Что она целыми днями пялится в окно, как уголовник? Но ее машина оставалась на парковке. Бритт-Мари забыла в ней ключи, а упаковка из «Икеи» так и лежит на заднем сиденье. Да и как ее дотащишь до молодежного центра — упаковка-то тяжеленная! Почему, не очень понятно, потому что не очень понятно, что там внутри. Предполагалось, что табуретка наподобие тех двух, что стоят на кухне молодежного центра, но когда Бритт-Мари нашла на складе «Икеи» нужный стеллаж, то упаковок с табуретками на полке не оказалось. Бритт-Мари впала в ступор и полдня осмысляла, нужна ли ей именно табуретка, пока не испугалась, что это наверняка выглядит подозрительно. Что люди подумают? Наверняка что она собирается что-нибудь стащить. От этой мысли ее охватила паника, и, внезапно исполнившись невероятной силы, Бритт-Мари сволокла с ближайшей полки первую попавшуюся упаковку, во всех отношениях очень похожую на то, что она искала все это время. Как ей удалось перегрузить упаковку из тележки в машину, Бритт-Мари и сама потом поражалась. Наверное, это была та самая сила, которая в телесюжетах про землетрясения появляется у матерей, помогая им поднимать каменные плиты, чтобы спасти детей. Просто в Бритт-Мари эта сила пробудилась от страха, что посторонние заподозрят ее в преступных намерениях.

На всякий случай Бритт-Мари отошла еще дальше от окна. Ровно в двенадцать часов она накрыла себе стол к обеду. Это был не то чтобы обед и не то чтобы стол — всего лишь жестянка арахиса из гостиничного минибара и стакан воды, но цивилизованные люди обедают в двенадцать, а Бритт-Мари — человек цивилизованный. Прежде чем сесть, она постелила на диван носовой платок, высыпала арахис на тарелку и принялась есть орешки ножом и вилкой; осуществить это оказалось так же трудно, как

вообразить. Потом Бритт-Мари вымыла посуду и еще раз прибралась, так тщательно, что у нее почти кончился запас соды.

Она обнаружила маленькую прачечную со стиральной и сушильной машинами. Бритт-Мари вымыла обе, употребив на это остатки соды, как голодающий на необитаемом острове жертвует последним метром рыболовной лески. Не потому, что Бритт-Мари собралась стирать, а потому что невыносимо думать, что они стоят здесь немытые. В углу за сушилкой обнаружился мешок, полный белых маечек с цифрами. Футболки, догадалась Бритт-Мари. Все стены молодежного центра были плотно увешаны фотографиями разных людей в таких же маечках. Разумеется, футболки оказались сплошь в пятнах от травы. Это кем надо быть, чтобы заниматься спортом на улице в светлой одежде? Дикарями!

Взяв мобильный, Бритт-Мари позвонила девушке из службы занятости, чтобы узнать — как она полагает, есть ли в продуктовом магазине/пиццерии/автосервисе/на почте в продаже сода. Сода исключительно эффективна от травяных пятен. Девушка не отвечала. Занята своей статистикой, естественно. Бритт-Мари погибает в диком краю, но это никого не волнует.

Бритт-Мари сняла с вешалки пальто. Прямо возле двери, сбоку от фотографий футбольных мячей и людей, которым другого дела нет, как пинать их, висела желтая футболка с надписью «Банк» над цифрой «10». Прямо под ней красовалась фотография улыбающегося старика, который держит перед собой эту самую футболку.

Надев пальто, Бритт-Мари открыла дверь. И увидела лицо, на котором читалось явное намерение постучаться в упомянутую дверь. Лицо посасывало снюс — во всех отношениях скверное начало для непродолжительных отношений лица и Бритт-Мари, которая снюс терпеть не могла. Отношения закончились через двадцать минут; лицо отправилось своей дорогой, посасывая снюс и бурча что-то похожее на «мымра».

Тогда Бритт-Мари снова взяла телефон и позвонила все по тому же единственному известному ей номеру. Девушка из службы занятости опять не ответила. Бритт-Мари позвонила еще раз, потому что на телефонные звонки положено отвечать. Даже в двенадцать или в шесть. Особенно в двенадцать или в шесть — если тебе звонят в обед или в ужин, значит, у человека случилось что-то серьезное. Иначе ни один цивилизованный человек не станет звонить, когда другие едят.

— Да? — ответила наконец девушка, с набитым ртом.

— Ах-ха, — произнесла Бритт-Мари.

— Бритт-Мари? — жуя, проговорила девушка.

— Вы отвечаете с набитым ртом. Вашего работодателя, наверное, радует, что вам настолько комфортно на работе. — В голосе Бритт-Мари звучала неподдельная благожелательность.

— Простите. У меня обед, — неосторожно призналась девушка.

— Сейчас? Уже половина второго! — возмутилась Бритт-Мари, словно девушке вздумалось пошутить.

Потому что такими вещами не шутят.

— М-м-м, у меня сегодня тут некоторый аврал, так что с обедом пришлось задержаться, — ответила девушка с некоторым намеком на то, что некоторый аврал подразумевает в том числе и полдня, проведенные на телефоне в попытках найти в окрестностях Борга фирму по истреблению грызунов.

Бритт-Мари вздохнула — благожелательно и ни в коей мере не осуждающе:

— Голубушка, у нас ведь не военное положение. Кто же обедает в половине второго.

Девушка не ответила — она не поняла, вопрос это или утверждение.

— Будь вы немножко организованней, — исключительно благожелательно продолжила Бритт-Мари, — вам не пришлось бы так нервничать из-за того, что вы не успеваете пообедать, правда же?

Девушка, яростно жуя, попыталась сменить тему:

— Крысомор приходил? Я обзванивала фирмы несколько часов без остановки, но все же нашла одну, где обещали приехать сра...

— Крысоморка, — поправила Бритт-Мари.

— Что?

— Приезжала *она* — *крысоморка*. Очень современно! — уведомила ее Бритт-Мари.

— Ага.

— У нее во рту был снюс, — сообщила Бритт-Мари, словно это должно было снять все дальнейшие вопросы.

— Ага, — повторила девушка.

— Ах-ха.

— Так она занялась крысой?

— Нет. Ни в малейшей степени!

— Что?

— Она вошла в грязных ботинках, а я только что вымыла пол. И при этом сосала снюс. Сказала, что просто разбросает отраву, так и сказала, а

такое нельзя делать как попало, как по-вашему, можно такое делать как попало? Разбрасывать отраву как попало?

— Н-н...нельзя? — попытала счастья девушка.

— Нельзя! Категорически нельзя! Нельзя. Ведь кто-нибудь может умереть! Я так и сказала. Тогда она закатила глаза, в этих своих грязных ботинках и со снюсом во рту, и сказала, что тогда поставит крысоловку и положит туда сникерс! Сникерс! — Бритт-Мари повысила голос.

Девушка, наоборот, понизила:

— Сникерс, в смысле... батончик?

— На моем только что вымытом полу, — выговорила Бритт-Мари голосом человека, у которого внутри все кричит.

— О'кей. — Девушка тут же пожалела о сказанном, потому что все оказалось вовсе не о'кей.

На том конце воцарилось молчание. Бритт-Мари поправила волосы, собралась с силами и продолжила:

— Тогда я сказала — пусть уж лучше отраву, и знаете, что она ответила? Знаете? Что если крыса съест отраву, то никто не знает, где она подохнет. Она может забраться в стену и подохнуть там. Будет лежать и вонять! Вы это знали? Вы знали, что направили сюда женщину, которая сосет снюс и считает в порядке вещей, чтобы животные подышали и воняли?

— Нет, нет, Бритт-Мари, пожалуйста, я только хотела помочь вам. — Судя по голосу девушки, она снова билась лбом о столешницу.

— Ах-ха. Помогли так помогли, нечего сказать. Разумеется, вам не понять, что некоторым есть чем заняться кроме того, чтобы целыми днями препираться с крысоморками, — благожелательно произнесла Бритт-Мари.

— Это точно, — согласилась девушка.

— Что, простите? — удивилась Бритт-Мари.

— Ничего-ничего.

После очень, очень долгого молчания Бритт-Мари наконец произнесла:

— Х-хе.



В магазине была очередь. Или в пиццерии. Или на почте. Или в автосервисе. Или как это назвать. Но очередь была. Среда бела дня. Как будто людям нечем больше заняться.

Мужчины в бородах и кепках сидели за столиком — пили кофе и читали вечерние газеты. В конце очереди встал Карл, в руках — очередная посылка. Хорошо, наверное, иметь столько свободного времени. Перед Бритт-Мари стояла квадратная дама лет тридцати, в темных очках. Темные очки в помещении. Разумеется, это современно. Рядом — белая собака. Не то чтобы очень гигиенично. Дама взяла пачку масла, шесть банок пива с иностранными буквами (Личность достала их из-под прилавка), большую упаковку яиц, четыре упаковки бекона и больше сортов шоколадного печенья, чем нужно цивилизованному человеку, чтобы иметь возможность выбора. Личность спросила: «В кредит?» — и дама мрачно кивнула. Сгрести покупки в пакет. Не то чтобы дама была толстухой — Бритт-Мари не из тех, кто клеит людям подобные ярлыки, — но, видимо, некоторым приятно идти по жизни, так откровенно не заботясь об уровне холестерина.

— Слепая, что ли? — рявкнула дама, налетев на Бритт-Мари.

Бритт-Мари изумленно вытаращила глаза. Поправила волосы.

— Отнюдь. У меня великолепное зрение. Я обсуждала это с окулистом. И позвольте вас уведомить, он сказал: «У вас великолепное зрение, Бритт-Мари!» — уведомила даму Бритт-Мари.

— Тогда, может, посторонишься? — буркнула дама, поводя тростью в направлении Бритт-Мари.

Бритт-Мари посмотрела на трость. На собаку. На темные очки. Произнесла «ах-ха», смущенно кивнула и только потом сообразила, что ее кивок не имеет смысла. Слепая и ее собака прошли скорее сквозь Бритт-Мари, чем мимо нее. Дверь за ними радостно звякнула. Дверь — она дверь и есть, что с нее возьмешь?

Личность прокатилась мимо Бритт-Мари, ободрительно махнув рукой.

— Не обращай внимания. Она как Карл. Лимон в жопе.

Личность сделала уточняющий жест, показывая, где и насколько глубоко засел лимон, и выкинула на прилавок штабель пустых коробок для пиццы. Бритт-Мари поправила волосы, юбку и чуть накренившуюся верхнюю коробку, заодно пытаясь поправить и чуть съехавшее самоуважение, после чего осведомилась — крайне благожелательно:

— Позвольте спросить, как продвигаются работы по ремонту моего автомобиля?

Личность поскребла в голове.

— Точно-точно, машина, да. А скажи-ка мне, Бритт-Мари: для тебя эта дверь имеет значение?

— Что вы хотите этим сказать? — Бритт-Мари похолодела.

Личность всплеснула руками:

— Ну просто это, уточнить. Цвет: имеет, поняла. Желтая дверь: не пойдет. Вот я и спрашиваю: дверь для тебя значение имеет? Если нет, то машина это, как его? Готова, можно забирать! А если имеет, то... ну увеличатся... эти, как их? Сроки доставки!

Вид у Личности был крайне довольный.

Чего никак нельзя было сказать о Бритт-Мари.

— Дверь в машине мне, вообще говоря, нужна!

Личность замахала руками:

— Ясно-понятно, ты только не серчай. Я спросила — ты сказала. Дверь: сроки чуток увеличены! — Личность даже показала этот «чуток» большим и указательным пальцами: всего пара сантиметров.

Бритт-Мари поняла, что проваливает переговоры. Ах, если бы здесь был Кент — вот кто умеет договариваться! По его словам, когда ведешь переговоры, собеседнику надо делать комплименты. Бритт-Мари сосредоточилась и произнесла:

— Здесь, в Бorge, у всех определенно есть время ходить в магазин среди бела дня. Должно быть, столько досуга — это очень приятно.

Личность подняла брови:

— А сама-то? Страшно это, как его? Занята?

Бритт-Мари терпеливо сложила руки в замок.

— Позвольте вас уведомить, я достаточно занята. Очень и очень. Но у меня неожиданно кончилась сода. Сода у вас в... магазине есть? — Слово «магазин» она произнесла с ангельской кротостью.

— БЕГА! — гаркнула Личность, так что Бритт-Мари подскочила, едва не опрокинув штабель коробок.

Из-за прилавка вынырнула вчерашняя девочка — снова с футбольным

мячом в руках. Рядом с девочкой был мальчик, как две капли похожий на нее, только волосы длиннее. Разумеется, это так по-современному.

— Соды для этой дамы, с вашего этого, как его? С вашего позволения! — произнесла Личность и театрально поклонилась Бритт-Мари. Бритт-Мари такой учтивости не оценила.

— Это она, — шепнула Вега мальчику.

Мальчик посмотрел на Бритт-Мари, словно на потерявшийся ключ. Он стремглав бросился к полкам и, спотыкаясь, вернулся с двумя флаконами в руках. «Факсин». У Бритт-Мари перехватило дыхание.

То, что она ощутила в последовавшие несколько минут, в кроссвордах иногда обозначают как «внетелесное переживание». На несколько мгновений исчез продуктовый магазин, пиццерия, мужчины с бородами и чашками с кофе и вечерними газетами. Осталось только сердце, оно билось, как пойманная птица. Когда твое сердце бьется посреди кафе — это, согласитесь, весьма досадно.

Мальчик опустил флаконы на прилавок, словно кот — пойманную белку. Пальцы Бритт-Мари метнулись к ним прежде, чем самоуважение успело их отдернуть. Бритт-Мари словно вернулась домой.

— Я... я поняла из ваших слов, что его сняли с производства, — прошептала она, обращаясь к Личности.

Ответил мальчик:

— Спокуха! Омар все достанет! — Он энергично ткнул пальцем себе в грудь:

— Омар — это я!

Он ткнул в «Факсин» еще энергичнее.

— Все заграничные грузовики останавливаются на заправке в городке! Я там всех знаю! Достану что хотите!

Личность кивнула, словно учительница в классе:

— Заправку в Борге закрыли. Нерентабельно!

— Хотите, достану бензин в канистре, поедете домой за так! А хотите, достану еще «Факсина»! — надсаживался мальчик.

Вега закатила глаза.

— Это я сказала, что ей нужен «Факсин», — прошипела она и положила пачку соды на прилавок.

— А я его достал! — не сдавался мальчик, не сводя глаз с Бритт-Мари.

— Это мой младший брат, Омар, — вздохнула Вега.

— Мы родились в один год! — запротестовал Омар.

— В январе и декабре, ага! — фыркнула Вега.

— Я в Борге главный решала. Круче всех! Если что понадобится — только скажите! — Омар самодовольно подмигнул Бритт-Мари, хоть и получил от сестры ногой по лодыжке.

— Лох, — вздохнула Вега.

— Падла! — отозвался Омар.

Бритт-Мари не успела понять, гордиться ей или стесняться своей осведомленности о том, что означают эти слова, как Омар повалился на пол, схватившись за губу. Вега уже выходила в дверь: в одной руке футбольный мяч, вторая все еще сжата в кулак.

Личность ухмыльнулась Омару:

— У тебя это, как его? Сладкая вата вместо мозгов! Ничему не учишься, а?

— Вот подляна, я же не ожидал, — огрызнулся Омар и встал; из разбитой губы текла кровь.

Личность принесла еще водки. Омар повернулся к Бритт-Мари:

— Я не ожидал! Только последние трусы бьют человека, когда он не ожидает!

Бритт-Мари не знала, что тут полагается ответить. Тут Омар вытер губу, и его злость — улетучилась. Так малыш, собравшись расплакаться, что уронил мороженое, отвлекается на блестящий мячик.

— Если хотите новые диски для машины, могу достать. Или что угодно. Шампунь, сумочки, что угодно. Достану!

— Может, пластырь достанешь? — ехидно спросила Личность, показав пальцем на его губу.

Бритт-Мари крепче вцепилась в сумочку и поправила волосы, словно мальчик походя задел и то и другое.

— Мне категорически не нужны ни шампунь, ни сумочки.

Омар кивнул на «Факсин»:

— Вот это стоит по тридцать монет каждая, но вы можете взять их в кредит.

— Кредит? — воскликнула Бритт-Мари; предложи он ей заплатить натурой, она не пришла бы в большой ужас.

— Все в Борге покупают в кредит. Это нормально, — пояснил мальчик.

— Я категорически не беру ничего в кредит! Понимаю, что вы здесь, в Борге, наверное, не понимаете, но некоторые в состоянии заплатить! — прошипела Бритт-Мари.

Последние слова вырвались у нее сами — она их говорить не собиралась.

Личность больше не улыбалась. Бритт-Мари и мальчик оба покраснели, стыдясь каждый за свое. Бритт-Мари поспешно положила деньги на прилавок, мальчик взял их и выскочил за дверь. Вскоре снова раздался глухой стук. Бритт-Мари старалась не смотреть Личности в глаза.

— Мне не дали чека, — констатировала она тихо и без малейшего укора.

Личность покачала головой, поцокала языком.

— Он что, похож на «Икею»? Он же не это, как его? Концерн. Просто пацан с велосипедом.

— Ах-ха, — отозвалась Бритт-Мари.

— Еще что-нибудь? — поинтересовалась Личность — на этот раз значительно менее приветливо — и сложила соду и «Факсин» в пакет.

Бритт-Мари улыбнулась как можно благожелательней:

— Прошу прощения, но как же без чека? Иначе не докажешь, что ты не преступник.

Личность закатила глаза (без чего, по мнению Бритт-Мари, можно было и обойтись) и пощелкала кнопками кассового аппарата. Выехал ящичек с деньгами (которых там оказалось не особенно много), и аппарат выплюнул бледно-желтую бумажку.

— Итого шестьсот семьдесят три кроны пятьдесят эре, — объявила Личность.

Бритт-Мари вытаращила глаза и поперхнулась:

— За соду?

Личность указала в сторону парковки.

— За вмятину на машине. Я это, как его? Произвела внешний осмотр! Я не хочу тебя это, как его? Оскорблять. Поэтому никакого кредита. Шестьсот семьдесят три кроны пятьдесят эре.

Бритт-Мари едва не уронила сумочку. Серьезная сумма!

— У меня... кто... вообще! Ни один цивилизованный человек не носит с собой столько наличных! — произнесла она, повысив голос — вдруг в помещении есть преступники? Конечно, здесь одни только мужчины с бородами и кофе, и никто из них даже не взглянул на нее, но все-таки. Бороды бывают и у преступников — у Бритт-Мари нет предубеждений. — Может, карточкой? — спросила она, чувствуя, что заливается краской.

Личность неуступчиво покачала головой:

— У фотографа карточки, Бритт-Мари. А у нас здесь — наличные.

— Ах-ха. Тогда не могли бы вы сообщить мне, где тут ближайший банкомат.

— В городке, — холодно ответила Личность и скрестила руки на

груди.

— Ах-ха...

— Банкомат в Борге закрыли. Нерентабельно. — И Личность, подняв брови, кивнула на чек.

Бритт-Мари в отчаянии заметалась взглядом по стене, чтобы отвлечься от своих пылающих щек. На стене висела желтая футболка, точно такая же, как в молодежном центре. «Банк» над цифрой «10» на спине.

Личность увидела, что Бритт-Мари смотрит на футболку; она закрыла кассу, завязала пакет с содой и «Факсином» и подтолкнула его по прилавку к Бритт-Мари.

— Здесь не стыдно брать в кредит, Бритт-Мари. Может, стыдно там, откуда ты приехала, а в Борге — нет, — сказала она.

Бритт-Мари, не зная, куда девать глаза, взяла пакет. Личность глотнула водки и кивнула на желтую футболку на стене.

— Звезда тутошней команды. Прозвали Банком, потому что, когда Банк играл за Борг, это, как его? «Надежно, как в банке!» Давно уж. До финансового кризиса. Потом заболел. Тоже, знаешь, вроде кризиса. И все, нету его.

Личность кивнула на дверь: мяч лупил о доски.

— Папаша Банк тренировал нашу мелюзгу. Держал их в тонусе. Весь Борг в тонусе держал. Со всеми дружил! Но у Бога, знаешь, хреновая бухгалтерия. Раздает, гад, инфаркты кому положено и кому нет. Отец Банк помер месяц назад.

Деревянные стены заведения дрожали и скрипели. Один из мужчин с вечерними газетами и кофейными чашками подошел к прилавку и взял еще кофе. Добавка тут бесплатная, отметила Бритт-Мари.

— Его нашли на полу в этой, как ее? В кухне! — прибавила Личность.

— Прошу прощения?

Личность указала на желтую футболку. Пожала плечами.

— Папашу Банка, ну. На полу в кухне. Утром. Раз — и помер. — Она щелкнула пальцами. Бритт-Мари передернуло. Вдруг и ее обнаружат на кухонном полу? Бритт-Мари подумала про сердечный приступ Кента. Кент всегда был таким рентабельным! Бритт-Мари молчала, вцепившись в пакет с «Факсином» и содой. Личность даже встревожилась.

— Эй, это, тебе еще что-нибудь? У меня есть этот, как его? «Бейлис»! А хочешь — шоколадный ликер! Ну, типа копия, понимаешь, но если развести «О'бой» и водкой — то нормально! Если это... пить залпом!

Бритт-Мари резко помотала головой. И пошла к двери, но вспомнила про кухонный пол, осторожно обернулась, а потом, передумав, снова

повернулась к двери.

Потому что всем стоило бы давно усвоить: Бритт-Мари не принимает спонтанных решений. «Спонтанный» — синоним «иррационального», это Бритт-Мари твердо знает, а назвать Бритт-Мари иррациональным человеком ни у кого язык не повернется. Так что ей пришлось нелегко. Бритт-Мари снова оглянулась, потом спохватилась и отвернулась — и, уже стоя лицом к двери, понизив голос, спросила как можно спонтаннее:

— А батончики сникерс у вас, случайно, не продаются?

В январе в Бorge темнеет рано. Бритт-Мари вернулась в молодежный центр и теперь сидела в одиночестве на кухонной табуретке; входная дверь была открыта. Холод не мучил Бритт-Мари, ожидание — тоже. К ожиданию привыкаешь. У нее теперь достаточно времени, чтобы обдумать то, через что она сейчас проходит, — разновидность жизненного кризиса. Она про это читала. У людей то и дело случаются жизненные кризисы.

Крыса вошла в открытую дверь в двадцать минут седьмого. Села на пороге и в высшей степени настороженно осмотрела сникерс на тарелке, стоящей на полотенчике. Строго посмотрев на крысу, Бритт-Мари решительно сложила руки в замок.

— На будущее — мы ужинаем в шесть часов вечера. Как цивилизованные люди.

После некоторого размышления она добавила:

— И крысы.

Крыса смотрела на шоколадный батончик. Бритт-Мари сняла упаковку, положила шоколадку на середину тарелки, рядом — аккуратно сложенную салфетку. Бритт-Мари смотрела на крысу.

— Ах-ха. — Она откашлялась. — Мне не слишком хорошо даются беседы такого рода. Я недостаточно социализирована, как утверждает мой муж. Сам он невероятно социализирован, это все говорят. Он, знаете ли, предприниматель.

Крыса не ответила, и Бритт-Мари пояснила:

— Очень успешный. Очень, очень, очень успешный.

Она подумала, не рассказать ли крысе о своем жизненном кризисе. Объяснить, как трудно, когда ты остался один, если всю жизнь существовал для кого-то другого. Но доставлять крысе дискомфорт не хотелось. Поэтому Бритт-Мари расправила складку на юбке и официальным тоном произнесла:

— У меня к вам предложение. Каждый вечер, в шесть часов вам здесь подадут ужин. — Бритт-Мари указала на батончик. — Предложение, если

вы найдете его взаимовыгодным, будет означать, что я не позволю вам в случае вашей смерти лежать в стене и пахнуть. А вы сделаете то же для меня. Пусть знают, что мы с вами — тут.

Крыса осторожно подкралась к батончику. Вытянула шею, обнюхала. Бритт-Мари стряхнула невидимые крошки с колен.

— Дело, знаете ли, в бикарбонате — когда умираешь, он исчезает из тела. От этого возникает запах. Я прочла об этом, когда Ингрид умерла.

Крыса недоверчиво дернула усами. Бритт-Мари виновато кашлянула.

— Ингрид — моя сестра. Она умерла. Я боялась, что она начнет пахнуть. Так я узнала все про бикарбонат. Тело вырабатывает бикарбонат, чтобы нейтрализовать едкую кислоту в желудке. Когда человек умирает, тело перестает вырабатывать бикарбонат, и тогда едкие кислоты разъедают кожу и просачиваются на пол. Вот это, знаете ли, и пахнет.

Несколько мгновений Бритт-Мари раздумывала, не добавить ли, что сама она всегда считала, что человеческая душа обитает в бикарбонате. Когда душа покидает тело, ничего больше не остается. Только соседи, которые жалуются на запах. Но Бритт-Мари промолчала. Не хотелось доставлять крысе дискомфорт.

Крыса поужинала, но не сказала, что было вкусно.

А Бритт-Мари не спрашивала.



На самом деле все началось именно в этот вечер.

Зима стояла слякотная, снег по пути с неба на землю превращался в дождь. Но дети гоняли мяч в вечерних сумерках как ни в чем не бывало, не смущаясь ни темнотой, ни погодой. Видимость на парковке была крайне ограниченной. Она ограничивалась несколькими пятнами, куда добивали неоновые огни пиццерии и просачивался свет из окна кухни, откуда Бритт-Мари поглядывала на ребят, спрятавшись за занавеской. Хотя, честно говоря, таким футболистам даже самый яркий дневной свет не сильно бы помог попасть по мячу.

Крыса ушла домой. Бритт-Мари заперла дверь, перемыла посуду, еще раз прибрала весь молодежный центр и теперь стояла у окна, глядя на мир. Время от времени мяч по лужам проскакивал на шоссе, и тогда ребята методом «камень-ножницы-бумага» определяли, кому за ним идти. Что, по мнению Бритт-Мари, негигиенично. Нет, против детей она ничего не имеет, она не из таких, но почему бы не озаботиться гигиеной, даже когда играешь? Когда Давид и Пернилла были маленькими, Кент говорил им, что Бритт-Мари не умеет играть, потому что «не знает, как это — играть». Но это неправда. Бритт-Мари отлично знает, как играть в «камень-ножницы-бумага». Просто ей не кажется гигиеничным заворачивать в чистую бумагу грязные камни. Не говоря уж о ножницах. Кто знает, где они побывали.

Кент, конечно, всегда говорит, что Бритт-Мари во всем видит только негатив. И что недостаточно социализирована. «Черт возьми, да улыбнись же ты!» — ухмыляется он всякий раз, когда заходит на кухню за сигарами, а она моет посуду. Кент занимался гостями, а Бритт-Мари занималась домом, так они поделили жизнь. Кент, черт возьми, улыбается, а Бритт-Мари видит во всем негатив. Наверное, так и есть. Легко, наверное, быть оптимистом, если тебе не нужно наводить порядок после гостей.

Сестра и брат, Вега и Омар, играют в разных командах. Она спокойна и расчетлива, мяча касается внутренней стороной стопы — аккуратно, как поджимают пальцы, чтобы не задеть ночью того, кого любят. Брат Омар то и дело злится, он гоняется за мячом так, словно тот должен ему денег. Бритт-Мари не разбирается в футболе, но это и не нужно, чтобы понять: Вега играет лучше всех. Вернее, наименее плохо из всех. Омар постоянно в ее тени. И все в ее тени. Вега — как Ингрид.

Ингрид ни в чем не видела негатива. С позитивными людьми не поймешь — то ли их любят за позитивность, то ли они позитивны оттого, что их все любят. Сестра была на год старше Бритт-Мари и на пять сантиметров выше. Чтобы заслонить человека, пяти сантиметров вполне достаточно. Бритт-Мари соглашалась стоять в тени, она другого и не желала, потому что вообще желала для себя не очень много. Иногда так хотелось захотеть чего-нибудь по-настоящему, так сильно, чтобы невозможно было устоять. Чтобы ощутить жизнь. Но это быстро проходило.

А Ингрид просто разрывали бесчисленные желания: ей хотелось стать певицей, хотелось славы, которая ее, разумеется, ожидала, и внимания парней из большого мира, а не обыкновенных мальчишек из их подъезда. Бритт-Мари, правда, и эти мальчишки казались слишком необыкновенными, чтобы рассчитывать на их внимание, но для сестры такой необыкновенности, конечно, мало.

Мальчишки были братья — Альф и Кент. Дрались по любому поводу. Бритт-Мари этого не понимала. Она хвостом ходила за сестрой. Ингрид это вовсе не сердило. Наоборот. «Ты да я да мы с тобой, Бритт», — шептала она по ночам, когда рассказывала, как они будут жить в Париже, во дворце, полном прислуги. Она звала младшую сестру Бритт — по-американски. Было не очень понятно, зачем в Париже американское имя, но Бритт-Мари была не из тех, кто задает лишние вопросы.

Вега не такая легкомысленная, но смех у нее, когда ее команда попадает по воротам (две банки из-под газировки под дождем на темной парковке), — это смех Ингрид. Ингрид тоже обожала играть. С такими людьми не поймешь: играют они лучше всех, потому что любят играть, или любят играть, потому что всегда выигрывают.

Мяч с силой угодил по лицу невысокому рыжему парнишке, и тот шлепнулся в грязь. Бритт-Мари передернуло. Тот самый мяч, что ударил ее по голове. До того грязный, что хоть коли себе самой противостолбнячную сыворотку. Но от окна отойти невозможно — ведь Ингрид так любила

футбол!

Будь здесь Кент, он, разумеется, сказал бы, что ребята играют как бабы. Кент, говоря о чем-нибудь плохом, рано или поздно говорит — «как бабы». Хоть Бритт-Мари и не склонна к иронии, но тут ее сложно не уловить: единственный человек на площадке, который играет не как баба, — это девочка.

Спохватившись, Бритт-Мари отодвинулась от окна, пока ее не заметили с улицы. Был девятый час, и молодежный центр снова погрузился во тьму — лампы не горели. В темноте Бритт-Мари мыла цветочные ящики. Посыпала землю содой. Больше всего ей не хватало ее балкона. На балконе человек не бывает одинок — у него есть машины, дома, люди на улице. Ты и среди них, и как бы нет. Это в балконах самое лучшее. А еще — когда стоишь, закрыв глаза, на балконе рано утром, пока Кент не проснулся, и чувствуешь, как ветер шевелит волосы. Бритт-Мари часто стояла так, и это было как Париж. Конечно, она никогда не бывала в Париже, потому что Кент не вел там дел, но она разгадала ужасно много кроссвордов про Париж. Это самый кроссвордовый город, и Ингрид всегда говорила, что они будут жить там, когда вырастут, — она и Бритт-Мари. Когда Ингрид станет знаменитостью. Знаменитости живут в Париже, и у них есть прислуга, это Ингрид знала, а Бритт-Мари устраивало все, что нравилось Ингрид. Против того, чтобы называться по-американски, Бритт, Бритт-Мари тоже ничего не имела, но из-за прислуги сильно переживала. Вдруг решат, будто сестра Бритт-Мари так плохо убирается, что вынуждена кого-то нанимать. О таких женщинах мама отзывалась с презрением, а Бритт-Мари не хотелось, чтобы кто-нибудь говорил с презрением про Ингрид.

Пока Ингрид добивалась успехов в большом мире, Бритт-Мари продолжала добиваться успехов в мире маленьком. Прибираться. Наводить порядок. Ингрид это замечала. Она замечала сестру. Каждое утро, когда Бритт-Мари укладывала ей волосы, Ингрид не забывала сказать: «Спасибо, Бритт, как здорово у тебя получилось!» — вертя головой перед зеркалом в такт какой-нибудь песне с долгоиграющей пластинки. У Бритт-Мари никогда не было пластинок. Зачем пластинки, если есть старшая сестра, которая тебя замечает?

Бритт-Мари не хватало Ингрид. Гораздо больше, чем балкона.

Бритт-Мари вздрогнула: дверь грохнула так, словно в нее метнули топор. За дверью оказалась Вега. Без топора. Зато вся мокрая — на пол с нее текла вода и жидкая глина. У Бритт-Мари внутри все закричало.

— Почему вы не зажжете свет? — Вега прищурилась в темноту.

Бритт-Мари сцепила руки в замок.

— Освещение не работает, голубушка.

— А вы лампочки поменять не пробовали? — Вега наморщила лоб, словно изо всех сил старалась не выкрикнуть «ГОЛУБУШКА!».

В дверях появился Омар — с глиной в носу. Как он ухитрился? Существует же, в конце концов, сила тяжести.

— Купите лампочки! У меня есть обалденные сберегайки! По специальной цене! — бодро отрапортовал Омар, предъявив Бритт-Мари рюкзак.

Вега пнула его по лодыжке. Потом с неуклюжей дипломатичностью подростка заглянула Бритт-Мари в глаза и спросила:

— Можно мы матч посмотрим?

— Какой... матч? — удивилась Бритт-Мари.

— Матч! — ответила Вега примерно таким тоном, как если бы ее спросили: «Какой папа римский?»

Теперь Бритт-Мари сложила руки на животе.

— Что за матч?

— Футбольный! — хором выдохнули Вега и Омар и посмотрели на Бритт-Мари, как смотрели на Кента его дети, когда он как-то произнес «рождественский гном» и изобразил пальцами кавычки.

— Ах-ха, — недовольно произнесла Бритт-Мари, с отвращением глядя на перепачканную одежду.

Не на детей, разумеется. На их одежду. Дети ни в коем случае не вызывают у Бритт-Мари отвращения.

— Он всегда разрешал нам смотреть. — Вега указала на фотографию возле двери: пожилой мужчина с футболкой «Банк» в руках.

На другой фотографии, рядом с первой, тот же мужчина стоял в белой куртке перед грузовиком; на одном нагрудном кармашке значилось «ФК Борг», а на другом — «Тренер-инструктор». Куртку пора бы почистить, подумала Бритт-Мари. Похоже, про соду в этом поселке никто и не слышал.

— Меня об этом не уведомили. Вам придется поговорить с этим человеком, — объяснила Бритт-Мари.

Воцарилось такое молчание, что стало трудно дышать.

— Он умер, — сказала наконец Вега своим кроссовкам.

Бритт-Мари посмотрела на мужчину на фотографии. Потом опустила взгляд на руки.

— Это... ах-ха. Прискорбно слышать. Но ведь я тут ни при чем.

Вега сощурилась на нее с ненавистью. Потом пихнула Омара в бок и прошипела:

— Пошли отсюда, Омар. Ну ее.

Она уже отошла на несколько шагов, когда Бритт-Мари заметила в паре метров от двери еще троих детей. Мальчики лет двенадцати-тринадцати. Один рыжий, один черноволосый и один с высоким уровнем холестерина. Не то чтобы у Бритт-Мари были предрассудки, но под их взглядами она почувствовала себя чуточку виноватой. Бритт-Мари это ощущение не понравилось. Из пиццерии на площадку падал свет. В окна видно было, что один телевизор там точно есть.

— Позвольте спросить, почему вы не смотрите футбол в пиццерии, или в автосервисе, или что там оно сейчас, если этот матч для вас так важен? — спросила Бритт-Мари исключительно вежливо, а вовсе не как конфликтный человек.

Омар пнул мяч на парковку и тихо ответил:

— Они там пьют. Если проигрывают.

— Ах-ха. А если выигрывают?

— Тогда они пьют еще больше. Поэтому он всегда пускал нас смотреть футбол сюда.

Омар указал на мужчину на фотографии. Бритт-Мари крепче стиснула руки.

— Ах-х-а.

Бритт-Мари подумала и изрекла:

— А дома телевизора ни у кого во всем поселке, конечно, нет?

Ответила ей Вега, отчетливо и жестко, словно оборачивая каждый слог стальной проволокой:

— Ни у кого дома нет места на всю команду, а мы смотрим футбол вместе! Все командой!

Бритт-Мари стряхнула пылинки с юбки.

— У меня сложилось впечатление, что команды у вас больше нет.

— У НАС ЕСТЬ КОМАНДА! — Вега решительно направилась к Бритт-Мари, не дойдя двух шагов, остановилась, наставила на нее указательный палец и крикнула:

— Мы здесь, так? Мы здесь! Значит, мы — команда! Даже если у нас отобрали наше гребаное поле и гребаный клуб, а наш тренер умер от гребаного инфаркта, мы — команда!

Бритт-Мари поежилась под устремленным на нее бешеным взглядом. Лексикон у ребенка категорически неприемлемый! Но по щекам Веги градом катились слезы, казалось, девочка вот-вот ее ударит — или

обнимет: Бритт-Мари опасалась обоих вариантов в равной мере.

— Прошу вас подождать здесь, — сказала она и в страхе закрыла дверь.

Вот, собственно, что произошло, прежде чем все началось.

Бритт-Мари стояла за дверью в темноте. Вдыхала запах влажной земли и соды. Вспоминала запах алкоголя и гвалт футбольных телетрансляций. Кент никогда не выходит на балкон. Он боится высоты. Бритт-Мари выходила на балкон одна. Она всегда лгала, что купила растения, потому что знала: он что-нибудь съязвит, если она расскажет, что нашла цветы в мусорном чулане или на улице. Брошенные каким-нибудь соседом при переезде. Цветы напоминали об Ингрид: сестра так любила живое. И Бритт-Мари снова и снова спасала жизнь бездомным растениям в память о сестре, чью жизнь она спасти не смогла. Как это объяснишь Кенту?

Кент не верит в смерть, он верит в эволюцию. «Эволюция, — одобрительно кивал он, видя, как в какой-нибудь передаче про животных лев поедает раненую зебру, — она отсеивает слабых. Ради выживания вида. Если ты не лучше всех, то должен понять намек и освободить место для сильного, а?»

Разве можно с таким человеком говорить о балконных цветах?

Или об утратах?

Чуть дрожащей рукой Бритт-Мари потянулась за мобильным. Девушка из службы занятости выдохнула после третьего вызова:

— Алло?

Бритт-Мари испустила благожелательный вздох:

— Ну кто так отвечает? Вы что, запыхались?

— Бритт-Мари? Я в спортзале! — прокричала девушка.

— Видимо, вам это нравится, — констатировала Бритт-Мари.

— Что-то случилось?

— Здесь дети. Они говорят, что хотят смотреть какой-то матч.

— А, ну да, матч! Я тоже буду смотреть! — В голосе девушки послышалось волнение.

— Меня не поставили в известность о том, что в мои должностные обязанности входят дети! — Волнения в голосе Бритт-Мари было не меньше.

— Бритт-Мари, — простонала девушка, — извините, но я не могу разговаривать по телефону в спортзале.

А потом заметила:

— Но... это же хорошо? Если дети смотрят футбол, а вы вдруг умрете, они об этом узнают!

И коротко рассмеялась.

Наступило долгое, ужасно, ужасно долгое молчание. Девушка вдохнула сквозь зубы; гудение беговой дорожки оборвалось.

— О'кей, Бритт-Мари, простите, я пошутила. Зря я это сказала. Я не имела в ви... алло?

Бритт-Мари уже нажала «отбой». Через полминуты она открыла дверь, держа в руках стопку аккуратно сложенных, недавно выстиранных белых футболок.

— Во всяком случае, вы не войдете сюда в грязной одежде, я только что вымыла пол! — объявила она детям и вдруг осеклась.

Среди них оказался полицейский. Невысокий, кругленький, со стрижкой как лужайка через день после пикника с несколькими мангалами.

— Что вы натворили? — прошипела Бритт-Мари Вега — с самой чуточкой укора.

— Это мы натворили? — прохрипела Вега и, обернувшись к полицейскому, указала на Бритт-Мари: — Она не пускает нас смотреть футбол!

Бритт-Мари зыркнула на полицейского:

— Эти дети вчера запулили мне мячом по голове! — и указала на Вегу.

— НЕ НАРОЧНО!

Полицейского явно обуревали смешанные чувства. Наконец он решил, что самое лучшее с административной точки зрения — это протянуть Бритт-Мари большую стеклянную банку.

— Меня зовут Свен. Я хотел сказать вам — добро пожаловать в Борг. Это варенье.

Бритт-Мари смотрела на банку. Вега смотрела на Свена. Свен в смущении почесывал разные участки полицейской формы.

— Черничное варенье. Я сам варил. Я ходил на курсы. В городе.

Бритт-Мари смерила его взглядом с головы до ног и обратно. В обоих направлениях задержалась взглядом на форменной рубашке, обтянувшей живот.

— У меня нет футболки на ваш размер, — сообщила она.

Свен покраснел.

— Нет, нетнетнет, я не за этим. Я только... добро пожаловать в Борг, и все! Я только это хотел сказать!

Он сунул банку Вега и, запинаясь и кивая своей спорадической шевелюрой, отступил на парковку, к пиццерии. Вега рассматривала варенье. Омар глянул на безымянный палец Бритт-Мари и ухмыльнулся:

— Вы замужем?

— Разведена. — Бритт-Мари сама поразилась, как легко и быстро это выговорилось. Впервые.

Омар ухмыльнулся еще шире и кивнул на Свена:

— А он свободен, чтобы вы знали!

Дети захихикали. Бритт-Мари сунула сложенные футболки в руки Омару, вырвала банку у Веги из рук.

— Тогда почему он в полицейской форме?

Дети непонимающе затихли.

— Чего? — спросил Омар.

— Почему он в полицейской форме, если он свободен? Ее ведь полагается носить только в рабочее время! — сердито объяснила Бритт-Мари и удалилась в темноту молодежного центра.

Полдюжина детей остались стоять на пороге, переглядываясь и закатывая глаза.

Так все и началось.



Футбол — удивительная штука: он не просит, чтобы его любили. Он этого требует.

Бритт-Мари блуждала по молодежному центру, словно несчастный призрак, чью могилу вскрыли с намерением устроить там дискотеку. Дети в белых футболках сидели на диване и пили лимонад. Разумеется, настоящих сервировочных салфеток здесь не оказалось; Бритт-Мари нарвала туалетной бумаги по два квадратика и сложила вдвое. В нужде выбирать не приходится, но даже в нужде надо понимать, что нельзя просто взять и поставить банку со сладкой газировкой на стол — в этом Бритт-Мари никто не переубедит.

Еще она поставила перед ребятами по стакану. Один из мальчиков — Бритт-Мари, разумеется, ни за что не назвала бы его «полным», но выглядел он так, словно давно уже пьет лимонад за себя и за приятелей — радостно сообщил, что «я бы прямо из банки».

— Ни в коем случае. Здесь пьют из стаканов, — бескомпромиссно отрезала Бритт-Мари.

— Почему это? — спросил мальчик.

— Потому что мы не животные, — уведомила его Бритт-Мари.

Мальчик посмотрел на банку, как следует задумался и спросил:

— А какое животное, кроме человека, пьет лимонад из банки?

Вместо ответа Бритт-Мари подобрала с пола пульты и положила на стол — и тут же в ужасе отскочила на несколько метров: эти вроде бы скромные дети, до сей минуты тихо сидевшие на диване, в унисон заорали: «НЕЕЕТ!» — словно она швырнула пульты им в лицо.

— Не надо «лентяйки» на стол! — испуганно прошептал лимонадный мальчик.

— Примета — хуже некуда! Мы же проиграем! — завопил Омар и сбросил пульты на пол.

— Кто «мы»? — спросила его Бритт-Мари таким тоном, каким говорят

с ненормальными.

Омар указал на мужиков в телевизоре. Мужчины явно не подозревали о существовании Омара.

— Мы! — повторил мальчик, упрямо и важно.

Тут Бритт-Мари заметила, что футболку он надел задом наперед. Она поправила волосы и занервничала.

— Мне не очень нравится, когда в помещении кричат. И мне не очень нравится, когда мы одеты задом наперед, как какие-нибудь бандиты. — И она подобрала пульты с пола.

— Если я оденусь правильно, мы проиграем, — пояснил Омар, указывая на футболистов в телевизоре.

Словно тут и правда имелась логическая связь.

Не зная, как реагировать на подобные глупости, Бритт-Мари отнесла и пульты, и грязную одежду в прачечную. Запустила стиральную машину, обернулась — перед ней стоял рыжий парнишка. Крайне смущенный. Бритт-Мари, которая не была готова к продолжению диалога, сцепила руки в замок.

— Они суеверные. Все должно быть, как в прошлый раз, когда мы выиграли, — сказал мальчик в сторону телевизора, пытаясь и объяснить, и оправдаться.

— Кто это «мы»? — Бритт-Мари сердито поглядела на экран: там бегали туда-сюда взрослые мужики в футболках с рекламой на иностранном языке.

По виду мальчика не скажешь, что Бритт-Мари задала хоть сколько-нибудь осмысленный вопрос.

— Мы, — объяснил он, явно недоумевая, что тут непонятного.

— Ах-ха.

Мальчик боязливо кивнул:

— Это я вам вчера угодил мячом по голове. Я не нарочно. У меня глазомер кривой. Надеюсь, мяч не испортил вам прическу.

Бритт-Мари счистила что-то с юбки и, не удержавшись, поправила волосы.

— Подумай, а может, недаром вашу площадку закрыли?

— У вас ужасно красивая прическа, — сказал рыжий парнишка, застенчиво улыбнувшись порогу, и вернулся на диван.

Трудно сказать, не понял он ее слов или предпочел не понять. Бритт-Мари смотрела ему вслед и ни в коей мере не испытывала к нему неприязни. Рыжий сел как можно дальше, у самой стены, позади

черноволосого и лимонадного мальчиков.

— Это Пират, — сказала Вега.

Она вынырнула рядом с Бритт-Мари. Она то и дело выныривает. Футболка ей великовата. Или, может быть, ее тело маловато для этой футболки.

— Пират, — повторила Бритт-Мари, собрав всю благожелательность, какая ни есть в мире, чтобы не добавить, что пиратами можно называть только пиратов и больше никого.

Вега указала на двух других ребят на диване:

— Это Жабрик. А это — Дино.

Но у любой благожелательности есть предел.

— Вообще-то говоря, никакие это не имена! — воскликнула Бритт-Мари.

Вега не поняла.

— Просто он сомалиец, — объяснила она, указав на одного из мальчиков.

Поняв по виду Бритт-Мари, что цель не достигнута, Вега тяжело вздохнула и принялась объяснять:

— Когда Дино приехал в Борг, Омар перепутал Сомали и сомелье — ну знаете, которые пьют вина по телевизору. А «вина» рифмуются с «Дино». Вот мы и прозвали его Дино.

Бритт-Мари смотрела на Вегу так, словно Вега заснула пьяная в постели Бритт-Мари.

— То есть ваши настоящие имена не годятся.

Вега явно не улавливала сути претензии.

— Если мы назовем его каким-нибудь нашим именем, то как мы тогда поймем, кому пасовать?

Бритт-Мари коротко выдохнула через нос. Так Бритт-Мари стравливает раздражение, словно пар, когда его скапливается в голове слишком много.

— Но у него же есть настоящее имя? — прошипела она.

Вега пожала плечами:

— Откуда мы знали, какое у него имя? Он был не больно-то разговорчивый, когда сюда приехал. Но когда мы звали его Дино, он смеялся, а нам нравилось, как он смеется. Так «Дино» к нему и пристало.

Словно все в мире так просто. Словно имя можно взять и выбрать. Бритт-Мари принялась счищать какие-то особо невидимые пылинки с юбки так яростно, что у нее заболело запястье. Вега указала на лимонадного мальчика:

— Жабрика мы прозвали Жабрик, потому что его зовут Патрик. И потому что он умеет классно рыгать. А почему Пират, я не знаю. Просто Пират, и все.

Она кивнула на рыжего мальчика, которого не было видно за приятелями. Бритт-Мари снисходительно улыбнулась:

— Но футбольной команды для девочек, где ты могла бы играть, здесь нет, верно?

Вега покачала головой:

— Все девчонки играют в городской команде.

Бритт-Мари кивнула крайне, крайне благожелательно:

— Но ваша команда тебе не подходит, никоим образом.

— Это моя команда! — сердито ответила Вега.

Словно это ответ по существу.

Футболист в телевизоре покатился по траве. Омар воспользовался перерывом в игре, чтобы взобраться на кухонную табуретку и начать менять лампочки в кредит. Бритт-Мари взволнованно нарезала круги возле него и приговаривала:

— Тебе, конечно, все равно, что ты можешь свалиться, убиться насмерть и сломать табуретку. Тебе это, наверное, даже понравится.

Омар сиял, словно так оно и было. Вега встревоженно озиралась, словно кого-то потеряла.

— А мяч где? — спросила она.

— Блии-ин! На улице! — выкрикнул Омар в дождливый мрак за окном.

— Надеюсь, вы не принесете мяч сюда?! — в ужасе воскликнула Бритт-Мари.

— Но он же не может лежать ПОД ДОЖДЕМ! — В голосе Веги звучало такое отчаяние, словно в темноте под дождем остался близкий человек.

И не успела Бритт-Мари опомниться, как через всю комнату волной прокатилось «камень-ножницы-бумага», и проигравший рыжий Пират вскочил с дивана и шагнул к двери.

— Сумерки богов! Только не в чистой футболке! Нет! — еле выговорила Бритт-Мари, взмахнув трясущимися от злости руками.

Она схватила парнишку за ворот, но он уже обулся и шагнул через порог. Бритт-Мари яростно влезла в сапоги и бросилась следом.

— Только НЕ В ЧИСТОЙ футболке! — воскликнула она в темноту. Струи дождя обрушились на ее прическу.

Парнишка стоял в двух метрах от нее, прижимая к себе грязный мяч.

— Извиняюсь, — пробормотал он в кожаную покрышку.

Бритт-Мари не поняла, перед кем он извиняется — перед ней или перед мячом. Руками она прикрывала голову от дождя. Пират покосился на нее, улыбнулся, потом смутился и потупился.

— Можно вас спросить?

— Что такое? — удивилась Бритт-Мари; дождь заливал ей лицо.

— Вы не могли бы помочь мне с прической? — Парнишка старательно отводил глаза.

— Что такое? — повторила Бритт-Мари, не отрывая глаз от пятен грязи на только что выстиранной футболке.

— У меня завтра свиданка. Я... я подумал... хотел спросить, вы не могли бы помочь мне с прической? — с трудом выговорил рыжий Пират.

Бритт-Мари кивнула, словно ничего другого не ожидала.

— Парикмахера у вас в Борге, разумеется, нет. И теперь стричь вас — тоже моя работа. Ты это хочешь сказать? Да?

Пират помотал головой, уставившись на мяч.

— У вас волосы красивые. Я и подумал, что вы, наверное, умеете делать прически. А парикмахерской в Борге нет, ее закрыли.

Дождь немного утих. Бритт-Мари все еще держала ладони над головой на манер двускатной крыши, и дождь затекал в рукава жакета.

— Так это называется в наше время? «Свиданка»? — проговорила она чуть задумчиво.

— А раньше как называлось? — Мальчик покосился на нее из-под мяча.

— В мое время это называлось «гулять», — решительно произнесла Бритт-Мари.

Конечно, она не эксперт в этой области. Гуляла она только с двумя мальчиками. За одного из них потом вышла замуж. Пока они с рыжим парнишкой и мячом стояли на улице, дождь прекратился.

— Мы говорим «свиданка», ну или я так говорю, — пробормотал мальчик.

Бритт-Мари вздохнула, стараясь не встречаться с его ускользающим взглядом.

— Прошу прощения, я не могу ответить тебе прямо сейчас, потому что список у меня в сумочке, — тихо проговорила она.

Пират кивнул так радостно, что Бритт-Мари даже забеспокоилась:

— Да это ничего! Я могу и завтра, когда угодно!

— Ах-ха. В школу вы здесь, в Борге, конечно, не ходите.

— У нас еще зимние каникулы не кончились.

Тут из молодежного центра донеслись восторженные вопли. С перепугу Бритт-Мари потянула парнишку за футболку, а тот от неожиданности перебросил ей мяч. Теперь и ее жакет в грязи! Через полсекунды мужчины в пиццерии взревели так, что задрожала неоновая вывеска над дверью.

— В чем дело? — Бритт-Мари в панике бросила мяч на землю.

— Наши им забили! — в восторге заверещал мальчик-пират.

— Кто «наши»?

Мальчик-пират поднял мяч и уставился на Бритт-Мари, словно она задала глубоко философский вопрос.

— Наша команда, — недоуменно пояснил он.

— У меня сложилось впечатление, что у вас нет команды! — просипела Бритт-Мари.

— Ну наша команда, мы за нее! По телевизору! — попытался объяснить парнишка.

— Что ты имеешь в виду?

Мальчик открыл рот:

— Ну... за которую мы... бодем.

Бритт-Мари раздраженно сложила руки на животе:

— Какая же она ваша, голубчик, если вы в ней не играете.

Мальчик несколько секунд обдумывал ее слова, крепко обхватив мяч.

— Мы бодем за эту команду дольше, чем некоторые в ней играют. Так что это больше наша команда, чем их.

— Чепуха, — фыркнула Бритт-Мари.

В следующую секунду дверь молодежного центра с грохотом захлопнулась. Бритт-Мари метнулась к двери, парнишка — за ней. Дверь оказалась заперта.

— Они закрылись, чтобы мы не могли войти! — задохнулся от счастья Пират. — Потому что мы были на улице, когда наши забили гол!

— Ты, вообще говоря, о чем? — Бритт-Мари в отчаянии дергала дверную ручку.

— Ну что важно, чтобы мы стояли тут, на улице, потому что, когда мы были на улице, наши забили гол! Здесь мы приносим удачу!

Словно в этом и правда есть логика. Бритт-Мари сердито глянула на Пирата, давая понять, что лично она никакой логики тут не видит. Но оба остались стоять на парковке, хотя дождь припустил снова. Бритт-Мари больше ничего не сказала.

Потому что в первый раз за очень долгое время кто-то сказал Бритт-

Мари, как это важно — что она где-то есть.

Футбол в этом смысле удивительная игра. Потому что он не просит, чтобы его любили.



После первого тайма Бритт-Мари и Пирата все-таки впустили. А весь второй тайм Бритт-Мари провела в ванной, перед зеркалом. Сначала она сама не хотела выходить — вдруг еще с кем-то придется говорить по душам; а потом «наши» забили еще один гол, и ей тут же запретили выходить, пока матч не закончится. И теперь Бритт-Мари стояла в ванной, сушила волосы, приносила удачу и переживала жизненный кризис. Занимаясь всем этим одновременно.

Из зеркала смотрел кто-то другой — на его лице потоптались бесчисленные зимы. Зима — тяжелое время, и для балконных цветов, и для Бритт-Мари. Молчание — вот с чем труднее всего справиться, потому что если все кругом молчат, то никто не узнает, есть ты или уже нет. А зима — это время молчания: стужа отделяет людей друг от друга, лишает мир звуков.

Это молчание парализовало Бритт-Мари после смерти Ингрид. Отец возвращался с работы все позже и позже — под конец так поздно, что Бритт-Мари уже засыпала к его приходу. Однажды утром она проснулась оттого, что он еще не пришел. А потом однажды — оттого, что он уже не придет.

Мама говорила об этом все меньше и меньше. И все дольше и дольше оставалась в постели по утрам. Бритт-Мари бродила по квартире, как бродят все дети, потерявшиеся в безмолвном мире. Однажды она опрокинула вазу — только чтобы мама накричала на нее из спальни. Мама не накричала. Бритт-Мари убрала осколки. И больше ничего не опрокидывала. На другой день мама лежала в постели, пока Бритт-Мари не сварила обед. На третий встала еще позже. А под конец перестала вставать вообще.

На похоронах матери Бритт-Мари была почти одна. Конечно, какие-то мамины друзья прислали красивые цветы и выразили соболезнование — просто они оказались слишком заняты жизнью, чтобы навестить кого-то, кто все равно уже умер. Бритт-Мари подрезала цветам стебли и поставила их в тщательно вымытую вазу. Она прибралась в квартире, перемыла все

окна, а на следующий день пошла выносить мусор — и встретила в подъезде Кента. Они пристально посмотрели друг на друга, как смотрят дети, которые стали взрослыми. Кент к тому времени женился, завел двух детей, но недавно развелся и теперь вот приехал навестить мать. Он улыбнулся, увидев Бритт-Мари. В те дни он ее еще видел.

Стоя перед зеркалом, Бритт-Мари потирала безымянный палец. Белая полоса, неистребимая, как татуировка, словно издевается. В дверь ванной постучали. На пороге оказался Пират.

— Ах-ха. Что, выиграли? — спросила Бритт-Мари с напускным неудовольствием, хотя на самом деле радовалась, что ей удалось отсидеться в ванной.

В этом смысле ванная почти как балкон. Избавляет и от одиночества, и от общения.

— Два-ноль! — радостно кивнул Пират.

— Я только ради этого тут и сидела, — очень серьезно ответила Бритт-Мари и на всякий случай уточнила: — А с кишечником у меня все в порядке.

Пират растерянно кивнул, протянул «ooo'кей» и показал на входную дверь. Открытую.

— Свен опять пришел.

Полицейский, стоя на пороге, неловко помахал рукой. Бритт-Мари обиженно попятилась и снова закрылась в ванной. Уложив волосы как следует, она сделала глубокий вдох и вышла.

— Ах-ха? — обратилась она к полицейскому.

Полицейский улыбался, держа в руках листок бумаги. Он протянул листок Бритт-Мари, но тот выскользнул из пальцев.

— Упс, упс, пардон, пардон, я только подумал — надо отдать это вам. Да, я... или мы, мы подумали...

Он указал на пиццерию. Бритт-Мари испугалась, что полицейский переговорил с Личностью и теперь пытается довести это до ее сведения. Свен снова разулыбался. Сцепил руки на животе. Передумал и скрестил их почти под подбородком.

— Мы подумали, что вам нужно где-то жить, ну да, ну да, а я так понял, вы не хотите жить в гостинице в городе.

И тут же виновато прибавил:

— Не потому, что вам нельзя жить, где вам хочется! Конечно, не поэтому! Мы только подумали, что, м-м, вот это может оказаться

вариантом. Может?

Бритт-Мари посмотрела на листок. Написанное от руки с орфографическими ошибками объявление о сдаче комнаты. В самом низу — изображение человечка в шляпе, как будто танцующего. Какое отношение имел человечек к сдаче комнаты, было малопонятно. Полицейский радостно взмахнул руками:

— Это я помог ей составить объявление! Я ходил на компьютерные курсы в городе. Она страшно приятная женщина — это которая сдает комнату, и совсем недавно вернулась в Борг. Или, м-м, это, конечно, просто совпадение, ну да, ну да, дом она продает. Но он здесь, в Борге, совсем недалеко. Я могу вас подвезти!

На парковке стояла полицейская машина. Бритт-Мари нахмурилась:

— Вон в той?

Полицейский кивнул:

— Да, я слышал, ваша машина в ремонте. Но я могу подвезти вас, ну да, ну да, мне это совсем не трудно!

Бритт-Мари медленно покачала головой:

— Я понимаю, что вам это нетрудно. Но вы хотите сказать, что меня повезут через весь поселок в полицейской машине, как преступницу?

Полицейский страшно смутился:

— Нет. Нет. Нет. Конечно, вам этого не хочется.

— Мне определенно этого не хочется!

Полицейский кивнул сконфуженно. Бритт-Мари кивнула решительно.

— Еще что-нибудь? — спросила она.

Он покачал головой. Она тоже покачала головой. Он повернулся и ушел, глядя в асфальт. Бритт-Мари закрыла дверь.

Ребята сидели в центре, пока Бритт-Мари сушила их одежду. То, что не влезло в сушилку, она развесила по помещению, чтобы дети забрали вещи на следующий день. Большинство отправились домой в футболках. Так Бритт-Мари стала тренером футбольной команды. Просто ей об этом еще не сказали.

Никто из детей не поблагодарил ее за выстиранные вещи. Дверь закрылась, и досуговый центр погрузился в тишину, какую умеют оставлять после себя только дети и футбол. Бритт-Мари собрала со стола тарелки и банки из-под газировки. Омар и Вега отнесли свои тарелки на стол рядом с мойкой. Не помыли, не поставили в посудомоечную машину, даже не ополоснули — просто оставили на столе. Кент тоже иногда так делал — и как будто ждал благодарности. Как будто хотел, чтобы Бритт-

Мари знала: когда на следующее утро тарелки окажутся в шкафчике, чистые и вытертые, то это значит — он выполнил свою часть работы.

В дверь досугового центра постучали. Цивилизованные люди в такое время не стучатся, и Бритт-Мари решила, что кто-то из детей что-то забыл, и открыла дверь.

— Ах-ха?

Но на пороге снова стоял полицейский. Он смущенно улыбнулся. Бритт-Мари поправилась:

— Ах-ха!

А это совсем не одно и то же. Во всяком случае, в устах Бритт-Мари. Полицейский сглотнул, собрался с духом и неловко подал ей бамбуковую занавеску, чуть не попав Бритт-Мари по лбу.

— Пардон, вот, я только хотел... это вот бамбуковая занавесочка! — И он чуть не уронил занавеску в грязь.

— Ах-ха... — выжидательно произнесла Бритт-Мари.

Полицейский застенчиво кивнул:

— Я сам ее сплел! Я ходил на курсы в городе. «Дизайн по фэншуй».

Он снова кивнул. Словно ждал, что Бритт-Мари что-то скажет. Она молчала. Полицейский поднял занавеску к лицу.

— Вы можете прижать ее к окну машины. Так никто не увидит, что это вы.

Он бодро указал на полицейскую машину. Потом на занавеску. Потом на дождь, который снова принялся за свое. В Борге он только этим и занимается. Что с него возьмешь, если другого дела у него нет.

— А еще вы можете держать ее над головой, когда мы пойдем к машине, — как зонтик. И прическа не испортится!

— Ах-ха. — Бритт-Мари неуверенно вложила одну руку в другую.

Полицейский снова сглотнул — глаза бегали, пальцы теребили бамбук.

— Конечно, это не обязательно, нет-нет. Я только подумал, вам ведь надо где-то жить, пока вы в Борге. Я подумал, что это, так сказать, н-ну, м-м, вы понимаете. Что даме, так сказать, не подобает жить в досуговом центре.

Они долго стояли молча. Бритт-Мари вложила одну руку в другую, потом наоборот, и наконец выдохнула — бесконечно терпеливо. Это ни в коем случае не вздох.

— Мне нужно собрать вещи, — проговорила она.

Он энергично закивал. Она закрыла дверь, оставив его под дождем.

Вот такое получилось продолжение. Того, что началось.



Бритт-Мари открыла дверь. Полицейский вручил ей занавеску, она ему — цветочные ящики.

— Я слышал, у вас в машине осталась большая икеевская упаковка — может, я ее перенесу к себе в машину? — любезно предложил полицейский.

— Ни в коем случае! — испуганно отрезала Бритт-Мари, будто Свен предложил сжечь упаковку.

— Ну да, ну да, конечно нет. — Полицейский виновато закивал.

Из пиццерии вышли мужчины в бородах и кепках, кивнули полицейскому, тот помахал рукой в ответ. Бритт-Мари мужчины словно не заметили. Полицейский торопливо прошагал к машине с балконными ящиками под мышкой, потом вернулся и пошел рядом с Бритт-Мари. Он не держал ее под руку, но его рука была в нескольких сантиметрах от ее. Их руки не соприкасались, но, если бы Бритт-Мари поскользнулась, Свен бы смог ее подхватить.

Бритт-Мари держала занавеску над головой, словно зонтик; с этой ролью занавеска прекрасно справлялась, причем предпочитая амплу дырявого зонтика. Однако Бритт-Мари держала занавеску над головой до самой машины — зачем полицейскому видеть, что прическа вконец раскисла?

— Прошу прощения, вы не высадите меня возле банкомата, чтобы я смогла расплатиться за комнату. — Произнесла она не вполне так, как обращаются к таксисту, но и не так, как просят полицейского, и озабоченно прибавила: — Если вас это не затруднит. Не хотелось бы доставлять лишних хлопот.

— Совсем не затруднит! — ответил полицейский без малейшего затруднения в голосе.

Свен болтал всю дорогу — совсем как Кент, когда они куда-нибудь ездили. Но по-другому, потому что Кент всегда что-нибудь рассказывал. А

Свен задавал вопросы. Это раздражало Бритт-Мари. Это так раздражает — когда тобой интересуются те, к кому ты еще не привык.

— Что думаете о матче? — спросил полицейский.

— Я была в туалете, — ответила Бритт-Мари.

И пришла в невероятное раздражение от собственных слов. Из них ведь можно сделать скоропалительный вывод, что у нее серьезные проблемы с кишечником. Полицейский ответил не сразу, из чего Бритт-Мари сделала вывод, что именно такой вывод он и сделал, а Бритт-Мари категорически не одобряет, когда полиция делает скоропалительные выводы. Поэтому пришлось внести ясность:

— У меня нет проблем с кишечником. Но я должна была находиться в туалете, иначе игра пошла бы как-нибудь не так!

Полицейский засмеялся. Не то над словами Бритт-Мари, не то над ней самой. Но заметил, что Бритт-Мари это не одобряет, и перестал.

— Почему вы вообще приехали именно в Борг? — с любопытством спросил он.

— Мне предложили здесь работу, — просто ответила Бритт-Мари.

Ноги ее утопали в залежах пустых коробок из-под пиццы и бумажных пакетов из-под гамбургеров. На заднем сиденье лежал мольберт и груды карандашей и рисунков.

— Я хожу на курсы акварели, в городе! Вы любите живопись? — с воодушевлением спросил полицейский, заметив, что Бритт-Мари смотрит на рисунки.

— Нет.

Полицейский смущенно поковырял руль.

— Ну да, ну да, я, конечно, не имел в виду свои собственные работы. Я-то просто любитель, пишу для собственного удовольствия, я имел в виду — вообще. Настоящие картины. Красивые.

Что-то внутри Бритт-Мари захотело сказать: «Ваши рисунки тоже красивые», но кто-то более благоразумный внутри ее успел ответить раньше:

— У нас дома нет картин. Мой муж не любит живопись.

Полицейский молча кивнул. Они приехали в город в двух милях от Борга, оказавшийся городком, практически тоже поселком. Тот же Борг, только больше. Тот же вектор развития. Только скорость понизе. Бритт-Мари сняла деньги в банкомате возле солярия: очень негигиенично, ведь от соляриев бывает рак, а рак — это совсем не гигиенично.

Снять деньги удалось не сразу: набирая код, она так тщательно прикрывала клавиши, что не видела, куда нажимает. Не упрощало процесса

и то, что в его продолжение Бритт-Мари держала над головой бамбуковую занавеску. Окажись кто поблизости, он подумал бы бог знает что.

Но полицейский ее не торопил. Бритт-Мари с изумлением поняла, что ей это нравится. Кент всегда ее торопил, независимо от того, насколько быстро она справлялась с делами. Вернувшись в машину, Бритт-Мари почувствовала, что должна сказать что-нибудь социализирующее. Поэтому она глубоко вздохнула и указала на пустые коробки и пакеты на полу:

— Кулинарных курсов в городе, конечно, нет.

— Как же! Есть! — просиял полицейский. — Я ходил на курсы по приготовлению суши! Вы когда-нибудь готовили суши сами?

— Разумеется, нет. Мой муж не любит иностранную еду, — ответил некто благоразумный изнутри Бритт-Мари.

Полицейский понимающе кивнул:

— Ну да, ну да, эх, да суши и готовить особо не надо. Режешь да... режешь. Я и сам не так часто их готовлю, если честно. Ну, после курсов. Готовить для себя одного не так уж весело, если вы понимаете, о чем я.

Он смущенно улыбнулся.

Она вообще не улыбнулась. Только ответила:

— Не понимаю.

В Борге полицейский наконец собрался с духом и предложил новую тему:

— Во всяком случае, вы очень хорошо сделали, что занялись молодежью. В Борге нынче расти непросто. Ребятишкам, сами знаете, нужно, чтобы кто-нибудь за ними приглядывал.

— Я никем не занялась и ни за кем не приглядываю! — возмутилась Бритт-Мари.

Полицейский виновато замотал головой, так что затряслись щеки.

— Я не это имел в виду, ну да, ну да, я только, что вы им нравитесь. Ребятишкам. Я не видел, чтобы им кто-то нравился, с тех пор, как умер предыдущий тренер.

— Что значит «предыдущий»? — оскорбилась Бритт-Мари, как оскорбился бы любой человек, которого назначили тренером без его ведома.

— Я, м-м, хотел только сказать — они ужасно рады, что вы сюда приехали. — «Они» у Свена вышло совсем как «мы».

Помолчав, он поинтересовался:

— А где вы работали до Борга?

Бритт-Мари не отвечала. Она сердито рассматривала дома, мимо которых они проезжали; перед каждым вторым на лужайке торчала

табличка «Продается», и Бритт-Мари сухо заметила:

— Похоже, многим жителям Борга не нравится жить в Борге.

Уголки губ у полицейского чуть приподнялись, как у человека, когда он пытается спрятать грусть. Но плечи этого направления категорически не поддержали.

— Кризис. Когда бюро перевозок поувольняло всех водителей, поселок остался в полном безденежье. Те, кто выставил объявления, все еще надеются продать дом. Другие сдались. Молодежь перебирается в города. В конце концов здесь останемся только мы, старики, потому что мы — единственные, у кого все еще есть работа.

— Финансовый кризис позади. Так говорит мой муж, он предприниматель, — поставила Свена в известность Бритт-Мари.

Полицейский тут же кивнул, словно уже жалел о сказанном.

— Да, конечно, я ничего в этом не понимаю. Конечно. Ваш муж наверняка прав.

Бритт-Мари спрятала под бамбуковой занавеской и прическу, и белое пятно на пальце. Она не сводила глаз с поселка, где не хотят жить даже те, кто в нем живет.

— И вы тоже увлекаетесь футболом, — произнесла она наконец.

Зрачки у полицейского расширились, и он произнес нараспев, словно стихи:

— Однажды я слышал такие слова: «Футбольный мяч работает на уровне инстинктов. Он катится по улице, и ты просто бьешь по нему ногой. Любовь к футболу — как и всякая другая любовь: непонятно, как можно без нее прожить». — Свен смущенно улыбнулся.

— Кто это сказал? — поинтересовалась Бритт-Мари.

— Один старый тренер. Прекрасно, правда?

— Чепуха, — отрезала Бритт-Мари, хотя хотела сказать — «как красиво!».

Полицейский крепче вцепился в руль.

— Ну да, ну да, я только хотел... все ведь любят футбол? А?

Словно мир устроен именно так.

Они остановились перед квадратным серым двухэтажным домом. В саду по другую сторону дороги стояли две старушенции — такие древние, словно жили в этом поселке еще до того, как он стал поселком. Обе подозрительно таращились на полицейскую машину, опираясь на ходунки. Дождь перестал, но Бритт-Мари все еще держала над головой бамбуковую занавеску. Свен позвонил в дверь серого дома. Открыла давешняя слепая — такая же квадратная, как дом. Не то чтобы Бритт-Мари назвала бы ее

толстухой, ни в коем случае, но как бы то ни было, в руке женщина держала шоколадное печенье.

— Привет, Банк, — дружески произнес полицейский.

— Привет, Свен. Привез ее? — равнодушно спросила Банк и махнула палкой в сторону Бритт-Мари.

— Да! Это Бритт-Мари! — объявил полицейский, радостно указывая на Бритт-Мари, словно она что-то значила.

— Комната стоит двести пятьдесят в неделю, никакого кредита. Снимать можете, пока я не продам эту развалюху, потом — все, — пробурчала Банк и затопала назад, в дом, не приглашая гостей войти.

Бритт-Мари пошла за ней, невольно ступая на цыпочках — пол был настолько грязный, что ходить по нему не хотелось даже в сапогах. В прихожей среди пустых коробок валялась белая собака. Бритт-Мари объясняла это неряшливостью этой Банк, а не ее слепотой. Бритт-Мари не делает скоропалительных выводов, поэтому уверена, что неряхами могут быть и слепые.

По всему дому были развешаны старые снимки: девочка в желтой футболке, на некоторых — рядом с тем пожилым мужчиной с фотографий из досугового центра. Только здесь он моложе. Видимо, он был ровесником Бритт-Мари, когда его нашли на кухонном полу. Означает ли это, что она старая? В последние годы меряться годами ей было особо не с кем.

Свен стоял у дверей, прижимая к животу цветочные ящики и сумку Бритт-Мари. Он был ее ровесником. Но чувствовалось, что он очень немолод.

— Нам так не хватает твоего папы, Банк. Всему Боргу не хватает, — грустно произнес Свен куда-то в комнату.

Банк не отвечала. Бритт-Мари не знала, что делать, поэтому выхватила ящики у Свена. Свен снял фуражку, но так и стоял на пороге, как стоят мужчины, полагающие, что в дом к дамам нельзя входить без приглашения. А Бритт-Мари его не приглашала, хотя ее и огорчало, что он стоит на пороге в полицейской форме. Ведь престарелые дамы по ту сторону дороги все еще в саду, смотрят. Что соседи подумают!

— Еще что-нибудь? — спросила она, хотя на самом деле это было «спасибо».

— Нет, нет, ничего, ничего. — Свен снова надевал фуражку.

— Тогда спасибо, — сказала Бритт-Мари, хотя на самом деле это было «до свидания».

Свен, застенчиво кивнув, повернулся к двери. Он уже прошел

полдороги до машины, когда Бритт-Мари, сделав вдох и откашлявшись, произнесла — лишь слегка громче, чем обычно:

— За то, что подвезли. Благодарю вас... да, я хотела сказать — тебя... вас за то, что подвезли.

Свен обернулся, его лицо посветлело. Бритт-Мари поспешно захлопнула дверь, пока ему не пришло что-нибудь в голову.

Банк поднималась по лестнице. Палка ей нужна была больше для опоры, чем для ориентации в пространстве. Бритт-Мари ковыляла следом, прижимая к животу балконные ящики и сумку. Банк обвела рукой двери на втором этаже.

— Туалет. Раковина. Есть будете где-нибудь еще, я не хочу, чтобы в доме воняло тряпней. Днем сидите подальше отсюда, в дом будет приходить маклер и покупатели, смотреть дом, — процедила она.

Бритт-Мари обратилась к ней как можно дипломатичнее:

— Позвольте принести вам извинения за мое вчерашнее поведение. Я не знала, что вы слепы.

Банк проворчала что-то сквозь зубы и уже собралась спуститься по лестнице, но Бритт-Мари еще не закончила.

— Однако я хотела бы заметить, что вы не можете ожидать от окружающих осведомленности о вашей слепоте, когда вас видят только со спины, — со всей доброжелательностью заметила она.

Ворчание Банк стало нетерпеливее. Бритт-Мари спускалась следом за ней по лестнице, и говорила все громче:

— У меня нет предрассудков! Если бы меня уведомили, что вы слепы, я бы, разуме...

— О господи боже, да не слепая я! — рывкнула Банк.

— Хм? — изумленно произнесла Бритт-Мари.

— У меня ослабленное зрение. Вблизи я отлично вижу.

— Насколько вблизи? — уточнила Бритт-Мари.

— Я вижу собаку. Собака видит все остальное. — Банк указала на собаку, лежавшую в метре от лестницы.

— В таком случае вы практически слепы, — констатировала Бритт-Мари.

— Я это и сказала. Спокойной ночи.

— Ах-ха. То есть вы не полностью слепы? Вы сказали, что не слепая, зна...

— Спокойной ночи! — простонала Банк.

— Я, разумеется, не цепляюсь к словам, ни в коем случае, но я точно

слышала, что вы сказали «слепая». У меня, знаете ли, отличный слух. Мой врач гово... — не унималась Бритт-Мари, отчего вид у Банк стал как у человека, всерьез обдумывающего, не пробить ли стенку лбом.

— Когда я говорю, что слепая, людям совестно донимать меня расспросами. А если сказать, что у меня слабое зрение, они начинают талдычить насчет того, чем слабое зрение отличается от слепоты. Так что спокойной ночи! — заключила Банк, продолжая спускаться по лестнице.

— Я не талдычу! — возразила Бритт-Мари ей в спину.

— Я заметила, — вздохнула Банк.

— Позвольте спросить, зачем вам собака, темные очки и палка, если вы не слепая? — спросила Бритт-Мари. Банк, судя по виду, хотелось свернуться клубочком и зажать уши.

— Свет раздражает глаза. А собака у меня была еще до проблем со зрением. Блин, да это самая обычная собака. Спокойной ночи!

Собака с недовольным видом остановилась посреди лестницы.

— Ну а палка? — поинтересовалась Бритт-Мари. Банк терла виски.

— Это палка не как у слепых, это прогулочная трость. У меня колени болят. К тому же удобная вещь, когда тебе пройти не дают.

— Ах-ха.

Банк палкой отодвинула собаку.

— Деньги вперед. Никакого кредита. И днем я не хочу вас тут видеть. Спокойной ночи.

— Позвольте спросить, когда, по вашим предположениям, дом может быть продан? — спросила Бритт-Мари.

— Как только найдется придурок, который захочет жить в Борге.

Бритт-Мари осталась стоять на верхней ступеньке. Банк с собакой скрылись. Лестница казалась пустынной и пугающе бесконечной.

— У меня создалось впечатление, что вашему отцу в Борге нравилось. Значит, в этом поселке есть что-то, что можно любить! — крикнула она вниз.

Банк не отвечала.

— И я не талдычу! — сочла необходимым повторить Бритт-Мари.

Банк выругалась сквозь зубы. Потом за ними с собакой хлопнула входная дверь. Дом затопила тишина.

Бритт-Мари огляделась. Понятно, что гигиеной ни отец Банк, ни сама Банк себя не утруждали. Просто оба дикари, а никаких предубеждений у Бритт-Мари нет. Ни против мертвых, ни против слепых. Ни против людей с ослабленным зрением. Или какие они там. В окно было видно, как Банк и собака удаляются по улице. Снова начался дождь. Полицейская машина

уехала. Мимо проехал один-единственный грузовик. И — тишина. Бритт-Мари озябла изнутри.

Она сняла постельное белье, посыпала матрас пекарским порошком. Достала из сумочки список. Пусто. Ни одного пункта, напротив которого можно поставить галочку. Темнота вползала в окна, обволакивая со всех сторон. Зажигать свет Бритт-Мари не стала. Порывшись в сумочке, нашла платок, стояла и плакала в него. Чтобы не садиться на матрас, пока он не отчистился как следует.

Дверь она заметила уже после полуночи. Расположенная рядом с окном, дверь вела в никуда. Бритт-Мари было так трудно поверить в то, что она видела, что пришлось сначала взяться за «Факсин» и перемыть все окна и стекло в двери настолько тщательно, насколько это можно сделать в темноте; только тогда она осмелилась дотронуться до дверной ручки. Ручка не поддавалась. Бритт-Мари потянула ее что было сил, повисла на ней всем своим невеликим весом. На какой-то быстротечный миг, глядя на мир за стеклом, она вдруг вспомнила Кента и его слова, когда у нее что-нибудь не получалось. Это непостижимым образом сподвигло ее на последнее яростное усилие. Ручка дрогнула, Бритт-Мари отлетела назад через всю комнату, а в распахнутую настежь дверь ливанул дождь. Прямо на пол.

Бритт-Мари сидела, привалившись к кровати и тяжело дыша, и смотрела в открывшийся проем.

Там был балкон.



Балкон все меняет.

Было шесть часов утра, и Бритт-Мари переполнял неведомый прежде энтузиазм. А вот душевное состояние Личности скорее выглядело как похмелье и некоторое раздражение. Потому что Бритт-Мари разбудила ее в шесть утра, постучавшись в дверь пиццерии и с энтузиазмом спросив, нет ли у нее дрели. Личность открыла, похмельная и немного раздраженная, и довела до сведения Бритт-Мари, что пиццерия, включая прочие находящиеся в этом помещении производственные и торговые точки, в это время суток закрыта. Тогда Бритт-Мари исключительно благожелательно поинтересовалась, почему в таком случае Личность находится в пиццерии? Бритт-Мари представляется, что проживать в помещении пиццерии не слишком гигиенично. Личность объяснила, как могла, не открывая глаз и с фрагментами еды на кофте — которые то ли не добрались до рта, то ли тем или иным образом ушли обратной дорогой, — что она «слишком нагрузилась» вчера после матча, чтобы ехать домой. Бритт-Мари одобрительно кивнула и сказала, что, по ее мнению, это разумное решение, потому что садиться за руль в состоянии опьянения нельзя. И даже не посмотрела на инвалидное кресло, ни в коем случае, ведь Бритт-Мари лишена предубеждений.

Личность, ворча, попыталась закрыть дверь. Но Бритт-Мари, как сказано выше, переполнял энтузиазм, а когда Бритт-Мари полна энтузиазма, остановить ее нелегко. Энтузиазм этот отчасти объяснялся обретением балкона, но в основном тем, что Бритт-Мари теперь было куда поставить цветочные ящики. Все изменилось. Бритт-Мари почувствовала себя способной выйти в мир. Или по крайней мере — в Борг.

Но в шесть утра Личность, похоже, не была готова разделить энтузиазм Бритт-Мари в полной мере, так что Бритт-Мари всего лишь поинтересовалась, нет ли у нее, случайно, дрели. Дрель у Личности имелась, и Личность ее даже принесла. Бритт-Мари взяла ее обеими

руками, нечаянно нажала на кнопку, вследствие чего неумышленно слегка просверлила Личности руку. Личность отняла дрель у Бритт-Мари, пожелав узнать, что именно Бритт-Мари намерена делать с инструментом. Бритт-Мари с энтузиазмом уведомила ее, что намерена повесить картину в рамке.

И теперь Личность обреталась в досуговом центре, — похмельная, немного раздраженная и с дрелью в руках. Бритт-Мари стояла посреди комнаты и с энтузиазмом рассматривала картину. Рано утром она отыскивала ее в чулане досугового центра, поскольку Банк потребовала, чтобы Бритт-Мари освободила помещение на весь день, а Бритт-Мари все равно трудно было уснуть после чувств, вызванных балконом. Картина была прислонена к стене, за каким-то не имеющим названия старым хламом; толстый слой пыли на ней походил на вулканический пепел. Бритт-Мари принесла картину в досуговый центр и очистила влажной тряпкой с содой. Теперь картина выглядела очень стильно.

— Видите ли, я еще никогда не вешала картин, — благожелательно пояснила Бритт-Мари, заметив раздражение Личности.

Просверлив дыру, Личность повесила картину на стену. Картина оказалась не то чтобы совсем картиной. Это была старая, еще черно-белая карта Борга. «Добро пожаловать в Борг!» — гласила надпись вверху. Бритт-Мари питала удивительную для человека, не склонного к путешествиям, любовь к картам. В них было что-то надежное, что успокаивало ее еще в детстве, когда Ингрид по ночам рассказывала ей о Париже. Можно посмотреть на карту и найти на ней Париж. Все, что есть на карте, сразу становится понятнее. Бритт-Мари серьезно кивнула Личности:

— Чтобы вы знали, у нас с Кентом дома картин нет. Кент не любит живопись.

Личность при слове «живопись» вскинула бровь в направлении карты. Бритт-Мари благожелательно кивнула:

— Нельзя ли повесить ее чуточку выше?

— Выше? — Личность втянула носом воздух.

— Низковато висит, — объяснила Бритт-Мари, причем в ее голосе не было и тени укора.

Личность глянула на Бритт-Мари. Потом на свое кресло. Бритт-Мари тоже посмотрела на инвалидное кресло. Без всякого предубеждения, разумеется. Потом на Личность. Потом вложила одну руку в другую.

— Но так, конечно, тоже очень, очень хорошо.

Личность, бормоча что-то, чего лучше никому не слышать, катилась к двери и дальше через парковку, к пиццерии. Бритт-Мари шагала следом —

ей были нужны сникерс и сода.

В пиццерии пахло сигаретным дымом и пивом. На столах стояла грязная посуда. Энтузиазм Бритт-Мари несколько увял.

— Разумеется, это не мое дело, но это напоминает свинарник, — благожелательно заметила она и тут же прибавила: — Но это, разумеется, не мое дело.

— Не твое, так и молчи, — ответила Личность и принялась рыться под прилавком, бурча что-то про «таблетки от головы, куда Вега задевала эту хрень? Все здесь всё прячут на хрен, ни хрена не найдешь», после чего скрылась на кухне.

Бритт-Мари неуверенно протянула руку к грязным тарелкам, и тут Личность, словно у нее вдруг появились глаза на затылке, рывкнула:

— Не трожь посуду!

Бритт-Мари постояла, сцепив руки в замок и пытаясь совладать с собой. Ее хватило секунд на пятнадцать. Потом она принялась носить посуду на кухню. Личность запивала таблетку от головной боли чем-то из бутылки, о содержимом которой Бритт-Мари спросить не решилась.

— Я сказала — не трожь посуду, — простонала Личность, дыша таким перегаром, что по идее могла бы растворить краску на стенах.

Бритт-Мари с легким стуком сгрузила посуду на столик у мойки. Ни в коей мере не демонстративно.

— Но это негигиенично. Как будто здесь живут животные.

— Где-то же им надо жить, — пробурчала Личность.

Бритт-Мари принялась мыть посуду, невзирая на протесты Личности. Затем выдвинула ящик и начала раскладывать столовые приборы в правильном порядке. Личность, подъехав, задвинула ящик. Бритт-Мари терпеливо выдохнула:

— Я просто пытаюсь немного прибраться.

— Кончай все менять! Я ж не найду ни хрена! — выкрикнула Личность, когда Бритт-Мари не утерпела и принялась наводить порядок в шкафчике с рюмками и бокалами.

— Уму непостижимо, как здесь вообще можно что-то найти, — уведомила ее Бритт-Мари.

— Не так ставишь! — возразила Личность.

— Ах-ха, что бы я ни делала — я, разумеется, все делаю не так, — обиделась Бритт-Мари.

Личность, что-то бормоча, воздела руки к потолку, словно он во всем виноват, и выкатилась из кухни. Бритт-Мари продолжала стоять, борясь с желанием снова открыть кухонный ящик. Ее хватило секунд на пятнадцать.

Когда она вышла из кухни, Личность сидела посреди продуктового магазина и угрюмо поедала кукурузные хлопья, таская их горстями прямо из пакета.

— Хоть тарелку бы взяли, — вздохнула Бритт-Мари и принесла тарелку.

Теперь Личность угрюмо поедала хлопья, таская их горстями из тарелки.

— Простокваши вы, конечно, не добавляете, — констатировала Бритт-Мари.

— У меня непереносимость этой, как ее? Лактозы, — вздохнула Личность.

— Ах-ха, — произнесла Бритт-Мари в том смысле, что сможет перенести и не такое, и переставила банки на полке.

— Бритт-Мари, сделай милость, ничего не трогай, — прошептала Личность, как шепчет человек, у которого ужасно болит голова.

— Они не так стоят, — пояснила Бритт-Мари.

— Ага, ну прям! — возразила Личность.

— То есть я убираюсь неправильно, вы это хотите сказать? — поинтересовалась Бритт-Мари и, подойдя к кассе, начала укладывать блоки сигарет, руководствуясь цветом пачек.

— ХВАТИТ! — Личность попыталась вырвать у нее сигареты.

— Я просто хочу сделать здесь поуютнее, — объяснила Бритт-Мари.

— Не вместе! — простонала Личность, тыча пальцем сначала в пачки с иностранными буквами, а потом в те, где букв не было. — Для налоговой! — серьезно пояснила она, показывая на пачки без иностранных букв, после чего указала на пачки с иностранными буквами: — «Выброс гравия»!

Бритт-Мари искала, за что бы ухватиться, чтобы не упасть.

— Вы хотите сказать, это контрабанда?

— Да понимаешь, Бритт-Мари... Они это, с грузовика упали.

— Это уголовное преступление!

Личность, сосредоточенно сопя, снова укатилась на кухню. Там она выдвинула ящик с приборами и принялась сквернословить во весь голос, после чего с кухни донеслась длинная тирада, из которой Бритт-Мари разобрала только «заявляется, дрель ей вынь да положи, картину повесь, человек спит — но неет, ты уголовник, ишь, Мэри Поппинс из молодежного центра, знай переставляет всякую хрень с места на место». У Бритт-Мари имелись основания полагать, что это ее, Бритт-Мари, назвали Мэри Поппинс. Причем без всякой благожелательности. Бритт-Мари так и

стояла на границе магазина и пиццерии, передвигая с места на место какие-то банки и пачки сигарет. Вообще-то она собиралась только купить сникерс, соду и уйти отсюда, но покупать соду у явно нетрезвого человека было бы крайне безответственно, так что она решила подождать, пока Личность не протрезвеет.

Но Личность, похоже, прочно обосновалась в кухне, и Бритт-Мари занялась тем, чем привыкла заниматься в таких ситуациях: уборкой. Когда она закончила, в пиццерии стало на самом деле очень красиво. К сожалению, цветов здесь не было, но на прилавке рядом с кассой оказалась вазочка. Вазочку пересекал обрывок белого скотча с надписью «чаевые». Вазочка была пуста. Бритт-Мари вымыла ее и вернула на прилавок, к кассе. Потом выгребла из сумочки мелочь и ссыпала в вазочку. Поворошила монеты, чтобы они стали как земля для цветов. Так гораздо красивее, чем пустая ваза.

— Возможно, вы бы лучше переносили лактозу и прочее, если бы уделяли больше внимания гигиене, — благожелательно объяснила она Личности, когда та наконец появилась из кухни.

Личность потеряла виски, развернулась и снова скрылась на кухню. Бритт-Мари ворошила мелочь в вазочке для чаевых.

Звякнула входная дверь, и вошли двое мужчин в кепках и бородах. Кажется, тоже с похмелья.

— Я бы вас попросила вытирать ноги за дверью, — объявила им Бритт-Мари.

— Чего? — Мужчины не поняли.

— Видите ли, я только что вымыла пол, — пояснила Бритт-Мари.

Мужчины вытерли ноги. Кажется, больше от изумления, чем от сознательности.

— Ах-ха. Что желаете? — поинтересовалась Бритт-Мари, когда мужчины снова вошли.

— Ко...фе? — выдавили мужчины, осматриваясь так, словно шагнули в параллельное пространство: пиццерия вроде та же, где они обычно пьют кофе, только чистая!

Бритт-Мари кивнула и пошла на кухню. Личность спала с банкой пива, уронив голову в ящик со столовыми приборами. Не найдя кухонного полотенца, Бритт-Мари взяла два рулона бумажных, осторожно приподняла голову Личности, подсунула рулоны ей под лоб вместо подушки и так же осторожно уложила голову Личности обратно в ящик. Спокойно, без выбросов гравия сварила кофе в самой обычной кофеварке и подала мужчинам в кепках и бородах. Немного помедлила возле их столика —

вдруг кто-нибудь из них скажет, что кофе вкусный. Никто не сказал.

— Значит, кофе вас не устраивает, — констатировала она, не выказав ни малейшей обиды.

Мужчины вытаращились на нее, словно она произнесла эти слова без единого гласного звука. Бритт-Мари смахнула со стола невидимые крошки (вместе с несколькими видимыми) и глянула на газеты.

— Ах-ха. Намерены ли вы разгадывать кроссворды? Теперь мужчины вытаращились на газеты. Бритт-Мари благожелательно кивнула:

— Если вы не намереваетесь их разгадывать, я могу разгадать их для вас.

У мужчин сделался такой вид, будто Бритт-Мари спросила, намерены ли они и в будущем пользоваться своими почками или она может взять их себе. Держа в руках кофейник, Бритт-Мари пояснила:

— Не пропадать же им.

— Ты вообще кто? — спросил один из мужчин.

— Бритт-Мари, — ответила Бритт-Мари.

— Городская, что ли? — спросил второй.

— Да, — ответила Бритт-Мари.

Мужчины кивнули, словно это все объясняло.

— Ну так купила бы себе газету, — сказал один.

Второй пробурчал что-то одобрителное.

— Ах-ха. — Бритт-Мари решила не предлагать им добавки.

Она выудила из сумочки еще монетку и бросила ее в вазочку для чаевых — с некоторой высоты, чтобы было слышно. Нет, не демонстративно, ни в коем случае. Бритт-Мари не является демонстративной личностью.

Личность продолжала спать на кухне — может быть, отчасти по вине Бритт-Мари, устроившей для нее слишком удобное спальное место. Как бы то ни было, Бритт-Мари сочла себя обязанной заниматься клиентами до прихода Веги. Не то чтобы их было много. И не то чтобы они были вообще. Пришел только рыжий парнишка, которого звали Пират, хотя Пират — это не имя. Он осторожно поинтересовался, найдется ли у Бритт-Мари время помочь ему с прической. Бритт-Мари уведомила его, что ужасно занята. Парнишка восторженно кивнул и стал ждать в углу. В этом деле он был мастер.

— Ах-ха, если уж ты стоишь там, то мог бы и помочь, — заметила Бритт-Мари.

Мальчик закивал так энергично, что чудом не откусил себе язык.

Бритт-Мари отправила его предложить мужчинам в бородах и кепках добавки. Половину кофе Пират пролил по дороге.

Явилась Вега и застыла в дверях, озираясь, словно не туда попала.

— Что... здесь случилось? — выдохнула она. Впечатление было такое, словно ночью пиццерией овладело боевое подразделение аккуратистов и навело свои порядки.

— В каком смысле? — оскорбилась Бритт-Мари.

— Тут так... чисто.

— Ненормально — это когда грязь, — объяснила Бритт-Мари.

Вега направилась было на кухню, но Бритт-Мари шикнула:

— Она там спит!

— У нее похмелье. Как всегда после футбола. — Вега пожала плечами.

Вошел Карл, который, кажется, наладился ходить за посылками каждый день.

— Что желаете? — спросила Бритт-Мари со всей возможной предупредительностью и без малейшего укора.

— Я за посылкой, — сказал Карл без какой бы то ни было предупредительности.

Бакенбарды у него заходят на подбородок, отметила Бритт-Мари. Как перевернутые подснежники. Любимые цветы Бритт-Мари.

— Сегодня еще не было посылок, — сказала Вега.

— Тогда я подожду. — И Карл направился к мужчинам в кепках.

— Но заказывать вы, разумеется, ничего не станете. Будете просто сидеть, и все, — сверхблагожелательно констатировала Бритт-Мари.

Карл остановился. Мужчины за столиком смотрели на него, словно транслируя мысль: вести переговоры с террористами категорически неприемлемо.

— Кофе, — буркнул Карл наконец.

Пират уже направлялся к нему с кофейником.

Следующим пришел Свен. Улыбка озарила все его круглое лицо, когда он заметил Бритт-Мари.

— Привет, Бритт-Мари!

— Вытирайте ноги, — ответила Бритт-Мари.

Свен энергично кивнул. Вышел, вернулся.

— Как я рад вас видеть!

— Ах-ха. Вы сегодня на работе?

— Ну да, ну да.

— А то сразу не поймешь. Вы ведь, кажется, носите форму независимо от того, свободны или нет, — заметила Бритт-Мари без тени укора.

Кажется, Свен ее не совсем понял. Зато его взгляд переместился на блок явно иностранных сигарет, которые после диспута Личности и Бритт-Мари на тему контрабанды так и остались лежать возле кассы.

— Какие интересные буквы... — произнес он с любопытством.

Бритт-Мари встретила глазами с перепуганной Вегой — и ощутила ту же панику.

— Это мое, — с трудом выговорила она и придвинула сигареты к себе.

— О, — удивился Свен.

— Курить — не преступление! — отрезала Бритт-Мари, притом что категорически так не считала.

После чего с ожесточением принялась наводить порядок на полках магазина.

— Все нормально с комнатой у Банк? — поинтересовался Свен ей в спину, но его, к облегчению Бритт-Мари, прервал стон Веги:

— Нееет, только не он...

Бритт-Мари выглянула в окно. На парковке остановилась БМВ. Бритт-Мари знает это, потому что у Кента как раз БМВ, так что Бритт-Мари точно известно, сколько такая стоит: ведь Кент вечно рассказывает это незнакомым людям в очереди на заправке. Дверь радостно звякнула; вошли мужчина — ровесник Личности и мальчик — ровесник Веги. Непонятно, кого из них так не хотелось видеть Веге. Мужчина — в очень дорогой куртке, Бритт-Мари знает это, потому что у Кента такая же. На мальчике была потертая клубная куртка с названием города в двух милях отсюда и словом «хоккей». Мальчик посмотрел на Вегу с интересом, она на него — с презрением. Мужчина широко улыбнулся мужчинам в углу, те в ответ воззрились на него так, словно надеялись взглядами прожечь на нем дыру. Мужчина отвел глаза и улыбнулся Веге:

— Торговля процветает, как всегда?

— А что? Вы приехали кого-нибудь уволить? — угрюмо спросила Вега, потом театрально хлопнула себя по лбу, словно ее посетило озарение:

— Нет! Как же! Уволить вы никого не можете, вы же здесь не работаете! А там, где вы работаете, увольнять некого — вы уже всех уволили!

Взгляд мужчины потемнел. Мальчику было явно не по себе. Мужчина со стуком поставил на прилавок две банки газировки.

— Двадцать четыре кроны, — невозмутимо объявила Вега.

— И две пиццы, — тем же тоном сообщил мужчина.

— Пиццерия закрыта.

— Как это закрыта? — грозно пророкотал мужчина.

— Печь в настоящее время неисправна, — проинформировала его Вега.

Презрительно фыркнув, мужчина швырнул на прилавок пятисотку.

— Пиццерия, в которой нет пиццы. Эффективное торговое направление.

— Примерно как бюро грузоперевозок без водителей, зато с управляющим, — съязвила в ответ Вега.

Лежавшая на прилавке рука мужчины сжалась в кулак. Краем глаза он заметил, как Карл привстал со стула, а двое других стараются его удержать.

— Шести крон не хватает, — угрюмо сообщил он сдаче, которую Вега высыпала на прилавок.

— У нас мелочь кончилась, — процедила Вега сквозь зубы.

Свен уже стоял рядом, хотя вид у него был неуверенный.

— Может, тебе лучше уйти, Фредрик? — спросил он. Взгляд мужчины переместился с Веги на полицейского. Задержался на вазочке для чаевых. Лицо расцвело довольной улыбкой. Сунув руку в вазочку, он выудил оттуда шесть крон.

— Спокойно. Я просто возьму отсюда!

Мужчина ухмыльнулся сначала Свену, потом мальчику в спортивной куртке. Мальчик, не поднимая глаз, пошел к двери. Уничтоженный Свен остался на месте. Мужчина в дорогой куртке встретился глазами с Бритт-Мари.

— Вы кто? — спросил мужчина.

— Я работаю в молодежном центре. — Бритт-Мари сердито поглядела на отпечатки, оставленные пальцами мужчины на только что отмытой вазочке.

— Я думал, его закрыли.

— Еще нет.

— Пустая трата денег налогоплательщиков, если хотите знать мое мнение. Лучше вложить их в учреждения для несовершеннолетних, все равно эта шпана рано или поздно туда попадет! — Мужчина дернул углом рта в сторону Веги.

Вид у Бритт-Мари был самый благожелательный.

— У моего мужа такая же куртка, — заметила она.

— У вашего мужа хороший вкус, — усмехнулся мужчина.

— Но он, разумеется, носит куртку своего размера. Повисло молчание — долгое, очень, очень долгое. Потом сначала Вега, а за ней Свен разразились хохотом. Бритт-Мари не поняла почему. Мальчик бросился к двери, за ним, чеканя шаг, последовал мужчина — и так грохнул дверью,

что замигала люминесцентная трубка на потолке. БМВ юзом вывернула с парковки. Бритт-Мари не знала, в какую сторону смотреть. Свен с Вегой все еще смеялись в полный голос, отчего Бритт-Мари стало неприятно — она подозревала, что смеются над ней. Поэтому она тоже поспешила к двери.

— Теперь у меня есть время заняться твоей прической, — шепнула она Пирату и убежала через парковку.

Дверь радостно звякнула. Что с нее возьмешь?



Во всяком браке есть свои недостатки, потому что у каждого свои слабости. Всякий, кто живет рядом с другим человеком, учится справляться с этими слабостями по-своему. Можно, например, смотреть на них как на шкафы и научиться подметать пол вокруг них. Поддерживать иллюзию. Знаешь, конечно, что под шкафом накапливается мусор, но учишься замечать его поглубже, чтобы гости не увидели. А в один прекрасный день кто-нибудь сдвигает шкаф, не спросив разрешения, и мусор является на свет божий. Мусор и царапины. Отметины на паркете, которые так и останутся на полу. И уже ничего не поделать.

Бритт-Мари стояла в ванной молодежного центра и видела в зеркале все свои недостатки. На нее напал страх. Его она считала своим главным недостатком. Больше всего на свете ей хотелось уехать домой. Выгладить рубашки Кента и сидеть на собственном балконе. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы все стало как обычно.

— Может, мне лучше уйти? — боязливо спросил Пират с порога.

— Я не позволю надо мной смеяться, — сказала Бритт-Мари со всей строгостью, на какую была способна.

— Зачем мне над вами смеяться? — не понял Пират.

Бритт-Мари прикусила щеки. Пират нерешительно протянул ей блок сигарет с иностранными буквами.

— Свен сказал, вы забыли забрать.

Бритт-Мари со страхом взяла сигареты. Контрабандный товар. Который она к тому же не то украла, не то взяла в кредит — смотря как трактовать. Бритт-Мари даже не знала, под какую статью подпадает ее деяние. Но в любом случае она — преступница. Хотя Кент, безусловно, согласился бы с Личностью, что прятать сигареты от налогового управления и полиции — не преступление. «Ну же, дорогая! Не пойман — не вор!» — говорил он, когда ей надо было подписать декларацию, и она спрашивала, что означают остальные бумаги, которые аудитор Кента

вложил в конверт. «Не беспокойся, это совершенно законная льгота! — уверял он. — А теперь поторопись». Кент обожал льготы, но презирал пособия. Бритт-Мари не решалась сказать, что не понимает, какая между ними морально-этическая разница — он бы поднял ее на смех, а это так обидно!

Пират осторожно тронул ее за плечо:

— Они не над вами смеялись. В смысле — в пиццерии. Они смеялись над Фредриком. Он был начальником бюро перевозок, когда поувольняли всех шоферов, так что его тут не любят. А смеялись не над вами.

Бритт-Мари кивнула, делая вид, что ей решительно все равно. Воодушевленный Пират продолжал:

— Фредрик тренирует хоккейную команду в городе, они супер! Его сыну — такой длинный, он был в пиццерии — лет сколько мне, но у него уже почти борода растет! Обалдеть, да? Он и футболист суперский, но Фредрик хочет, чтобы он играл в хоккей — думает, что хоккей круче!

— А почему, вообще говоря? — заинтересовалась Бритт-Мари. То небольшое, что она знала о хоккее, позволяло сделать единственный вывод: есть на свете занятия еще более нелепые, чем футбол.

— Я думаю — потому что это дорого. Фредрик любит то, что не всем по карману.

— Почему же вы тут тогда с ума сходите по футболу?

— Почему? Ну, футбол же любят просто потому, что он футбол? — Пират, кажется, не понял, в чем вопрос.

Чепуха, подумала Бритт-Мари, но прикусила язык. Зато указала на пакет, который мальчик держал в руках:

— Что там?

— Ножницы, расческа и средства для ухода! — радостно ответил Пират.

Про последнее Бритт-Мари уточнять не стала, но баночек в пакете оказалось кошмарное количество. Она принесла из кухни табуретку, расстелила на полу полотенца и жестом пригласила Пирата сесть. Потом вымыла ему голову и подровняла волосы. Раньше она стригла так Ингрид.

Слова вырвались сами — она не понимала, с чего вдруг произнесла такое вслух:

— Видишь ли, я не всегда понимаю, смеются люди надо мной или над кем-то еще. Мой муж говорит — это потому, что у меня нет чувства юмора.

Тут Бритт-Мари опомнилась и сжала губы. Мальчик озабоченно глянул в зеркало.

— Ужас! Как можно говорить такое людям!

Бритт-Мари не ответила. Но это правда. Говорить такое людям — ужас.

— Вы его любите? Своего мужа? — спросил Пират так неожиданно, что Бритт-Мари едва не отхватила ему ухо.

— Да. — Она отряхнула ему плечи тыльной стороной руки, не отрывая взгляда от рыжей макушки.

— Тогда почему он не здесь?

— Потому что иногда любить — это мало.

Оба молчали, пока Бритт-Мари не превратила упрямый ершик Пирата в прическу настолько опрятную, насколько позволяла природа. Пират разглядывал себя в зеркале. Бритт-Мари, подметая, взглянула на парковку. И заметила двоих молодых людей, лет двадцати; они курили, привалившись к большой черной машине. На них были такие же джинсы, как на детях из футбольной команды, — разорванные на коленках. Но эти двое уже не дети. Когда Бритт-Мари случается проходить мимо таких молодых людей, она крепче вцепляется в сумочку. Не потому, что осуждает их, ни в коем случае, но всему есть границы. У одного из этих даже были татуировки на руках. Это вполне позволяло предположить, что он не слишком умен.

— Сами и Псих, — испуганно произнес Пират у нее за спиной.

— Это не имена, — поставила его в известность Бритт-Мари.

— Сами — это имя. А Психа зовут Псих, потому что он психопат, — объяснил Пират, явно не решаясь произносить имена слишком громко.

— На работу им ходить, конечно, не нужно. — Бритт-Мари лишь чуточку демонстративно посмотрела на свои часы.

Пират пожал плечами:

— В Борге ни у кого нет работы. Кроме стариков.

Бритт-Мари вложила руку в руку. Потом поменяла их местами. Она изо всех сил старалась не обидеться.

— У того, который справа, татуировки на руках, — отметила она.

— Это Псих. Он сумасшедший. Сами-то классный, а Псих... ну, он опасный. С ним ругаться не надо. Мама говорит не ходить домой к Веге с Омаром, когда Псих там.

— Что ему, вообще говоря, делать дома у Веги и Омара?

— Сами — их старший брат.

Открылась дверь пиццерии. Оттуда вышла Вега с двумя пиццами, протянула коробки Сами. Он чмокнул Вегу в щеку. Псих ухмыльнулся ей, Вега глянула на него так, словно он наблевал ей в новую сумку. Черная машина выехала с парковки.

— Они не едят в пиццерии, когда там Свен, Вега говорит — не заходят, — объяснил Пират.

— Ах-ха. Это вполне понятно. Вега знает, что они боятся полиции, — догадалась Бритт-Мари.

— Нет. Она знает, что полиция боится их, — поправил ее Пират.

В этом смысле поселки — как люди. Пока не задаешь лишних вопросов и не сдвигаешь с места шкафов, то и не видишь самого неприятного.

Бритт-Мари отряхнула юбку. Потом отряхнула рукав Пирата. Хотелось сменить тему разговора, и Пират быстро пришел на помощь:

— Вега уже спрашивала вас?

— О чем?

— Вы не хотите быть нашим коучем?

— Разумеется, нет! — воскликнула Бритт-Мари.

Потом с оскорбленным видом сложила руку в руку и спросила:

— Что это — «коуч»?

— В смысле тренер. Нам обязательно нужен тренер. В городе будет проходить кубок, а участвовать можно, только если у команды есть тренер.

— Кубок? В смысле — соревнования? — спросила Бритт-Мари.

— В смысле — кубок, — ответил Пират.

Бритт-Мари почувствовала, что не вполне понимает задачу.

— В такую погоду? На улице? Что за чепуха!

— Нет, соревнования будут не на улице. Во дворце спорта в городе, — пояснил Пират и тут же недоуменно переспросил:

— А что такого? Какое отношение погода имеет к футболу?

Как будто погода не имеет к футболу никакого отношения.

Бритт-Мари собралась уже веско высказаться о том, насколько неуместно гонять мяч в помещении, но не успела: в дверь постучали. На пороге стоял мальчик, ровесник Пирата. К тому же — длинноволосый.

— Ах-ха? — осведомилась Бритт-Мари.

— А Бен типа здесь? — спросил мальчик.

Было в высшей степени непонятно, что в упомянутой фразе делало слово «типа». Это как если бы мальчик спросил: «А Бен примерно здесь?»

— Кто? — спросила Бритт-Мари.

— Бен. Или типа как его теперь зовут в команде — Пират?

— Ах-ха. Он здесь, но он занят, — решительно заявила Бритт-Мари и сделала попытку закрыть дверь.

— А типа чем? — не отставал мальчик.

— Он собирается погулять. Или на свиданку. Или как там теперь это называется.

— Да я знаааю. Со мнооой!..

Бритт-Мари — человек без предубеждений — только стиснула руки и выговорила:

— Ах-ха...

Мальчик жевал жвачку. Бритт-Мари этого не выносит. Даже человеку без предрассудков позволительно не выносить, когда жуют жвачку.

— «Свиданка» — это типа эпичный тупизм, — заметил мальчик.

— Так сказал Пира... Бен. Мы в мое время говорили «гулять», — оборонялась Бритт-Мари.

— Тоже эпичный тупизм, — фыркнул мальчик.

— Как же вы теперь говорите? — В голосе Бритт-Мари почти не слышалось укора.

— Никак. Типа просто встречаемся.

— Позволь попросить тебя подождать здесь. — Бритт-Мари со стуком закрыла дверь.

Пират поправлял волосы перед зеркалом. Увидев в зеркале Бритт-Мари, он подпрыгнул на обеих ногах.

— Это он? Клевый, правда?

— Он довольно невоспитанный, — заметила Бритт-Мари, но Пират не услышал, потому что ванная после его прыжка наполнилась гулким эхом.

Бритт-Мари оторвала квадратик туалетной бумаги, сняла волосок с футболки Пирата, тщательно сложила квадратик и смыла его в унитаз.

— У меня сложилось впечатление, что ты ходишь на свиданки с девочками.

— Иногда и с девочками.

— Но это — мальчик!

— Это — мальчик, — кивнул Пират, словно оба они играли в какую-то игру с неизвестными правилами.

— Ах-ха, — произнесла Бритт-Мари.

— А разве с одними можно, а с другими нельзя? — искренне недоумевал Пират.

— Об этом я ничего не знаю. У меня нет предубеждений, — заверила его Бритт-Мари.

Пират поправил волосы и улыбнулся:

— Как по-вашему, ему понравится моя прическа?

Бритт-Мари словно бы не расслышала вопроса.

— Твои товарищи из футбольной команды, конечно, не знают, что ты

ходишь на свиданки с мальчиками, и я, разумеется, не стану им ничего рассказывать.

— Почему не знают? — удивился Пират.

— Ты что, им об этом говорил?

— А почему мне им об этом не говорить? — Пират удивился еще больше.

— И что они сказали?

— Сказали «о'кей». — Тут Пират как будто засомневался. — А должны были сказать что-то другое?

— Н-ну, разумеется, нет. Разумеется, нет, — сказала Бритт-Мари, ни капли не обороняясь, и прибавила: — У меня нет предубеждений!

— Я знаю, — сказал Пират.

Потом нервно улыбнулся:

— Как у меня волосы?

У Бритт-Мари не нашлось внятного ответа, и она просто кивнула. Неловко сняла последние волоски с его футболки. Пират обнял ее. Что это на него нашло?

— Вам не надо быть одинокой, — прошептал он. — Быть одиноким для человека с такими красивыми волосами — значит тратить себя попусту.

Пират был уже почти у двери, когда Бритт-Мари, все еще с волосками в руке, собралась с духом, откашлялась и прошептала в ответ:

— Если он не скажет, что у тебя красивые волосы, — он тебя не заслуживает!

Пират пробежал назад через всю комнату и снова обнял Бритт-Мари. Она легонько оттолкнула его — ласково, но решительно, потому что нужно же знать меру. Пират спросил, можно ли позаимствовать ее мобильный телефон. На лице Бритт-Мари мелькнуло осуждение, и она призвала Пирата не делать дорогих звонков. Пират сделал один-единственный звонок — на свой собственный телефон. Потом опять попытался обнять ее, рассмеялся и убежал. Хлопнула дверь.

Через пятнадцать минут Бритт-Мари получила СМС: «Он это сказал:!)»

Молодежный центр вокруг Бритт-Мари затих. Чтобы перебить безмолвие, она включила пылесос, убрала волосы с пола. Выстирала и высушила полотенца. Вытерла пыль со всех картин, и особенно тщательно — с информационной доски с картой, которую Личность повесила на метр ниже остальных. Потом сняла обертку со сникерса, положила батончик на тарелку, подстелила под тарелку полотенце и все вместе поставила на

порог. Открыла входную дверь. И долго сидела на табуретке, стараясь ощутить ветер в волосах. Наконец взяла мобильный телефон.

— Алло? — ответила девушка из службы занятости.

Бритт-Мари сделала глубокий вдох:

— С моей стороны было невежливо говорить вам, что у вас стрижка как у мальчика.

— Бритт-Мари? — уточнила девушка. Бритт-Мари сосредоточенно сглотнула.

— Разумеется, не мое дело, какая у вас стрижка. И ходите ли вы на свидания с мальчиками или девочками, меня не касается. Ни в коем случае.

Девушка растерянно дышала в трубку:

— Вы ничего не говорили... об этом.

— Ах-ха. Вполне вероятно, что я об этом всего лишь подумала. Но с моей стороны это в любом случае невежливо.

— Что... но все-таки, что вы имеете в виду... чем плоха моя стрижка?

— Ничем! Я и говорю, что ничем, — напирала Бритт-Мари.

— Я не... ну, я... мне не нравится, когда... — оборонялась девушка, чуть повысив голос.

— Я ни во что не вмешиваюсь, — напомнила Бритт-Мари.

— Разве дело в том, что... ну... быть такой неправильно! Или не быть! — упорствовала девушка.

— Я вовсе этого не утверждаю! — заявила Бритт-Мари.

— Я тоже! — возмутилась девушка.

— Ну ладно, — сказала Бритт-Мари.

— Да! — сказала девушка.

Наступило молчание, такое долгое, что девушка, не выдержав, сказала «алло?», решив, что Бритт-Мари уже отключилась. И вот тут-то Бритт-Мари и отключилась.

Крыса опоздала на ужин на час и шесть минут. Она вбежала, отгрызла сникерса столько, сколько могла унести, на секунду задержалась, в упор посмотрела на Бритт-Мари, после чего убежала и скрылась в темноте. Бритт-Мари завернула остатки батончика в фольгу, убрала в холодильник. Вымыла тарелку. Выстирала и высушила полотенце, повесила на место. Увидела в окно, как Свен выходит из пиццерии. Он задержался возле полицейской машины, глядя в сторону молодежного центра. Бритт-Мари спряталась за шторой. Свен сел в машину и уехал. На какой-то миг Бритт-Мари замерла в тревоге — вдруг вернется и постучит в дверь? А в следующий миг с разочарованием констатировала: не вернулся.

Бритт-Мари потушила лампы везде, кроме ванной. Свет просачивался

из-под двери и падал на ту часть стены, где Личность повесила информационную доску, немного низковато, но ни в коем случае не слишком низко. «Добро пожаловать в Борг», — прочла Бритт-Мари; она сидела на табуретке в темноте и смотрела на красную точку, за которую так полюбила эту доску с первого взгляда. Которая вообще была причиной любви Бритт-Мари к картам. Она наполовину стерта, эта точка, и красный цвет выцвел. Но она там, на полпути между нижним левым углом и серединой карты, а рядом слова «Вы находитесь здесь».

Если не знаешь, кто ты, жить порой легче, если знаешь хотя бы, где ты.



В городах сумерки воспринимают как наступление темноты, но в поселках вроде Борга это скорее отступление света. Темнота распространяется по улицам, словно эпидемия. В городах живет такое множество людей, не желающих оставаться дома по ночам, что приходится заводить целую индустрию развлечений, открывать специальные заведения, которые работают в ночные часы, — а в Бorge с наступлением темноты жизнь капсулируется.

Бритт-Мари заперла дверь молодежного центра и в одиночестве стояла на парковке. В кармане — аккуратно сложенный квадратик туалетной бумаги, поскольку конверта Бритт-Мари не нашла. Вывеска пиццерии не горела, но было видно, как внутри катается тень Личности. Что-то внутри Бритт-Мари хотело зайти туда, сказать что-нибудь, может, что-нибудь купить, но некто более благоразумный велел оставить эту затею. На улице темно. Цивилизованные люди не ходят по магазинам, когда на улице темно.

За дверью работало радио. Какая-то поп-музыка. Бритт-Мари не то чтобы совсем не разбирается в поп-музыке: в кроссвордах она сплошь и рядом, так что Бритт-Мари в курсе последних тенденций. Но этой песни она никогда не слышала. Молодой человек пел с придыханием и дрожью в голосе: «В городе, где я живу, человек либо кто-то, либо никто». Бритт-Мари держала в руках блок сигарет с иностранными буквами. Сколько могут стоять заграничные сигареты? Достав из сумочки значительно больше денег, чем ей представлялось разумным, она завернула их в туалетную бумагу — сверток выглядел как впитывающая прокладка повышенной надежности. Потом Бритт-Мари осторожно подсунула сверток под дверь.

Мужчина пел дальше. Голос из ниоткуда. Про ничто. «Любовь никого не щадит», — пел он. Снова и снова. Любовь никого не щадит. В груди разрастался и разрастался Кент, Бритт-Мари стало трудно дышать.

Она в одиночестве побрела по дороге, которая ведет из поселка в две стороны. Сквозь наступившую темноту. К не своей постели, к не своему балкону.

Грузовик приблизился справа, сзади. Слишком близко. Слишком быстро. Поэтому Бритт-Мари бросилась на другую сторону дороги. У человеческого мозга есть поразительная способность воссоздавать воспоминания столь отчетливо, что остальное тело теряет ориентацию во времени. Грузовика справа было достаточно, чтобы ушам показалось, что они слышат, как кричит мать, рукам — что они порезались осколками стекла, губам — что они ощущают вкус крови. Внутри себя Бритт-Мари успела тысячу раз выкрикнуть имя Ингрид.

Грузовик прогрохотал мимо, так близко, что сердце не сразу решило, переехали его или нет; град из комьев грязи полетел с обочины. Бритт-Мари сделала несколько неверных шагов, пальто было мокрым и грязным, в ушах стоял вой. Может быть, прошла секунда, может — сто, Бритт-Мари моргала на фары; в сознании бесконечно медленно утверждался тот факт, что это не в ушах завывает, это сигналист машина. Кто-то кричит. Она подняла руку к глазам и сквозь свет фар различила БМВ. Фредрик стоял перед Бритт-Мари и орал как бешеный:

— Ты что, совсем из ума выжила?! Прется посреди дороги! Я же тебя чуть не задавил!

Причем таким тоном, словно от ее смерти пострадал бы в первую очередь он. Бритт-Мари не понимала, что отвечать. Сердце билось так, что закололо в бок. Фредрик размахивал руками:

— Ты слышала, что я сказал, или совсем уже не в себе?

Фредрик сделал два шага по направлению к ней. Она не знала зачем. Задним числом она пришла к выводу, что он, пожалуй, не собирался ее ударить, но оба они не успели этого понять, потому что Фредрика перебил другой голос. Совсем другой. Холодный.

— Проблемы?

Фредрик обернулся первым. Страх в его глазах вспыхнул прежде, чем Бритт-Мари успела заметить, что его так напугало. Фредрик сглотнул.

— Нет... она шла...

В нескольких метрах от них стоял Сами — двадцать лет, не старше, руки в карманах. Он мог бы — так показалось в темноте — одновременно схватить за горло их обоих — мужчину двадцатью и женщину сорока годами старше. «Бандитизм», вспомнила Бритт-Мари, она читала в газетах про организованную преступность. И в кроссворде было «уголовное преступление с участием двух и более лиц», девять букв по вертикали. В смертный час люди успевают подумать о самых разных вещах. Бритт-Мари вспомнилось именно это.

Фредрик что-то еле слышно лепетал. Сами молчал. У него за спиной

появился другой молодой человек. Повыше. Понять, почему его прозвали Психом, было нетрудно. Рот он растянул в улыбке, но это был не более чем оскал для демонстрации зубов. Это рассказывали в передачах о животных — Кент смотрел их, когда по телевизору не было футбола. Человек — единственное животное, которое улыбается в знак дружелюбия, другие животные показывают зубы в знак угрозы. Теперь Бритт-Мари в этом убедилась. Понимает, где в человеке живет зверь.

Псих улыбнулся еще шире. Сами не вынимал рук из карманов. Не повышал голоса.

— Попробуй ее тронуть. — Он кивнул на Бритт-Мари, не сводя глаз с Фредрика.

Фредрик, спотыкаясь, пошел назад, к БМВ. С каждым шагом, приближающим его к машине, его уверенность росла, словно автомобиль давал ему суперсилу, но действовала она только на коротком расстоянии. Взявшись за дверь, Фредрик обернулся.

— Дегенераты чокнутые! — прошипел он. — Весь этот сраный поселок — одни дебилы, мать вашу!

Псих шагнул вперед, и БМВ, взвывая, рванула в темноту по грязи и мелкому гравия. На пассажирском сиденье Бритт-Мари успела заметить мальчика, ровесника Бена, Веги и Омара, но выше ростом. Взрослее. В куртке с надписью «Хоккей». С испуганным лицом.

Псих посмотрел на Бритт-Мари. Ощерил зубы. Бритт-Мари отвернулась и изо всех сил старалась не побежать, потому что в фильмах про животных всегда говорят, что убегать от диких зверей нельзя. И услышала голос Сами — без злобы или угрозы, почти ласковый:

— До встречи, коуч!

Отойдя метров на сто пятьдесят, Бритт-Мари отважилась остановиться и перевести дух. Когда она обернулась, двое молодых людей уже снова присоединились к группе других молодых людей на асфальтовой площадке между какими-то домами и какими-то деревьями. Черная машина стояла с незаглушенным мотором и горящими фарами. Юноши двигались в свете фар. Сами что-то выкрикнул, пробежал четыре шага, выбросил вперед правую ногу. Через мгновение он вскинул вверх сжатые кулаки и восторженно завопил. Бритт-Мари потребовалась минута, чтобы понять, что они делают.

Они играли в футбол.

Есть такая игра.

Ночью погода повернула на минус. Дождь превратился в снег. Бритт-Мари стояла на балконе и видела все это своими глазами. И, надо признать, слишком много думала о том, как готовят суши. Почему она не любит суши — потому, что не любит суши, или потому, что их не любит Кент? Она ела суши всего один раз, на ужине с деловыми знакомыми Кента. Контракта Кент не заключил и с тех пор терпеть не мог суши. Бритт-Мари решила, что это ее вина, хотя плохо понимала, в чем именно. Просто так было проще всего. Видимо, следовало проявить бо́льшую социализированность, тогда, возможно, все вышло бы по-другому.

Бритт-Мари вычистила матрас. Повесила пальто. Услышав, что Банк с собакой вернулись и хлопнула входная дверь, описала три круга по комнате, стараясь топтать погромче. Чтобы Банк с собакой знали: она здесь.

А потом заснула, слишком вымотанная, чтобы видеть сны: бог знает, чьи сны могут ей привидеться.

Когда Бритт-Мари проснулась, было уже светло. Поняв это, она чуть не свалилась с кровати. Проснуться засветло в январе! Что люди подумают! Вырванная из сна, она побежала через комнату за жакетом и пальто — и тут поняла, что ее разбудило. В дверь стучали. Ужасно досадно проснуться в такое время, когда для цивилизованного человека стучать в дверь вполне допустимо.

Бритт-Мари мигом причесалась и бросилась вниз по лестнице — и навернулась. Обычная история — сверзиться с лестницы. С грехом пополам приземлилась на обе ноги в прихожей, собралась с силами. Поколебавшись, ринулась в кухню (конечно, грязную настолько, насколько можно себе представить), открыла ящики, нашла фартук и надела его.

— Ах-ха? — подняв брови, она открыла дверь.

И обдернула фартук. Как цивилизованный человек, который моет посуду в соответствующее время суток.

На пороге стояли Вега и Омар.

— Что вы делаете? — спросила Вега.

— Я занята, — ответила Бритт-Мари.

— Вы спали? — спросил Омар.

— Разумеется, нет! — возмутилась Бритт-Мари и поправила фартук и прическу.

— Мы слышали, как вы спускались по лестнице. — Вега кивнула в сторону прихожей.

— Это не преступление, — попыталась оправдаться Бритт-Мари.

— Да ладно вам, мы просто спросили! — рубанула Вега.

— Ах-ха.

— Да!

Бритт-Мари сцепила руки в замок.

— Возможно, я проспала. Но я не имею такого обыкновения.

— Что проспали? — удивился Омар.

На этот вопрос у Бритт-Мари ответа не нашлось, так что повисла пауза. Наконец у Веги лопнуло терпение, и она перешла прямо к делу:

— Мы хотели бы пригласить вас сегодня вечером на ужин.

Омар энергично кивнул:

— А еще мы хотели спросить, не станете ли вы тренером нашей команды! — И добавил «е-е!», за что Вега обозвала его идиотом и попыталась снова пнуть его по лодыжке, но на этот раз он успел увернуться.

— Мы хотели пригласить вас на ужин, чтобы спросить, не хотите ли вы стать нашим коучем. Ну, как бы предложить контракт. Как в настоящих футбольных командах, — сердито объяснила Вега.

— Футболом я не увлекаюсь, — как можно вежливее произнесла Бритт-Мари, хотя в данной ситуации ее слова прозвучали не особенно вежливо.

— Вам и делать-то ничего не надо, только писать сраные бумажки и ходить на наши сраные тренировки! — пробурчала Вега. Можно подумать, это Бритт-Мари явилась к ней и колотила в дверь как сумасшедшая, а не наоборот.

Омар кивнул:

— В городе будет офигенный кубок! Муниципальный совет устраивает, для всех, лишь бы у команды был тренер.

— Наверняка в Борге найдется кто-нибудь еще, кого вы могли бы привлечь на эту должность. — Бритт-Мари попятилась в прихожую.

— Больше ни у кого нет времени, — объяснила Вега.

— Мы подумали — вам же как бы делать особо нечего! — радостно кивнул Омар.

Глубоко оскорбленная Бритт-Мари замерла, поправила фартук:

— Я хотела бы обратить ваше внимание на то, что у меня масса дел.

— Например? — спросила Вега.

— У меня их целый список!

— Да господа, это же времени надо всего ничего — только ходить к нам на тренировки — на случай, если мимо проедут кубковские! Просто чтобы видели, что у нас есть этот на фиг тренер! — простонала Вега.

— У нас тренировки в шесть вечера, на парковке возле центра, —

кивнул Омар.

— Я ничего не понимаю в футболе, — уведомила его Бритт-Мари.

— Омар тоже ничего не понимает, но играет же, — съязвила Вега.

— Чего?! — возмутился Омар.

Вега, кажется, потеряла терпение; она мотнула головой в сторону Бритт-Мари:

— Да ну блин! Мы думали, вы классная. Это Борг, тут не особо много взрослых, выбирать не из кого. Только вы и есть.

На это Бритт-Мари ответить было нечего. Вега уже спускалась с крыльца и раздраженно махнула Омару, чтобы шел следом. Бритт-Мари стояла в дверях, вложив руку в руку. Она несколько раз открыла и закрыла рот, а потом воскликнула:

— Я не могу в шесть!

Вега обернулась. Бритт-Мари упорно смотрела на фартук.

— В шесть часов цивилизованные люди ужинают. Нельзя же бегать за мячом посреди ужина.

Вега пожала плечами. Словно это неважно.

— О'кей. Тогда приходите к нам домой на ужин в шесть, а тренировка после ужина.

— У нас будет такос! — с довольным видом кивнул Омар.

— Что такое такос? — спросила Бритт-Мари. Дети уставились на нее.

— Такос, — повторил Омар, словно решив, что Бритт-Мари не расслышала.

— Я не ем иностранную еду, — сказала Бритт-Мари, хотя на самом деле имела в виду «Кент не ест иностранную еду».

Вега снова пожала плечами:

— Если не есть лепешку, то это больше как салат.

— Ах-ха, — произнесла Бритт-Мари, потому что против салата ничего не имела.

— Мы живем в тех многоэтажках. — Омар показал на дорогу. — Дом два, второй этаж.

Разумеется, тренером футбольной команды Бритт-Мари стала не там и не тогда. Просто там и тогда она узнала, что стала тренером.

Бритт-Мари закрыла дверь. Сняла фартук. Положила его в ящик. Стала убираться на кухне, потому что не знала, как быть. Потом поднялась наверх и взяла мобильный телефон. Девушка из службы занятости ответила после первого сигнала.

— Вы о футболе что-нибудь знаете?

— Бритт-Мари? — переспросила девушка, как будто еще не научилась узнавать ее по голосу.

— Мне нужно знать, как тренировать футбольную команду, — проинформировала ее Бритт-Мари.

— О'кей...

— Это, разумеется, полезная информация, — заметила Бритт-Мари.

— Ну... я думаю... что вы имеете в виду? — спросила девушка.

— Можно ли тренировать футбольную команду просто так? Не требуется ли разрешение администрации или что-то подобное?

— Нет... а... что?

Бритт-Мари выдохнула — не вздохнула, нет-нет.

— Голубушка, если кто-нибудь захочет, например, застеклить балкон, ему потребуется разрешение. Подозреваю, то же касается и футбольной команды. Разве члены команды имеют право не соблюдать закон только потому, что бегают туда-сюда и гоняют мяч?

— Нет... я только... или, я думаю, пусть их родители подпишут какую-нибудь бумагу, что детям можно играть в команде, — нерешительно предложила девушка.

Бритт-Мари внесла разрешение от родителей в список, серьезно кивнула сама себе и перешла к следующему пункту:

— Ах-ха. Тогда позвольте спросить, с чего начинают тренировку?

— Не знаю.

— Я думала, вы увлекаетесь футболом, — упрекнула ее Бритт-Мари.

— Ну... но я не знаю... начинают тренировку... ну наверное, с переключки? — предположила девушка.

— В каком смысле?

— Нужен список команды. И галочкой отметить, кто пришел.

— Список?

— Да?

— Список тех, кто пришел на тренировку, — произнесла Бритт-Мари, больше самой себе.

— Да? — повторила девушка.

Но Бритт-Мари уже положила трубку.

Может, в футболе она и не понимает, но бог свидетель, никто не умеет составлять списки лучше, чем Бритт-Мари.



Дверь открыл Дино — и расхохотался при виде Бритт-Мари. Бритт-Мари решила, что позвонила не в ту дверь, но оказалось, Дино всегда ужинает у Веги и Омара и смеется не обязательно над ней. Очевидно, в Борге это принято — ужинать у других и смеяться без видимой причины. В прихожую выбежал Омар, наставил палец на Бритт-Мари:

— Разувайтесь, а то Сами будет бухтеть, он только что помыл пол!

— Ничего я не буду бухтеть! — пробухтели из кухни.

— Он всегда бухтит, когда у нас день уборки, — объяснил Омар Бритт-Мари.

— Я бы, может, и не бухтел, если бы день гребаной уборки был У НАС, но в этом доме он бывает только У МЕНЯ. КАЖДЫЙ день! — огрызнулся Сами.

Омар многозначительно посмотрел на Бритт-Мари:

— Вот видите. Бухтит.

В дверях появилась Вега. Девочка согнулась и помахала воображаемой бутылкой, пародируя Личность.

— Да понимаете, Бритт-Мари, Сами — он это, как его? Цитрус в анусе!

Дино и Омар захлебнулись от хохота. Бритт-Мари вежливо закивала, часто-часто — это было самое близкое к хохоту из всего, что она могла себе позволить. Потом сняла сапоги, зашла на кухню и осторожно кивнула Сами. Тот указал на стул.

— Ужин готов, — объявил Сами и снял передник, после чего тут же проорал в прихожую:

— УЖИН ГОТОВ!

Бритт-Мари посмотрела на часы. Уже почти шесть.

— А как же ваши родители? — участливо осведомилась она.

— Их нет дома. — Сами начал раскладывать на столе салфетки.

— Они, конечно, задерживаются на работе, — дружелюбно согласилась Бритт-Мари.

— Мать водит грузовики. За границей. Она не так часто бывает

дома, — коротко объяснил Сами — он уже расставлял тарелки и стаканы.

— А ваш папа?

— Он свалил.

— Свалил? — переспросила Бритт-Мари.

— Свалил. Когда я был маленький. Вега и Омар тогда только-только родились. Он и не выдержал. Так что в этом доме о нем не говорят. Мать нас вырастила. ГРЕБАНЫЙ УЖИН ГОТОВ, ЖИВО СЮДА, ПОКА Я ВАС НЕ ПРИБИЛ НА ХРЕН! — пояснил Сами сначала Бритт-Мари, а потом — ребятам.

Вега, Омар и Дино нога за ногу притащились на кухню и, плюхнувшись за стол, принялись поглощать еду с таким звуком, словно ее бросили в миксер и подали через трубочку.

— Но кто о вас заботится, когда мамы нет дома? — спросила Бритт-Мари.

— Мы сами о себе заботимся, — оскорбился Сами.

— Ах-ха.

Не зная, что тут уместнее сказать, Бритт-Мари достала блок сигарет с иностранными буквами.

— Обычно я приношу в гости цветы, но в Бorge нет цветочного магазина. Я заметила, что вам нравятся сигареты. И предположила, что сигареты — это как цветы для тех, кому нравятся сигареты, — объяснила она, словно оправдываясь.

Растроганный Сами взял блок. Бритт-Мари села на свободный стул и благожелательно откашлялась.

— Вот вы не боитесь рака. Вас, наверное, это радует.

— Есть вещи пострашнее, — улыбнулся Сами.

— Ах-ха. — И Бритт-Мари взяла с тарелки то, что, как она полагала, было такосом.

Омар и Вега говорили одновременно. В основном, насколько Бритт-Мари удалось разобрать, о футболе. Дино почти ничего не говорил, но то и дело смеялся. Над чем, Бритт-Мари не знала. Казалось, Дино и Омару для этого и говорить было не обязательно: посмотрят друг на друга — и ну хохотать. Детей в этом смысле не поймешь.

Сами нацелился в Омара вилкой.

— Сколько раз повторять, Омар? Убери гребаные локти с гребаного стола!

Омар закатил глаза и убрал локти.

— Не понимаю, почему нельзя ставить локти на стол. Какая разница.

Бритт-Мари пристально посмотрела на него и объяснила:

— Есть разница, Омар, потому что мы не животные.

Сами одобрительно взглянул на Бритт-Мари. Омар непонимающе — на них обоих.

— У животных нет локтей, — возразил он.

— Ешь гребаный такос, — посоветовал Сами.

Доев, Омар и Дино встали из-за стола и, хохоча, убежали в другую комнату. Вега поставила свою тарелку на мойку — с таким видом, будто за это ей полагается диплом. Потом и она тоже убежала.

— После еды некоторые говорят «спасибо», — недовольно проворчал Сами им вслед.

— СПАСИБО! — раздался вопль из неведомых глубин квартиры.

Сами с демонстративным стуком поставил посуду в раковину. Посмотрел на Бритт-Мари:

— Ага. Значит, еда была невкусной?

— Прошу прощения?

Сами покачал головой, произнес что-то, то и дело приговаривая «гребаный», себе под нос, подтащил к себе блок сигарет и скрылся на балконе.

Бритт-Мари осталась на кухне одна. Она уже почти уверилась, что ест именно такос. Вкус оказался не настолько странный, как ей представлялось. Она поднялась, перемыла тарелки, убрала остатки ужина в холодильник, вымыла и вытерла приборы, открыла ящик — и замерла над ним, едва дыша. Вилки-ножи-ложки. В правильном порядке.

Сами стоял на балконе и курил, когда на пороге появилась Бритт-Мари.

— Было невероятно вкусно, Сами. Большое спасибо, — произнесла она, крепко держа себя рукой за руку.

Он кивнул:

— Как приятно, когда люди сами говорят, что было вкусно. Когда их не надо сто раз об этом спрашивать, понимаете?

— Да, — ответила Бритт-Мари, потому что это она понимала.

И, почувствовав себя обязанной сказать еще какую-нибудь любезность, добавила:

— У вас очень опрятный ящик для столовых приборов.

Сами пристально посмотрел на нее и широко улыбнулся:

— Вы классная, коуч!

Бритт-Мари кивнула. И, поколебавшись, сказала:

— Ах-ха. Вы тоже... классный. Сами.

Он и отвез их всех на тренировку в своей черной машине. Вега почти всю дорогу с ним пререкалась, при том что в Борге «всю дорогу» — это не особенно долго. Из-за чего сыр-бор, Бритт-Мари толком не поняла, но вроде бы что-то насчет Психа. И денег. Когда оба замолчали, Бритт-Мари почувствовала, что надо менять тему беседы (из-за этого Психа она начинала нервничать, как из-за ядовитых пауков, если говорить о них слишком много).

— А вы тоже команда, Сами? — спросила она. — Вы и те молодые люди, с которыми вы вчера играли?

— Нет, у нас нет... команды. — Вопрос, казалось, удивил Сами.

— Тогда почему вы играете в футбол? — с недоумением спросила Бритт-Мари.

— Что значит «почему»? — с таким же недоумением спросил Сами.

И ни у той ни у другого не нашлось внятного ответа. Машина остановилась. Вега, Омар и Дино вылезли. Бритт-Мари проверила содержимое сумочки, чтобы убедиться, что она ничего не забыла.

— Вы готовы, Бритт-Мари? — Вега словно уже все надоело.

Бритт-Мари очень сосредоточенно кивнула и указала на сумочку.

— Да-да, разумеется, готова. Да будет тебе известно, я уже составила список!

Сами не стал глушить мотор, чтобы фары освещали парковку. Ребята поставили четыре жестянки с газировкой — штанги ворот. Такого волшебное свойство жестянок с газировкой: одним своим существованием они превращают парковку в футбольное поле. Бритт-Мари достала список.

— Вега? — произнесла она громко и отчетливо. Дети тем временем носились вокруг, с разной степенью успешности пиная мяч.

— Чего? — отозвалась Вега. Она стояла прямо перед Бритт-Мари.

— Это значит «я»? — поинтересовалась Бритт-Мари.

— Вы о чем вообще? — не поняла Вега.

Бритт-Мари в высшей степени терпеливо постукивала ручкой по списку.

— Я составила список присутствующих, голубушка. Услышав свое имя на перекличке, человек должен четко ответить «Я!». Так принято.

— Вы же видите, что я здесь! — Вега недовольно сощурилась.

Бритт-Мари благожелательно кивнула:

— Видишь ли, голубушка, если перекличку проводить как попало, то и список не нужен.

— Вот именно! — сказала Вега.
— Вот именно, — согласилась Бритт-Мари.
— Да на фиг список! Мы уже играем! — простонала Вега и ударила по мячу.

— Вега? — произнесла Бритт-Мари.
— Я-А-А-А! Ну что еще?

Бритт-Мари, сосредоточенно кивнув, поставила галочку напротив имени Веги. Прodelав то же самое с остальными детьми, она раздала им написанные от руки бумажки с коротким и очень официальным текстом, двумя аккуратными линейками внизу и словами «Подпись родителей». Бритт-Мари была страшно горда этими бумажками. Она писала их ручкой. Любой, кто знает Бритт-Мари, поразился бы столь выдающемуся прогрессу в области самоконтроля: она решилась писать сразу ручкой! Поистине путешествия меняют человека!

— Подписать должны оба родителя? — спросил Пират, который так аккуратно причесал свои рыжие волосы, что Бритт-Мари стало больно, когда в следующую секунду он получил мячом по голове.

— Извини! Я целился в Вегу! — крикнул Омар.

Между ним и Вегой началась потасовка, потом подключилась остальная команда. Бритт-Мари нарезала круги вокруг кучи-малы, не зная, в какой из мелькающих кулаков сунуть бумажки Веги и Омара. В конце концов она решительным шагом пересекла парковку и вручила их бумажки Сами. Тот сидел на капоте черной машины и пил из штанги. Бритт-Мари отряхнула пыль со всех частей своего тела. Футбол — занятие крайне негигиеничное.

— Вам помочь? — спросил Сами.

— Я не располагаю сведениями, что полагается делать тренеру, когда футболисты дерутся, как бродячие собаки, — призналась Бритт-Мари.

— Дайте им побегать, — усмехнулся Сами.

— В каком смысле? — не поняла Бритт-Мари.

— Дурочка, — произнес Сами.

— Вот уж кем я ни в коей мере не являюсь! — возмутилась Бритт-Мари, хотя чувствовала себя именно ею.

Сами засмеялся. Над ней или нет — понять было непросто.

— Да нет, это упражнение такое. Называется «Дурочка»^[1]. Я покажу.

Он соскользнул с капота и двинулся к багажнику. Бритт-Мари шла следом. Она вложила руку в руку и спросила — без малейшего укора:

— Разрешите узнать, почему вы сами не тренируете этих детей, если так разбираетесь в футболе?

Сами достал из багажника с полдюжета банок газировки. Протянул одну из них Бритт-Мари со словами:

— Времени нет.

— Возможно, вы были бы чуть свободнее, если бы не посвящали столько времени покупке газированной воды, — заметила Бритт-Мари.

Сами снова рассмеялся:

— Да ну, коуч, вы же понимаете, что муниципалы не допустят к подростковой команде человека с моей уголовной историей.

Словно это пустяки.

Бритт-Мари покрепче вцепилась в сумочку. Не потому, что осуждает людей, ни в коем случае, а просто в Бorge очень сильный ветер. И только по этой причине.

«Дурочка», как это упражнение понимают в Бorge, заключается в том, что с полдюжета банок газировки выставляют в ряд, с интервалом в несколько метров. Дети выстраиваются у забора между досуговым центром и пиццерией, со всех ног бегут к первой банке, со всех ног — назад к забору, потом со всех ног ко второй банке, которая чуть дальше, потом — со всех ног назад к забору. Потом к третьей банке, назад и так далее.

— Сколько времени они должны бегать? — спросила Бритт-Мари.

— Сколько хотите, — ответил Сами.

— Столько я их гонять ни за что не смогу!

— Вы теперь тренер. Если они не будут вас слушаться, их не допустят до соревнований.

Бритт-Мари это показалось не слишком резонным, однако объяснить подробнее Сами не успел: у него зазвонил телефон.

— Как, вы сказали, называется упражнение? — на всякий случай переспросила Бритт-Мари.

— «Дурочка»! — ответил Сами и сказал в телефон «да», как говорят «да» в телефон, когда оно не утверждение и не вопрос.

Бритт-Мари надолго задумалась и наконец произнесла:

— Хорошее название и для упражнения, и для того, кто его придумал.

В этот момент Сами уже шел к машине, прижав к уху телефон, так что слов Бритт-Мари он не услышал. Да и никто их не услышал. Даже сама Бритт-Мари, если честно, расслышала их не слишком хорошо. Дети бегали между банками, а Бритт-Мари стояла рядом, чувствуя, как внутри пузырится счастье, и повторяла себе под нос: «хорошее название и для упражнения, и для того, кто его придумал» — тихо-претихо. Снова и снова.

Она уже сама не очень помнила, когда шутила в последний раз.



В защиту ребят скажем: они не нарочно. Или нет — нарочно, конечно; просто, скажем так, никто не думал, что Жабрик попадет. Они же никогда не попадают, когда целятся. Особенно Жабрик, самый юный и худший игрок в этой и без того сравнительно худшей футбольной команде. И тут совершенно случайно Банк, в настроении еще более скверном, чем обычно, идет со своей белой собакой через парковку, прямо в разгар тренировки. Омар видел, как она заходит в пиццерию, или продуктовый магазин, или автомастерскую, или что оно там, а потом выходит с одним пакетом, в котором, судя по виду, шоколад, и другим пакетом, в котором, судя по звуку, пиво. Омар толкнул Жабрика локтем в бок:

— Как думаешь, у нее есть суперспособности?

Жабрик в ответ издал звук, какой издают дети с полным ртом содержимого штанги. Поэтому Омар пустился жестикулировать перед Бритт-Мари — ему показалось, что это более благодарная аудитория, но он явно просчитался.

— Ну знаете, блин, в кино у слепых типа суперспособности! Как у Сорвиголовы!

— Мне неизвестно, кто это, — уведомила его Бритт-Мари со всей любезностью, какая только возможна, когда люди говорят подобные глупости.

Банк брела через парковку с палкой в руке, позади нее плелась белая собака. Омар с воодушевлением указал на нее:

— Сорвиголова! Супергерой! Он слепой! Зато у него суперспособности. А у нее, по-вашему, есть? Чтобы она типа не видела, но почувствовала, что ей хотят попасть мячом по голове?

— Позволь тебя уведомить, что она не слепая. У нее ослабленное зрение, — сказала Бритт-Мари и тотчас почувствовала себя обязанной отметить: — Но я не из тех, кто переливает из пустого в порожнее. Вовсе нет.

В защиту Жабрика скажем: это была не его идея. Просто волей случая

мяч в этот момент оказался у него. И Омар, который уже давно перестал слушать Бритт-Мари, обернулся и крикнул:

— Давай, Жаб!

Удачной эта мысль Жабрику явно не показалась. Но тут Омар произнес волшебные слова, отключающие самоконтроль у любого ребенка на всем земном шаре:

— Слабо, ага?!

В защиту Жабрика скажем: он не верил, что попадет. Да и никто от него этого не ждал.

Больше всех поражена была Банк.

— ЧТО ЗА... — гаркнула она, поднимаясь на ноги; ее лицо покрывал слой жидкой грязи.

Дети замерли разинув рты. Как обычно. Потом Омар захихикал. За ним — Вега. Разъяренная Банк устремилась к детям, палкой рассекая воздух.

— ЭТО, ПО-ВАШЕМУ, СМЕШНО? ЗАСРАНЦЫ!

Бритт-Мари откашлялась и протянула ей руку.

— Прошу вас... Банк, он не нарочно, конечно, он не целился в вас, ни в коем случае. Это несчастный случай.

— НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ! НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ, АГА! — надсаживалась Банк. Хотя это были немного не те слова, которые она собиралась сказать.

— Как это не нарочно? Он же прицелился! — самоуверенно выкрикнул Омар, однако в следующий миг его уверенность поколебалась, судя по тому, что он поспешно укрылся за спиной Бритт-Мари от рыскающей палки Банк.

— Это правда? — озадаченно спросила Жабрика Бритт-Мари.

— КТО ЭТО СДЕЛАЛ?! — вопила Банк, и все ее лицо пульсировало, словно одна толстая вена, вытянувшаяся прямо из шеи.

Жабрик зачарованно кивнул и попятился. Бритт-Мари восторженно сцепила руки, не зная толком, как себя вести.

— Но... но это же великолепно! — выговорила она.

— ТЫ ЧТО НЕСЕШЬ, СТАРАЯ ДУРА?

Здравый смысл внутри Бритт-Мари попытался пригасить ее восторг, но без успеха — Бритт-Мари, наклонившись, радостно прошептала:

— Видите ли, обычно они целятся, но не попадают. Для них это огромное достижение!

Банк смотрела на Бритт-Мари. Во всяком случае, так казалось: за

темными очками точно не разберешь. Бритт-Мари нерешительно сглотнула.

— Достижение, конечно, не в том смысле, что мяч достиг... вас. Разумеется, я совсем не это имела в виду. Но они достигли цели, к которой стремились... в которую целились.

Банк покинула парковку в облаке худших слов, когда-либо слышанных Бритт-Мари. Бритт-Мари даже вообразить не могла подобных комбинаций из названий половых органов и прочих частей тела. В кроссвордах таких сочетаний не встречается.

Парковка погрузилась в задумчивое молчание. Которое, естественно, нарушил голос Личности:

— Я же говорила, у нее лимон. В жопе.

Личность сидела в дверях пиццерии и ухмылялась вслед Банк. Бритт-Мари стряхнула с юбки пылинку.

— Ни в коем случае не хочу утверждать, что вы ошибаетесь. Но я убеждена, что в данном случае ее проблемы проистекают не от лимона в заднице, а от мяча в голову.

Все засмеялись. И Бритт-Мари на них не обиделась. Это было новое ощущение.

Из пиццерии, неся коробку с пиццей, вышел мальчик в куртке с надписью «Хоккей». Спohватившись, что не сумел скрыть интереса к тренировке, он хотел было уйти, но Вега уже заметила его.

— Ты что здесь делаешь? — рявкнула она.

— Пиццу купил. — Мальчик, кажется, уже раскаивался.

— В городе что, пиццы нету?

— Мне нравится здешняя.

Вега сжала кулаки, но промолчала. Мальчик протиснулся мимо Личности и побежал к дороге. В сотне метров от парковки стояла БМВ с включенным мотором.

Личность повернулась к Веге, скорчила рожу:

— Ты его с папашей не путай. Бывает, папаша свинтус, а парень нормалек. Странно, что ты этого не понимаешь.

У Веги от этих слов будто зубы разболелись. Она отвернулась и с такой силой наподдала по мячу, что он исчез за забором, в темноте, куда не добивали фары.

Личность подкатилась к Бритт-Мари, кивнула на пиццерию:

— Пошли! Дело есть!

Жабрик к этому времени опустошил уже все штанги ворот, а Вега успела затеять новый громогласный спор с Сами — Бритт-Мари разобрала только «Псих» и «денег должен»; все это она истолковала в том смысле, что тренировка окончена. Она не знала, что положено делать в таком случае, — дать свисток или вроде того, — решила не делать ничего. Главным образом по причине отсутствия свистка.

В пиццерии Личность достала из-под прилавка бумажку и пригоршню монет.

— Вот. Сдача и чек.

Она протянула Бритт-Мари и то и другое и жестом указала на нижний край двери, под которую Бритт-Мари подсунула деньги накануне вечером.

— В следующий раз, знаешь, можешь это, как его? Зайти! — ухмыльнулась Личность.

Бритт-Мари не знала, что ответить, и Личность прибавила:

— Ты оставила слишком много денег за сигареты, Бритт-Мари. Ты это, как его? Или считаешь хреново, или слишком щедрая. Я так решила: Бритт-Мари — щедрая, ну. Не как этот Фредрик, он, знаешь, такой жадный, что дерьма не отдаст задарма. — И она радостно закивала.

Бритт-Мари несколько раз выдохнула «ах-ха». Аккуратно сложила чек, сунула в сумочку. Взяла сдачу, ссыпала в вазочку. Личность прокатилась на полколеса вперед, откатилась на полколеса назад:

— Знаешь, оно красивше стало. Красивше, когда ты... прибралась. Спасибо!

— У меня не было намерения переложить ваше имущество так, чтобы вы не смогли его найти, — проговорила Бритт-Мари в сумочку.

Личность почесала подбородок.

— Приборы, ну. Вилки, ножи, ложки. В таком порядке. Я могу это, как его? Привыкнуть!

Бритт-Мари прикусила щеки. Пошла к двери. Уже у порога она остановилась, собралась с духом и сказала:

— Я только хотела довести до твоего сведения, что тебе не обязательно надрываться и спешить с ремонтом моего автомобиля.

Личность взглянула в открытую дверь на детей и футбольную площадку. Кивнула. Бритт-Мари тоже кивнула. Она уже не очень помнила, когда у нее раньше бывали подруги.

Дети оставили грязные футболки в молодежном центре, хотя Бритт-Мари не вызывалась их стирать. Все уже покинули парковку и разошлись по домам, когда Бритт-Мари, высушив футболки в сушилке, сложила их

опрятной стопкой для завтрашней тренировки. Борг совсем обезлюдел, если не считать одинокого силуэта на автобусной остановке у дороги. Бритт-Мари даже не знала, что тут есть автобусная остановка, но остановка была, и кто-то ждал там под фонарем. Она не сразу поняла, что это Пират, хотя до него было рукой подать. Рыжие волосы всклокочены и перепачканы, мальчик стоял неподвижно, словно старался ее не замечать. Благоразумие убеждало Бритт-Мари уйти. Но все-таки она сказала:

— У меня сложилось впечатление, что ты живешь в Борге.

В руке у Пирата была бумажка из тех, которые Бритт-Мари раздала в начале тренировки.

— Тут сказано — подпись родителей. Так что мне надо съездить к папе, попросить, чтобы подписал.

Бритт-Мари кивнула.

— Ах-ха. Тогда хорошего вечера. — Она сделала шаг в темноту.

— Вы не съездите со мной? — крикнул Пират ей вслед.

Бритт-Мари обернулась, словно он совсем спятил. Бумажку у него в руке сплошь покрывали пятна пота.

— Я... это... подумал — хорошо бы, если бы вы съездили туда со мной, — выговорил он.

Совершенное безумие. Бритт-Мари постаралась донести эту мысль до мальчика, пока они ехали в автобусе.

Поездка, длившаяся почти час, завершилась перед огромным белым зданием. Бритт-Мари так крепко сжала сумочку, что пальцы свело. Она все-таки цивилизованный человек и живет как положено.

А цивилизованные люди, которые живут как положено, тюрем обычно не посещают.



«Проклятые бандиты», — говорил Кент, возлагая на них ответственность за все. За уличную преступность, за высокие налоги, за карманные кражи, за надписи в общественных туалетах, за чартерные гостиницы, где все шезлонги оказывались заняты, когда Кент спускался к бассейну, — всему этому причиной были «бандиты». А что, удобно — всегда есть кому предъявить претензии, но при этом — никому конкретно.

Бритт-Мари так и не смогла понять, чего ему не хватает. Когда же он будет доволен. Сколько денег ему нужно — много? Или все вообще? Подростками Давид и Пернилла подарили ему кофейную кружку с надписью «Скупи всё и умри чемпионом!»^[2]. Они-то считали это «иронией», а Кент сделал жизненным девизом. У него всегда был какой-нибудь план, всегда за углом поджидал какой-нибудь «чертовский куш». Его бизнес с Германией мог расшириться, квартира, которая им досталась от родителей Бритт-Мари, могла наконец стать их собственностью, и тогда ее можно было бы продать, — всегда имелось что-нибудь на подходе. Надо просто подождать каких-то несколько месяцев. Каких-то несколько лет. Они поженились, потому что аудитор Кента сказал, что это «поможет оптимизировать налоги». У Бритт-Мари никаких планов не было, она полагала, что достаточно любить и хранить верность. До того самого дня, когда все закончилось.

«Проклятые бандиты», — сказал бы Кент, если бы сидел с Бритт-Мари этим вечером в тюрьме, в тесной приемной. «Высадить всю шайку-лейку на необитаемом острове, дать каждому по пистолету — и санация произойдет сама собой», — так он говорил о преступниках. Бритт-Мари не нравилось, когда он так говорит, она считала, что санация — это про ванную и кухонные поверхности, но она никогда ничего не говорила. Сейчас, думая об этом, она пыталась припомнить, говорила ли она в последнее время вообще что-нибудь — до того самого дня, как оставила Кента, не сказав ни слова. Поэтому виноватой всякий раз выглядела она.

Интересно, что он сейчас делает? Как себя чувствует, чистые ли у него рубашки? Принимает ли он лекарства? Может, ищет что-нибудь в кухонных ящиках и зовет ее — а потом вспоминает, что ее в их квартире больше нет. Наверное, сейчас он с той, молодой и красивой, которая любит пиццу. Что бы сказал Кент, узнай он, что Бритт-Мари тем временем сидит в приемной тюрьмы для бандитов. Встревожился бы? Стал бы шутить на ее счет? Стал бы касаться ее, шептать «все будет хорошо», как шептал в те дни, когда она только-только похоронила маму?

Они тогда были совсем другими. Бритт-Мари не знала, кто изменился первым — она или Кент. И сколько в этом ее вины. Она готова была признать, что вся вина — только ее, лишь бы ей дали вернуться в привычную жизнь.

Пират сел рядом с ней, взял ее за руку. Бритт-Мари в ответ тоже взяла его за руку.

— Не говорите маме, что мы сюда ездили, — прошептал Пират.

— Где она?

— В больнице.

— С ней произошел несчастный случай? — выдохнула Бритт-Мари.

— Нет, нет, она там работает, — ответил Пират и добавил, словно ссылаясь на некий закон природы: — Все мамы в Борге работают в больнице.

Бритт-Мари не знала, что на это отвечать. Поэтому она спросила:

— Почему тебя зовут Пиратом?

— Потому что папа уклонялся от налогов, — ответил Бен.

Больше Бритт-Мари никогда не назовет его Пиратом.

Толстая металлическая дверь открылась; на пороге стоял Свен, с красным носом, потный, с полицейской фуражкой в руках.

— Мама сильно бесится? — тут же вздохнул Бен.

Свен медленно покачал головой. Положил руку мальчику на плечо. Встретился глазами с Бритт-Мари.

— Мама Бена работает в ночную смену. Ей позвонили отсюда, она позвонила мне. Вот я и примчался.

Бритт-Мари захотелось обнять его, но она сохранила благоразумие. Надзиратели не разрешили Бену встретиться с отцом, потому что время посещения уже закончилось, однако Свен уговорил их отнести бумажку в здание тюрьмы. Надзиратели вернулись с подписанной справкой, с припиской: «Люблю тебя, сынок!» На обратном пути Бен так сжимал бумажку, что, когда они добрались до Борга, буквы уже почти не читались.

Молчали все — и Бен, и Бритт-Мари, и Свен. Да и что скажешь подростку, который не может повидаться с родным отцом без разрешения посторонних в форме? Но когда они высадили Бена у его дома и навстречу мальчику выбежала мама, Бритт-Мари показалось уместным сказать что-нибудь ободряющее, и она произнесла:

— Должна сказать, Бен, что там невероятно чисто. Мне всегда казалось, что в тюрьмах очень грязно, но в этой, кажется, соблюдают гигиену. Хотя бы это радует.

Сложив бумажку с отцовской подписью, Бен протянул ее Бритт-Мари, не поднимая глаз.

— Оставь у себя, — тут же сказал Свен.

Бен кивнул, улыбнулся и еще крепче сжал бумажку в руке.

— Завтра будет тренировка? — едва слышно выговорил он.

Бритт-Мари тотчас принялась шарить в сумочке в поисках списка, а Свен спокойно пообещал:

— Конечно, будет, Бен. В обычное время.

Бен покосился на Бритт-Мари. Та согласно кивнула. Бен слабо улыбнулся, помахал ей — и утонул в маминых объятиях. Свен помахал женщине, но она уже прижалась лицом к рыжей шевелюре и что-то шептала в волосы своего мальчика.

Свен медленно вел машину через Борг. Неловко покашливая — как человек с нечистой совестью.

— Им пришлось нелегко — ей и Бену. Чтобы их не выгнали из дома, ей приходится работать в три смены. Бен — отличный парень, и отец у него неплохой человек. Да-да-да, я знаю, что он поступил нехорошо, что мошенничество с налогами — это преступление. Но он был в отчаянии. Из-за финансового кризиса хорошие люди могут прийти в отчаяние, а отчаяние толкает людей на глупости...

Он замолчал. Бритт-Мари не стала говорить, что финансовый кризис миновал. У нее имелись основания полагать, что сейчас это неуместно.

В машине было прибрано, коробки из-под пиццы Свен выбросил. На асфальтовой площадке у обочины Сами, Псих и их дружки снова играли в футбол.

— Отец Бена не такой, как эти. Я только хочу, чтобы вы поняли: он не преступник. Не такой, как эти ребята... — продолжил Свен.

— Сами тоже не такой, как эти ребята! — возмутилась Бритт-Мари и, не утерпев, добавила: — Сами — не бандит, у него в ящике для приборов идеальный порядок!

Свен вдруг рассмеялся — глухим журчащим смехом, словно кто-то

вдали развел костер, чтобы согреть руки.

— Нет-нет, с ним-то порядок, с Сами. Ну да, ну да. Он просто связался с плохой компанией...

— У Веги, кажется, сложилось впечатление, что он должен кому-то денег, — заметила Бритт-Мари.

— Не Сами. Псих. Псих всегда кому-нибудь должен. — И журчащий смех погас, иссяк, ушел в никуда.

Полицейская машина замедлила ход. Парни, игравшие в футбол, ее видели, но едва удостоили внимания. Это было унижительно: они как бы демонстрировали, что не боятся полиции и не принимают ее всерьез. Свен прикрыл глаза.

— Сами в детстве тоже пришлось несладко. Скажу вам, этой семье выпало больше несчастий, чем положено по справедливости — если где-то ведется такой учет, кому сколько положено. Он теперь Веге и Омару и за мать, и за отца, и за старшего брата. Ему и двадцати-то нет, а тут такая ответственность!

Бритт-Мари и хотелось бы спросить, что значит «и за мать, и за отца», но благоразумие заставило ее промолчать. Она ведь не из тех, кто вмешивается в чужие дела. Свен заговорил снова:

— Псих — его лучший друг. С тех пор, как они научились гонять мяч. Из Сами мог выйти толк, все видели, что у него талант, но ему в жизни слишком солоно пришлось.

— В каком смысле? — переспросила Бритт-Мари чуточку обиженно: Свен рассказывал таким тоном, будто она сама должна обо всем догадаться. Свен неловко поднял ладонь.

— Простите, я... размышлял вслух. Они, они — как объяснить? Мама Сами, Веги и Омара всегда старалась как могла, но их отец — он... он не был хорошим человеком, Бритт-Мари. Когда он возвращался домой и на него находило, слышно было на весь Борг. Тогда Сами — он тогда только-только в школу пошел — хватал на руки брата с сестрой и убегал. Псих встречал их за дверью, каждый раз. Псих сажал себе на спину Омара, Сами — Вегу, и таким манером они удирали в лес. Пока отец не проспится. Каждый божий вечер, пока отец наконец в один прекрасный день не убрался отсюда. А потом с их матерью произошло это вот... когда...

Свен осекся, как человек, сообразивший, что снова начал размышлять вслух. Он не пытался скрывать, что что-то скрывает, но Бритт-Мари больше не переспрашивала. Свен потер бровь тыльной стороной руки.

— Псих вырос и стал опасным сумасшедшим. Сами это знает, но Сами не из тех, кто бросит того, кто таскал на спине его младшего брата. В

местах вроде Борга человек не может позволить себе такую роскошь — выбирать друзей.

Полицейская машина медленно катилась по дороге. Матч на асфальтовой площадке продолжался. Псих забил гол, заревел во всю глотку и, сорвавшись с места, понесся вокруг площадки, раскинув руки, словно крылья самолета. Сами согнулся от хохота, уперев руки в колени. Оба были счастливы. Бритт-Мари не знала, что тут сказать. Что думать. Она никогда не встречала бандитов с идеальным порядком в ящике для столовых приборов.

Свен смотрел куда-то в темноту, куда не добивали фары.

— Мы тут, в Борге, делаем что можем. Всегда делали. Но в этих мальчишках горит огонь, и рано или поздно он сожжет или их, или все вокруг них.

— Как поэтично, — заметила Бритт-Мари.

— Я ходил на курсы, — признался Свен.

Бритт-Мари уставилась в сумочку. И с ужасом услышала собственные слова:

— А у тебя есть дети?

Свен покачал головой. Посмотрел в окно — как человек, у которого своих детей нет, зато есть их полный поселок.

— Я был женат, но... а, ладно. Она, ну... ей не нравился Борг. Она говорила, что в такие места приезжают умирать, а не жить.

Он попытался улыбнуться. Бритт-Мари жалела, что у нее сейчас нет бамбуковой занавески. Свен кусал губы. У поворота к дому Банк он как будто заколебался, потом собрался с духом и произнес:

— Если тебя это не затруднит, то есть... в общем. Я хотел бы тебе кое-что показать.

— Ах-ха? — переспросила Бритт-Мари.

Но возражать не возразила. Свен едва заметно улыбнулся. Бритт-Мари тоже улыбнулась, хотя ее улыбки вообще не было заметно.

Свен повел машину через весь Борг. Свернул на грунтовую дорогу. Они ехали целую вечность, а когда наконец остановились, то не верилось, что совсем недавно они находились среди городских домов. Машину окружали деревья, а тишина была такая, какая бывает только там, где нет людей.

— Это, ну... а, ладно. Глупо, конечно, но это мое самое любимое место на земле... — пробормотал Свен.

Он покраснел. Казалось, ему хочется развернуться и побыстрее уехать отсюда и никогда больше не вспоминать об этой минуте. Но Бритт-Мари

открыла дверь и вышла.

...Они стояли на скале над озером, окруженные лесом. Бритт-Мари глянула за край скалы, и у нее засосало под ложечкой. Небо было ясное, все в звездах. Свен тоже открыл дверь, кашлянул за спиной у Бритт-Мари и прошептал:

— Я... Глупо как-то, но я хотел, чтобы ты увидела: Борг тоже может быть красивым.

Бритт-Мари закрыла глаза. Ощутила, как ветер ерошит ей волосы.

— Спасибо, — шепнула она в ответ.

На обратном пути оба молчали. У дома Банк Свен вышел из машины, обежал ее и распахнул дверь перед Бритт-Мари. Потом открыл заднюю дверь, поискал что-то на сиденье и вернулся с захватанной пластиковой папкой.

— Это... а, ладно. Это просто... ну вот, — выговорил он.

В папке был карандашный рисунок. Молодежный центр и пиццерия, а между ними дети играют в футбол. А посреди рисунка — Бритт-Мари. Бритт-Мари как-то слишком вцепилась в него, Свен как-то слишком торопливо снял фуражку.

— Это, ну, довольно глупо, ну да, ну да, но я подумал — в городе есть ресторан...

Не получив немедленного ответа, Свен торопливо прибавил:

— Я хочу сказать — настоящий ресторан! Не как здешняя пиццерия, — настоящий. С белыми скатертями. И столовыми приборами.

Бритт-Мари не вдруг сообразила, что он пытался выдать неловкость за шутку, а не наоборот. Но так как она не выказала этого понимания сразу, Свен развел руками, извиняясь:

— Не то чтобы со здешней пиццерией что-то не так, нет-нет, но...

Теперь он держал фуражку обеими руками и был похож на гораздо более молодого мужчину, который хочет задать некий особенный вопрос гораздо более молодой женщине. Очень многое в Бритт-Мари искренне хотело знать, что же это за вопрос. Но тут благоразумие, разумеется, толкнуло ее в прихожую и закрыло дверь.

Всему есть границы, даже за гранью добра и зла.



«Другая женщина» — так это называется, но Бритт-Мари все равно не смогла именовать другую женщину Кента «другой». Может быть, потому, что «другой» считала себя. Конечно, домой Кент вернулся уже разведенный (Бритт-Мари тогда, целую жизнь назад, похоронила мать), но его детям так не казалось. Детям никогда так не кажется. Для Давида и Перниллы Бритт-Мари так и осталась другой женщиной, сколько бы она ни прочитала им сказок и сколько ни приготовила обедов. А в каком-то смысле она осталась другой и для Кента. Наверное, в этом все дело: сколько бы рубашек ни выстирала Бритт-Мари, она все равно не чувствовала себя по-настоящему первой женщиной.

Она сидела на балконе и смотрела, как в Борг вползает утро. Обычное январское утро — темнота отступила, но солнце, казалось, так и не встанет. В руках Бритт-Мари все еще держала рисунок Свена. Рисовальщик он тот еще, и будь Бритт-Мари настроена осуждать, она могла бы высказаться по поводу размазанных линий и кривых силуэтов: неужели он так ее видит? Но он, по крайней мере, ее видит, а этому трудно противиться.

Бритт-Мари взяла телефон и набрала номер службы занятости. Ответил радостный голос девушки, и Бритт-Мари догадалась, что это автоответчик. Сначала она думала положить трубку, потому что оставлять сообщения на автоответчике уместно, только если ты попал в больницу или сбываешь наркотики. Но по какой-то причине Бритт-Мари этого не сделала; после сигнала она выдержала паузу, а потом объявила:

— Это Бритт-Мари. Вчера один мальчик из нашей футбольной команды попал туда, куда целился. Мне показалось, что вам, возможно, было бы интересно об этом узнать.

И нажала «отбой». Глупо. Разумеется, девушку из службы занятости это не интересует. Будь здесь Кент, он бы только посмеялся над Бритт-Мари.

Когда Бритт-Мари спустилась, Банк сидела на кухне и ела суп. Собака ждала, сидя у стола. Бритт-Мари остановилась в прихожей, глядя на суповую тарелку. Она не понимала, откуда взялся этот суп — кастрюли она не видела, а микроволновки на кухне нет. Банк шумно хлебала.

— Хотите сказать что-нибудь или никогда раньше не видели, как слепые едят суп? — спросила она, не поднимая головы, словно узнала дыхание Бритт-Мари.

— У меня создалось впечатление, что речь шла об ослабленном зрении, — заметила Бритт-Мари.

В ответ Банк шумно втянула в себя суп.

Бритт-Мари прижала ладони к юбке.

— Я вижу, вы увлекаетесь футболом. — Она кивнула на фотографии на стенах, и ей тут же стало стыдно за этот кивок: она стоит далеко, и на таком расстоянии Банк все же скорее слепа, чем плохо видит.

— Нет.

Бритт-Мари сцепила руки на животе и перевела взгляд на ряды фотографий на стенах: на каждой — Банк, ее отец, и не меньше одного футбольного мяча.

— Я стала якобы тренером в якобы команде, — уведомила ее Бритт-Мари.

— Я слышала, — ответила Банк.

Она снова принялась хлебать суп, не поднимая головы. А Бритт-Мари стала смахивать невидимую пыль. Со всего понемножку.

— Ах-ха. Я во всяком случае обратила внимание на все эти фотографии и с учетом вашего выдающегося опыта хотела бы попросить у вас совета.

Банк с хлюпаньем втянула в себя последнюю ложку супа. Положила ложку в тарелку. Отнесла в посудомойку.

Бритт-Мари пришлось призвать на помощь всю существующую в природе выдержку, чтобы не поинтересоваться, почему Банк ела суп холодным.

— Совета? Насчет чего? — буркнула Банк.

— Насчет футбола.

Бритт-Мари не видела, закатили ли Банк глаза, но вполне это допускала. Ведя палкой по стенам, Банк шла за собакой в гостиную.

— Где фотографии, о которых вы говорите? — спросила она.

— Повыше, — заботливо подсказала Бритт-Мари.

Палка Банк со стуком коснулась стекла фотографии, на которой более юная версия Банк стояла в такой грязной футболке, что даже сода вряд ли

смогла бы исправить положение. Банк наклонилась к рамке так, что почти коснулась стекла носом, после чего принялась обходить комнату по кругу, систематически постукивая палкой по всем фотографиям, словно запоминала их расположение.

Бритт-Мари стояла в прихожей и ждала, пока это было прилично. Наконец это перестало казаться приличным. Тогда она надела пальто и открыла дверь. В этот момент Банк проворчала ей в спину:

— Хотите хороший совет? Эта команда играть не может. Что бы вы ни делали — все будет зря.

Бритт-Мари еле слышно выговорила «ах-ха» и вышла. Древние старушечки в саду по ту сторону улицы сердито глазели на нее, опираясь на ходунки. Грузовик с иностранными номерами окатил ее жидкой грязью из лужи на дороге. Бритт-Мари попыталась счистить грязь с юбки ладонью, но в результате только перепачкала руку, что для Бритт-Мари оказалось, правду сказать, немного чересчур. Будь она из тех, кто вопит и швыряется предметами, она бы, не исключено, сделала именно это, но она не из таких, потому что она не животное, так что Бритт-Мари ограничилась тем, что скрылась из поля зрения старух. Убедившись, что ее не видят, она со сдержанной яростью несколько раз топнула ногой. В результате грязи на юбке — еще больше, а Бритт-Мари поскользнулась на бордюре и подвернула ногу.

Бритт-Мари ковыляла через весь Борг, глубоко обеспокоенная тем, что люди заметят грязь и хромоту и подумают, что она упала. Это было бы чрезвычайно досадно. Еще решат, что она не в состоянии встать с кровати, не растянувшись во весь рост.

В молодежном центре Бритт-Мари заперлась в прачечной и сидела на табуретке, пока стиральная машина крутила ее юбку. Потом оделась и, уложив волосы, долго стояла на кухне, рассматривая пострадавшую от выброса гравия кофеварку. Решительно выдохнула и направилась через парковку к пиццерии.

— Чего еще? — простонала Личность, открывая дверь; на месте глаз у нее краснели щечки.

— Нет ли у тебя в продаже отвертки? — поинтересовалась Бритт-Мари.

— Отвертки? Да. Можешь взять, — вздохнула Личность и укатилась назад в пиццерию, или продовольственный магазин, или что там оно, жестом пригласив Бритт-Мари следовать за ней.

— Я бы предпочла купить, — сообщила Бритт-Мари.

— Да елки, Бритт-Мари, ты какая-то это, как его? Упертая! Взять, купить — какая разница?

— Для меня есть разница. Человек с долгами — несвободный человек, — сказала Бритт-Мари, потому что так говаривал ее отец.

Он умер богатым. И кому какая от этого теперь польза?

— Да елки, Бритт-Мари, финансовый кризис, сама знаешь. Все в долгах. И никто не знает, кто кому должен. У правительства это, как его? Госдолг! Тыща двести миллиардов! Все правительства в долгах. Все люди в долгах. И никто не знает, кто кому должен. Найти бы того черта, у которого все деньги и, знаешь, вытащить из него лимон! — выкрикнула Личность, отчего, кажется, проснулась.

И показала, из какой именно части тела следует извлечь лимон. Бритт-Мари старалась не обращать внимания. Личность покатила по направлению к ящикам с инструментами.

— Как футбол? — спросила она.

— Трудно сказать.

— Что, плохо? Да ты тут ни при чем. Эти огольцы в стенку с дивана не попадут!

— Между прочим, вчера Жабрик попал Банк по голове. Нарочно. Мы все так воодушевились! — сообщила Бритт-Мари и сама поразилась, до чего у нее обиженный голос.

Личность хрипло рассмеялась, взяла отвертку, протянула Бритт-Мари:

— Держи. В долг.

— Я не хочу быть замешанной в преступлении, — отказалась от отвертки Бритт-Мари, потому что не знала, что известно налоговому ведомству о данной конкретной отвертке.

Личность продолжала настойчиво тыкать отверткой, когда вдруг ее посетила идея, из тех, что посещают людей, у которых уже однажды одалживали дрель. Личность осторожно поинтересовалась:

— Погоди... отвертка. Она тебе... зачем?

— У меня создалось впечатление, что для сборки мебели из «Икеи» требуется отвертка. — Бритт-Мари откашлялась и неохотно добавила: — Кроме того, мне понадобится помощь, чтобы достать упаковку из машины. Если это тебя не слишком затруднит.

У Личности дрогнул уголок рта.

— Не затруднит, Бритт-Мари. Меня это совершенно не затруднит.

В тот день Бритт-Мари собирала икейскую мебель. Почти самостоятельно. Отвертка не потребовалась, но работа заняла без малого десять часов, потому что на самом деле в упаковке оказалось три предмета:

стол и два стула. Для балкона. Бритт-Мари оттащила их в угол, постелила на стол бумажное полотенце и в одиночестве съела за ним пиццу, испеченную для нее Личностью. Это был знаменательный день в жизни Бритт-Мари, даже при том, что после приезда в Борг все дни стали для нее знаменательными.

Свен ужинал за другим столом, но кофе они пили вместе. Оба молчали. Просто привыкали к присутствию друг друга. Как люди, уже забывшие, как ощущать физическое присутствие другого человека. Ощущать, не прикасаясь физически.

Явился Карл — за посылкой, сел пить кофе с мужчинами в кепках и бородах за угловым столиком. Все они как будто нарочно не обращали внимания на Бритт-Мари, словно надеясь, что она испарится. Вошла Вега с футбольным мячом под мышкой — настолько грязная, насколько может перемазаться только ребенок по пути от машины старшего брата до двери пиццерии. Явившийся следом Омар заметил свежесобранную мебель и тут же в порыве восторга попытался продать Бритт-Мари масло для пропитки дерева. Оно падает с грузовиков чаще, чем можно подумать, это масло.

Свен встал. Бритт-Мари пора было на тренировку, Свен молчал, держа фуражку в руках. Бритт-Мари прибавила шагу, чтобы он не успел ничего сказать.

За дверью оказалась мама Бена. В медицинском костюме, с пакетом в руках и очень решительная.

— Здравствуйте, Бритт-Мари. Мы не встречались, но я мама Бена...

— Я знаю, кто вы, — сообщила Бритт-Мари и насторожилась, словно ждала, что очередной грузовик забрызгает ее грязью.

— Я только хотела вас поблагодарить за то, что вы, ну... Что вы разглядели Бена. Мало кто из взрослых его замечает. — И мама Бена протянула ей пакет.

«Факсин». Бритт-Мари онемела. Мама Бена застенчиво откашлялась.

— Надеюсь, это не выглядит так уж глупо, Бен спросил Омара, что вы любите, и Омар сказал, что вы любите вот это. Я купила ее очень дешево, всего сто крон, Омар продал нам по цене для постоянных покупателей, так что... Да, мы с Беном — мы хотели вас поблагодарить. За все.

Бритт-Мари приняла флакон, словно драгоценную вазу. Мама Бена шагнула было прочь, но остановилась.

— Мы хотим, чтобы вы знали, Бритт-Мари: есть и другой Борг, не только тот, где мужики дни напролет бухают в пиццерии. Есть еще и мы, другие.

Бритт-Мари медленно кивнула.

— Те, кто не опустил руки. — Мама Бена отвернулась, договаривая последние слова, села в маленькую машину и уехала.

Бен погнался за футбольным мячом. Началась тренировка; Бритт-Мари провела переключку, и дети побежали «дурочку», потому что именно это стояло в списке Бритт-Мари сразу после «Переключки». Они пожаловались один-единственный раз, это была Вега, спросившая, может, хватит бегать, на что Бритт-Мари ответила, что, разумеется, хватит, и тогда Вега возмутилась и крикнула, что, если тренер и дальше будет давать им поблажки, эта команда никогда ничего не добьется!

Дети сами не знают, что им нужно, — это же очевидно. И Бритт-Мари внесла в список, что они должны пробежать «дурочку» еще несколько раз. И они пробежали. А потом собрались вокруг Бритт-Мари с таким видом, словно чего-то ждут от нее, так что Бритт-Мари спросила Сами, который сидел на капоте своей черной машины, что бы это могло значить.

— А, ну они побегали, а теперь хотят играть. Толкните какой-нибудь спич, бросьте им мяч — и все.

— Толкнуть что? — не поняла Бритт-Мари.

— Скажите им что-нибудь духоподъемное, — пояснил Сами.

После недолгого размышления Бритт-Мари повернулась к детям и произнесла со всем энтузиазмом, на какой только способна:

— Постарайтесь не вымазаться в грязи!

Сами рассмеялся. Дети, кажется, ее не поняли. Потом они стали играть, как выразился кто-то из них, «в двое ворот». Бритт-Мари пришлось спросить у Сами, сколько ворот обычно бывает в футболе. «Двое», — ответил он. Бритт-Мари так и не добилась внятного ответа на вопрос, почему тогда нельзя называть это просто футболом.

Жабрик, стоявший в одних воротах, пропустил мячей больше, чем все остальные. Семь или восемь подряд. Всякий раз лицо у него становилось лиловым, и он вопил: «Ну давайте! ДАВАЙТЕ СДЕЛАЕМ НЕВОЗМОЖНОЕ!» А Сами всякий раз над ним смеялся. Бритт-Мари это нервировало, и наконец она спросила:

— Зачем он так делает?

— У него отец болеет за «Ливерпуль», — ответил Сами, словно это объяснение.

Потом достал из багажника две штанги ворот и вручил одну Бритт-Мари:

— Если у тебя отец болеет за «Ливерпуль», то привыкаешь думать, что невозможное возможно. Ну, как в финале Лиги чемпионов!

Бритт-Мари отпила глоточек из штанги. Прямо из банки. Это было поистине за гранью добра и зла. Так что она решилась высказать все, что думает:

— Я ни в коем случае не хочу вас обидеть, Сами, у вас такой порядок в ящике для столовых приборов. Но мне кажется, что, по большому счету, выражаетесь вы совершенно непонятно!

Сами рассмеялся. Отпил из штанги.

— Вы тоже, Бритт-Мари. Вы тоже.

Потом Сами рассказал ей про футбольный матч, лет десять назад, когда Вега и Омар еще только-только вышли из памперсов, но уже сидели с ним и Психом в пиццерии, а «Ливерпуль» встречался с «Миланом» в финале Лиги чемпионов. Бритт-Мари спросила, что это за соревнование, и Сами объяснил, что это кубок, и тогда Бритт-Мари уточнила, что такое кубок, а Сами ответил, что это вроде соревнования, на что Бритт-Мари заметила, что можно было бы так сразу и сказать, а не выпендриваться.

Сами глубоко вдохнул — не вздохнул, это был ни в коем случае не вздох! — и рассказал, как «Милан» половину игры вел со счетом 3:0, и ни одна команда ни в одном финале ни одного соревнования, сколько Сами их помнит за все время, что смотрит футбол, никогда не выступала так четко и сыгранно, как тогдашний «Ливерпуль». И все-таки в раздевалке один из футболистов орал на других как бешеный, с лиловым лицом и алым сердцем, потому что ему невыносимо было в мире, где возможно не все. Во втором тайме игры он забил головой, и стало один-три, он замахал руками, как бешеный, и бросился бежать через поле. Когда его команда забила второй гол, он скакал до небес. Потому что и он, и остальные поняли, что теперь они лавина и ничто их не остановит, они сделают невозможное. Их не удержат ни каменные стены, ни крепостные рвы, ни тысяча диких лошадей.

— Они сравняли счет до 3:3, дальше было дополнительное время, а потом они победили в серии пенальти. Так что не говорите человеку, чей отец болеет за «Ливерпуль», что нельзя сделать невозможное.

Сами посмотрел на Вегу, Омара и улыбнулся:

— Или старший брат. Это может быть и старший брат.

Бритт-Мари отпила из штанги:

— Вы так поэтично рассказываете!

Сами усмехнулся:

— Для меня футбол и есть поэзия. Я родился летом девяносто четвертого. В разгар чемпионата мира.

Бритт-Мари понятия не имела, что это такое, но уточнять не стала,

потому что в футбольных байках нужна мера, даже если их рассказывают поэтично.

— А папа Жабрика приходит посмотреть, как он играет? — поинтересовалась она.

— Вон он. — Сами указал на пиццерию.

Карл пил кофе, стоя в дверном проеме. В красной кепке. И практически счастливый.

Это был знаменательный день для Бритт-Мари. Знаменательная игра.

Тренировка закончилась; Свен ждал Бритт-Мари в пиццерии. Он предложил подвезти ее домой, но Бритт-Мари настояла, что без этого можно обойтись. Поэтому Свен спросил, нельзя ли в таком случае отвезти ей домой балконную мебель; на это она согласилась. Свен вынес стол и стулья, погрузил их в машину и уже сел было за руль, когда Бритт-Мари, закрыв глаза и собрав все силы, произнесла:

— Я ужинаю в шесть часов.

— Прошу прощения? — Голова Свена появилась по другую сторону полицейской машины.

Бритт-Мари вдавила каблуки в грязь.

— Белая скатерть мне не важна. Но для меня важны столовые приборы, и я хотела бы, чтобы мы поужинали в шесть часов.

— Завтра? — просиял Свен.

Бритт-Мари сосредоточенно кивнула. Достала список.

Как только полицейская машина скрылась из виду, Вега, Омар и Сами окликнули Бритт-Мари с другой стороны парковки. Сами ухмылялся. Вега ударила по мячу, тот покатился по гравию и слякоти и остановился в метре от Бритт-Мари. Она убрала список в сумочку и намертво вцепилась в нее, даже костяшки побелели. Так вцепляются, когда настает тот миг, которого ты ждал всю жизнь.

Бритт-Мари мелкими шажками подобралась к мячу и ударила по нему со всей силой.

Потому что удержаться была уже не в состоянии.



Следующий день оказался одним из самых скверных в жизни Бритт-Мари. На лбу у нее вскочила шишка, и она сломала два пальца. Во всяком случае, так ей сказала мама Бена, а мама Бена — медсестра, так что по идее в таких вещах разбирается. Они сидели на узкой кушетке в городской больнице, за зеленой занавеской. Бритт-Мари с пластырем на лбу и повязкой на руке отчаянно крепилась, чтобы не заплакать. Мама Бена положила руку ей на запястье и не спрашивала, как так получилось. За что Бритт-Мари была ей невероятно благодарна, потому что меньше всего на свете ей хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, как так получилось.

А получилось это вот как.

Начать с того, что Бритт-Мари проспала всю ночь — в первый раз с тех пор, как приехала в Борг. Она спала сном младенца и проснулась полная энтузиазма. Снова. Вообще-то ей следовало бы насторожиться, потому что, будем откровенны, когда просыпаешься полной энтузиазма, ничего хорошего не выходит — это Бритт-Мари усвоила. Но теперь уже поздно. Теперь она сидит с шишкой на лбу и сломанными пальцами, как какой-нибудь уголовник, который получил увечья в разгар какой-нибудь уголовщины. Люди, разумеется, так и подумают — известно ведь, что думают люди. И неважно, что случилось на самом деле.

А на самом деле она проснулась полной энтузиазма и сразу убралась на кухне у Банк. Не потому, что кухня требовала уборки; просто Банк не было дома, а когда Бритт-Мари спустилась по лестнице, внизу оказалась кухня. Бритт-Мари никогда не видела кухни, в которой ей не захотелось бы прибраться. После уборки она прогулялась через весь Борг до молодежного центра. Убрала его от пола до потолка. Проследила, чтобы все картины висели ровно, даже те, с футболом. Постояла перед одной из них, глядя на свое отражение в стекле. Потерла белое пятно на безымянном пальце. Те, кто не носил обручального кольца всю свою жизнь, не знают, как выглядит

это пятно; не знают этого и те, кто время от времени снимает кольцо. Бритт-Мари знала, что некоторые так и делают — снимают кольцо, когда, например, моют посуду, чтобы жидкость для мытья посуды не испортила кольцо. Причем снять кольцо иной раз не удастся без жидкости для посуды. Но Бритт-Мари кольца никогда не снимала — ни единого раза. До того самого дня, когда сняла его насовсем. Поэтому белое пятно никуда не денется. Видимо, прежде такой была вся ее кожа — до замужества. Видимо, если соскрести с Бритт-Мари все, во что она превратилась, только это пятно и останется.

С этой мыслью Бритт-Мари отправилась в пиццерию и разбудила Личность. Они выпили кофе, и Бритт-Мари любезно спросила, нет ли в продаже почтовых открыток. Открытки в продаже имелись. Невероятно старые и с надписью «Добро пожаловать в Борг». Так и понимаешь, насколько они старые, сказала Личность, потому что уже и не вспомнишь, когда люди говорили «Добро пожаловать в Борг!» без этого, как его? Сарказма!

Бритт-Мари написала открытку Кенту. Очень короткую. «Привет. Это Бритт-Мари. Прости за всю ту боль, что я тебе причинила. Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь. Надеюсь, у тебя есть чистые рубашки. Твоя бритва лежит в ванной на третьей полочке. Если тебе понадобится выйти на балкон, чтобы вымыть окна, немного поверни ручку, потяни на себя и слегка толкни дверь. В шкафчике есть „Факсин“». Еще она хотела написать, как скучает. Но не стала. Решила не доставлять беспокойства.

— Тебя не затруднило бы рассказать, как добраться до ближайшего почтового ящика? — поинтересовалась она у Личности.

— Это здесь, — сказала Личность и ткнула пальцем в собственную ладонь.

Бритт-Мари выказала некоторый скепсис, но Личность заверила, что ее почта «офигеть самая быстрая в городе!». Какой город она при этом имела в виду, Бритт-Мари не поняла.

Потом между женщинами произошла непродолжительная беседа о висевшей на стенке желтой футболке с надписью «Банк», поскольку Бритт-Мари никак не могла оторвать от нее взгляда. Словно это нить, ведущая в какую-то загадку. Личность педагогично объяснила, что Банк не знает, что футболка висит здесь, а если узнает, то наверняка так обозлится, что, по мнению Личности, «у нее в жопе вырастет целая лимонная эта, как ее? Плантация!».

— Почему?

— Да понимаешь, Банк ненавидит футбол. Никто, как говорится, не

любит вспоминать хорошие времена, когда наступают плохие.

— У меня создалось впечатление, что вы с Банк дружите, — заметила Бритт-Мари.

— Дружим! Дружили! Лучшие приятели до, знаешь... До этого, с глазами. До того, как Банк уехала, — возразила Личность.

— Но вы никогда не говорите о футболе?

Личность сухо рассмеялась:

— Раньше Банк очень любила футбол. Больше жизни любила. Потом — это вот с глазами. Глаза отняли у нее футбол, так что теперь она его ненавидит. Понимаешь? Жизнь — она такая, ну? Любовь, ненависть, либо то, либо другое. И она уехала. Очень надолго. Отец у Банк был совсем другой, и без футбола у них не осталось общего этого, как его? Контекста! Потом отец умер. Банк вернулась, похоронить, продать дом. Мы с ней теперь больше это, как его? Собутыльники! Можно сказать: мы теперь меньше говорим. Зато пьем больше.

— Ах-ха. Можно спросить, где она путешествовала, когда покинула Борг?

— Да знаешь, то там, то сям. Когда у человека лимон в жопе, на месте-то не сидится! — рассмеялась Личность.

Бритт-Мари не засмеялась. Личность закашлялась.

— Она была в Лондоне, Лиссабоне, Париже — я такие открытки получала! Где-то они у меня тут лежат, ага. Банк и собака, вокруг света. Я, знаешь, иногда думаю, что она уехала, потому что злилась. А иногда думаю, что она уехала потому, что с глазами становилось все хуже. Может, Банк захотела повидать мир прежде, чем ослепнет окончательно, понимаешь, да?

И Личность достала открытку из Парижа. Бритт-Мари страшно хотелось взять ее в руки, но она удержалась. Попыталась отвлечься и отвлечь Личность — указала на стену и спросила:

— А почему футболка желтая? У меня сложилось впечатление, что футболки в Борге белые.

— Сборная, — ответила Личность.

— Ах-ха. Это что-то особенное? — поинтересовалась Бритт-Мари.

— Это... сборная страны, — ответила Личность, словно не поняла, в чем вопрос.

Бритт-Мари рассердилась и решила больше не спрашивать. И вдруг, к своему ужасу, спросила:

— А как это произошло? Как Банк потеряла зрение? Не то чтобы Бритт-Мари была из тех, кто сует нос в чужие дела, но все-таки. Она в тот

день проснулась полная энтузиазма, так что случиться могло все что угодно. Голос благоразумия внутри ее повысил на нее голос, но было уже поздно.

— Болезнь. Такая хрень. Началась это, как его? Исполдволь. Много лет. Как финансовый кризис, — объяснила Личность и неопределенно взмахнула руками.

— Ах-ха.

Личность повела бровью в направлении футболки на стене.

— Знаешь, Бритт-Мари, тут говорят: Банк молодец, НЕСМОТРЯ на это, с глазами. Я говорю: Банк молодец БЛАГОДАРЯ этому, с глазами. Понимаешь? Ей приходится бороться серьезнее, чем другим. Поэтому она стала лучшей. Это, как его? Стимул! Понимаешь?

Бритт-Мари не была вполне уверена, что понимает. Ей захотелось воспользоваться случаем и спросить Личность, как вышло, что та сидит в инвалидной коляске, но уж тут благоразумие Бритт-Мари опустило все шлагбаумы, потому что это точно не ее дело. Разговор иссяк. Личность откатилась на оборот колеса назад, потом на столько же — вперед.

— Я упала за борт. В детстве. Если ты хотела об этом спросить, — пояснила она.

— Ни в коем случае не хотела! — запротестовала Бритт-Мари.

Личность ухмыльнулась.

— Знаю, Бритт. Знаю. У тебя нет предубеждений. Ты понимаешь, что я человек, который случайно оказался в инвалидном кресле. А не инвалидное кресло, в котором случайно оказался человек. — Она похлопала Бритт-Мари по руке и прибавила: — Поэтому ты мне и нравишься, Бритт. Ты тоже человек.

Бритт-Мари захотелось сказать, что ей тоже нравится Личность, но она сохранила благоразумие. И больше они об этом не говорили. Бритт-Мари купила сникерс для крысы и спросила, нет ли в продаже у Личности цветочных букетов.

— Цветы? Для кого? — удивилась Личность.

— Для Банк. Как-то невежливо, что столько времени снимаю у нее комнату — и не принесла ни цветочка. Дарить цветы — это обычай, — проинформировала ее Бритт-Мари.

— Не, цветов тут нет. Но Банк любит пиво! Возьми лучше пивка? — предположила Личность.

Цивилизованным такой подарок Бритт-Мари отнюдь не считала, но пиво, заключила она, для того, кто его любит, все равно что цветы. Так что

настояла, чтобы Личность поискала целлофан. Целлофана Личность не нашла, но через пару минут в дверях возник Омар с криком: «Нужен целлофан? У меня есть! Для своих — дисконт!» Потому что это Борг.

В целлофан, приобретенный по цене, мало соответствовавшей представлению о дисконте для своих, Бритт-Мари поместила пиво и красиво обвязала лентой. Потом отправилась в досуговый центр, приоткрыла дверь и поставила тарелку со сникерсом на пороге. Возле тарелки она оставила аккуратную записку, написанную от руки чернилами: «Ушла на свиданку. Или гулять. Или как там это теперь называется. Тарелку убирать не обязательно, мне это совсем не сложно». Ей хотелось написать — она надеется, что крыса нашла себе сотрапезника, потому что, по мнению Бритт-Мари, крыса не заслуживает того, чтобы ужинать в одиночестве. Одиночество — это напрасная трата себя, что для крысы, что для человека. Но благоразумие запрещало вмешиваться в личную жизнь крысы, так что этого Бритт-Мари писать не стала.

Она потушила свет и подождала сумерек. Сумерки, что весьма удобно, в это время года приходят в Борг задолго до ужина. Убедившись, что никто ее не видит, Бритт-Мари зашагала к автобусной остановке по дороге, что ведет из Борга в двух направлениях, и покинула Борг в одном из них на автобусе. Это казалось приключением. Как свобода. Но не настолько, чтобы Бритт-Мари не встревожило состояние сиденья, так что прежде чем сесть, она постелила на него четыре салфетки. Есть же какие-то границы, даже когда отправляешься в приключение.

Но тем не менее. Это совершенно новое чувство — когда едешь на автобусе одна.

Всю дорогу Бритт-Мари потирала белое пятно на безымянном пальце. В кабинке солярия возле банкомата в городе никого не было. Бритт-Мари, следуя инструкции к аппарату, опустила в него монету. Непродолжительное знакомство машины и Бритт-Мари едва не переросло в выброс гравия, потому что машина заявила, что денег не получала, хотя Бритт-Мари их определенно только что в нее опустила. Когда Бритт-Мари погрозила ей сумочкой, машина, к счастью для обоих участников процесса, одумалась, немного помигала лампочками на дисплее и наконец зажгла с полдюжину длинных трубок в жесткой пластмассовой кровати на полу.

Бритт-Мари ни в коей мере не считала себя знатоком соляриев и не то чтобы понимала, как они работают. Но по ее представлениям, требовалось сесть на табуретку возле кровати с трубками, сунуть руку под свет и осторожно закрыть крышку. Сколько времени следует сидеть, пока

исчезнет белое пятно, она не знала, но сам процесс представлялся ей не намного сложнее, чем запекание лосося в духовке. Значит, нужно просто время от времени вынимать руку и проверять, насколько продвинулось дело.

Машина издавала гул и струила тепло. От того и другого клонит в сон, особенно если проснулся полным энтузиазма, ведь от энтузиазма кто угодно устанет. В общем, Бритт-Мари уснула. Так все и случилось. Голова у нее повалилась вперед, как валится у всякого человека, задремавшего на табуретке, и немилосердно ударилась о крышку солярия, заодно прищемив пальцы, находившиеся под крышкой. Бритт-Мари скатилась на пол и потеряла сознание. И вот теперь сидела в больнице. С шишкой на лбу и переломом пальцев.

Рядом сидела мама Бена и гладила ее по руке. Нашла Бритт-Мари уборщица солярия, что особенно досадно — всем известно, что эти уборщицы рассказывают на своих сходах.

— Не расстраивайтесь, такое случается и с лучшими из нас, — ободряюще шепнула мама Бена.

— Нет, — надтреснутым голосом ответила Бритт-Мари, сползая с кушетки.

Мама Бена протянула руку, но Бритт-Мари отстранилась. Тут мама Бена закусила губу и поднялась.

— В Борге очень многие сдались, Бритт-Мари. Не становитесь одной из них, пожалуйста.

Может, Бритт-Мари и хотелось что-то сказать в ответ, но ущемленное самолюбие и здравый смысл подняли ее на ноги и вывели за дверь. А там сидела вся футбольная команда. Убитая Бритт-Мари прятала глаза от ребят. С ней впервые такой срам: размечталась — и плюхнулась с неба на землю. Мечтать Бритт-Мари не привыкла. И не знала, что делать, когда вот так плюхнешься. И шла мимо детей, от всей души желая, чтобы их здесь не было.

Свен ждал ее с фуражкой в руках. У его ног стояла плетеная корзиночка с багетами.

— Я... я подумал, что... ну да, подумал, что ты теперь не захочешь в ресторан... после всего, так что я устроил пикник. Я подумал... хотя ты, наверное, захочешь лучше поехать домой. Конечно.

Бритт-Мари, крепко зажмурившись, спрятала перевязанную руку за спину. Свен смотрел вниз, на корзинку.

— Багеты я купил, а корзину сплел сам. На курсах. Бритт-Мари прикусила щеки. Она не знала, понимают ли Свен и ребята, зачем она

отправилась в солярий. Что пыталась спрятать под загаром. Она боялась услышать подобные вопросы — и так уже извелась от стыда. И она прошептала:

— Свен, пожалуйста, я просто хочу домой.

И Свен повез ее к дому Банк, хотя ей хотелось вовсе не этого. Ах, если бы он не видел ее в таком состоянии! Бритт-Мари прятала руку под бамбуковой занавеской и больше всего на свете желала, чтобы он отвез ее домой. В ее настоящий дом. Настоящую жизнь. И оставил там. Она не готова к энтузиазму.

Затормозив у дома Банк, Свен хотел что-то сказать, но не успел: Бритт-Мари уже вышла из машины, а он остался стоять с фуражкой в руках. Бритт-Мари вошла в дом, закрыла перед ним дверь и неподвижно стояла, сдерживая дыхание, пока Свен не уехал.

Потом Бритт-Мари убрала дом Банк снизу доверху. Поужинала супом, в одиночестве. Потом медленно поднялась по лестнице, взяла полотенце и села на край кровати.



Банк явилась домой где-то между полуночью и рассветом, феноменально пьяная. Она держала в руках коробку из пиццерии и распевала песни, имеющие мало общего с культурой. Причем до такой степени, что матросы бы покраснели, полагала Бритт-Мари. Она сидела на балконе; собака подняла на нее взгляд, и они смотрели друг на друга, пока Банк сквернословила и что-то бормотала, ковыряясь ключом в замке. Собака словно сожалела, что не может удрученно пожать плечами. Бритт-Мари ее очень понимала.

В первый раз внизу грохнуло, когда со стены слетела рамка, пораженная палкой Банк. В следующий раз за грохотом последовал звон — это упала на пол рама, и осколки стекла на фотографии девочки-футболистки и ее отца брызнули по полу. Разгром внизу продолжался около часа — с завидной регулярностью. Банк кружила по комнатам, методично разнося вдребезги воспоминания — не в ярости, не в бешенстве, а с последовательностью отчаяния. Одно за другим. Под конец остались только голые стены и осиротевшие гвоздики. Бритт-Мари замерла на балконе. Как же ей хотелось вызвать полицию! Но номера Свена у нее не было.

Наконец грохот стих. Но Бритт-Мари все сидела на балконе, дожидаясь, пока Банк уgomонится и ляжет спать. Вскоре после этого слышались мягкие шаги на лестнице, скрип дверных петель, и Бритт-Мари почувствовала, как что-то шершавое коснулось ее пальцев. Собака улеглась рядом с ней — достаточно далеко, чтобы не быть назойливой, достаточно близко, чтобы они ощущали движения друг друга. Потом все затихло. А через несколько часов в Борг пришло утро — в той мере, в какой утро вообще может прийти в Борг.

Когда Бритт-Мари с собакой отважились спуститься по лестнице, Банк сидела на полу в прихожей, привалившись к стене. От нее пахло спиртным.

Бритт-Мари не знала, спит она или нет и насколько уместно поднять ее темные очки и осведомиться об этом, так что Бритт-Мари просто принесла щетку и подмела осколки. Собрала фотографии в аккуратную стопку. Составила рамы в угол. Подала собаке завтрак.

Бритт-Мари уже накинула пальто и сунула список в сумочку, а Банк даже не шевельнулась. Собравшись с духом, Бритт-Мари все же поставила перед ней пиво.

— Это подарок. Я бы вам крайне не рекомендовала пить сегодня еще, поскольку вы, кажется, вчера выпили достаточно, так что теперь вам придется выкупаться в соде с ванильной эссенцией, если хотите, чтобы от вас пахло как от цивилизованного человека, — уведомила она Банк, — но это, как я понимаю, меня не касается.

Банк не шевельнулась и не ответила.

— Ах-ха. Как бы то ни было, я завернула пиво в целлофан, — добавила тогда Бритт-Мари. — Когда я наконец получила возможность все обдумать в тишине и покое, то пришла к выводу, что с учетом привходящих обстоятельств это может показаться невежливым, но могу заверить вас, что руководствовалась я самыми лучшими намерениями. Я просто хотела, чтобы оно выглядело понаряднее.

Банк сидела настолько неподвижно, что Бритт-Мари пришлось нагнуться, чтобы удостовериться, что та дышит. В чем и убедилась — струя перегара едва не обожгла ей роговицу. Проморгавшись, Бритт-Мари выпрямилась и внезапно услышала собственные слова:

— Приходится заключить, что вы не из тех людей, чей отец болеет за «Ливерпуль». Мне сообщили, что человек, чей отец болеет за «Ливерпуль», никогда не сдается.

К чему она это сказала, Бритт-Мари не знала и сама. Получилось как-то невразумительно. Для верности она тем не менее уточнила:

— Или старший брат. Я знаю, что в определенных случаях возможен и старший брат, который болеет за «Ливерпуль».

Она уже стояла на лестнице и оставалось только закрыть за собой дверь, когда из полумрака донеслось бурчание Банк:

— Папка болел за «Тоттенхэм».

Бритт-Мари решила не уточнять, что, вообще говоря, это значит.

От Личности, сидевшей на кухне пиццерии, пахло, как от Банк, но настроение у нее было лучше. Кажется, она обратила внимание на забинтованную руку Бритт-Мари, но ничего не сказала. Зато вручила Бритт-Мари бумагу, которую оставил «какой-то из города».

— Что-то насчет кубка по футболу. «Тренеру».

— Ах-ха, — ответила Бритт-Мари и стала читать документ. Его она не очень поняла, только уловила что-то насчет «ответственного за регистрацию» и «лицензии».

Вникать глубже Бритт-Мари было некогда, дел у нее хватало, так что она сунула бумагу в сумочку и подала кофе мужчинам в кепках и бородах. Мужчины читали газеты. Спрашивать о приложениях с кроссвордами Бритт-Мари не стала, а мужчины их не предложили. Карл забрал посылку и тоже сел пить кофе. Допив, отнес чашку на прилавок, кивнул Бритт-Мари, не глядя на нее, и пробормотал: «Спасибо, очень вкусно».

От вопросов о том, что же во всех этих посылках, которые он постоянно получает на почте, Бритт-Мари, к счастью, удержало благоразумие. Ведь в них может оказаться все что угодно. Вдруг он бомбу делает. Бритт-Мари о таких читала. Карл производит впечатление молчуна, держится особняком и никому не мешает, но ведь это же самое люди рассказывают о своем соседе, когда выясняется, что он собрал бомбу. Составители кроссвордов любят бомбы, так что Бритт-Мари в курсе.

После обеда явились Сами и Псих. Псих со злобещим видом топтался в дверях, обшаривая взглядом помещение, словно что-то тут потерял и рассчитывал найти. Настроение у Бритт-Мари сразу испортилось, и это, наверное, было заметно, потому что Сами ободряюще подмигнул ей и повернулся к Психу:

— Сходи проверь, я не забыл телефон в машине?

— Зачем? — не понял Псих.

— Затем, что я тебя, блин, прошу.

Псих сделал губами, будто сплюнул всухую. Дверь за ним радостно звякнула. Сами повернулся к Бритт-Мари:

— Победили?

Бритт-Мари воззрилась на него в недоумении. Сами многозначительно ухмыльнулся, кивнув на ее повязку:

— У вас как будто махаловка вышла. Как там другая тетка? Жива?

— С твоего позволения, это был несчастный случай, — возразила Бритт-Мари, не склонная вдаваться в подробности.

— О'кей, коуч, о'кей, — рассмеялся Сами и нанес несколько боксерских ударов невидимому противнику.

Бритт-Мари принялась яростно счищать что-то с юбки. Сами вынул из пакета три футболки, положил на прилавок.

— Это Веги, Омара и Дино. Я стирал их несколько раз, но некоторые пятна ни фи́га не сходят, что бы я ни делал.

— Ты пробовал содой? — тут же спросила Бритт-Мари.

— А помогает?

На Бритт-Мари накатил такой энтузиазм, что ей пришлось схватиться за кассовый аппарат.

— Я... ну... я могу попробовать удалить пятна. Меня это не затруднит!

Сами благодарно кивнул:

— Спасибо, коуч. И расскажите, пожалуйста, что с ними делать. В смысле — с пятнами на одежде этих чертенят. Они, мать их, будто на дереве живут.

Бритт-Мари дождалась, пока он увел Психа, и отправилась в молодежный центр. От соды пятна сошли. Заодно Бритт-Мари выстирала полотенца и передник Личности, хотя Личность и возражала. Не потому, что полагала, будто Бритт-Мари трудно постирать для нее, — просто в принципе не считала нужным стирать передники. Они об этом немного подискутировали. Личность снова обозвала Бритт-Мари «Мэри Поппинс», а Бритт-Мари рассердилась и в ответ обозвала Личность «чумазым поросенком». Личность так смеялась, что дальнейший обмен аргументами сошел на нет.

Бритт-Мари выложила на тарелку сникерс для крысы, но не стала ее дожидаться: не хотелось рассказывать, как прошло свидание. Может, крыса и сама не стала бы спрашивать, но говорить об этом Бритт-Мари была в любом случае не готова. Поэтому она вернулась в пиццерию и поужинала с Личностью, потому что Личность вопросов не задает: ей либо слишком мало, либо слишком много дела до Бритт-Мари.

Свен этим вечером в пиццерию не пришел. Каждый раз, когда звякал дверной колокольчик, Бритт-Мари так подскакивала на стуле, что сердце подскакивало у нее в груди; она не рассердилась бы, даже если Свен пришел посреди ужина. Но это был опять не Свен, а кто-нибудь из ребят. Наконец все собрались, в чистых футболках, потому что у них дома определенно есть кто-то, кто о них заботится.

Что все же поддерживает в Бритт-Мари веру в Борг. В то, что даже здесь есть кто-то, кому не все равно, выстираны футболки или нет.

Дети уже шли на тренировку, когда в дверях возник тот мальчик, в клубной куртке с надписью «Хоккей». Один, без отца.

— Ты чего здесь делаешь? — осведомилась Вега.

Мальчик сунул руки поглубже в карманы и кивнул на футбольный мяч у нее под мышкой.

— Просто хочу поиграть.

— Вали в город и там играй! — фыркнула Вега.

Подбородок мальчика почти уперся в ключицы.

— Футбольная команда в городе начинает тренировку в шесть. А у меня в это время хоккей. Но я видел, что вы тренируетесь позже...

Установленное Бритт-Мари расписание явно потребовало ее защиты:

— Нельзя же тренироваться во время ужина!

— Во время хоккейной тренировки тоже нельзя, — заметил мальчик.

— Сумерки богов!..

Вега потеряла терпение и толкнула мальчика локтем:

— Ты же не местный, ты, блин, богатый папенькин сынок. А где уж нам до городской команды. Так что и валил бы к ним!

Мальчик не отступил ни на шаг. Вега медлила. Мальчик поднял подбородок:

— Мне плевать, хороши вы или нет. Я просто хочу играть в футбол.

Так складывается команда.

Вега (чей лексикон никак не назовешь цивилизованным), конечно, протиснулась в дверь первой, но Омар легонько толкнул мальчика в спину:

— Отнимешь у нее мяч — ты наш. Но тебе же слабо.

Мальчик бросился через парковку, не дослушав. Вега ударила его локтем в лицо. Мальчик упал на колено, из носа закапала кровь, но он вытянул другую ногу и выхватил мяч ступней, словно крюком. Вега проехала всем телом по гравию и тотчас вскочила с пылающими яростью глазами. Омар толкнул Бритт-Мари в дверях пиццерии, возбужденно ткнул пальцем:

— Смотрите, сейчас Вега покажет подкат!

— Что это значит? — спросила Бритт-Мари, но в следующий миг все поняла: Вега бросилась через площадку, в паре метров за спиной у мальчика подпрыгнула и, проехавшись ногой по гравию, ударила его по ногам и отправила стремительным полувольтом в темноту.

Теперь Бритт-Мари знала, почему у всех детей в Бorge джинсы разорваны на коленках. Вега поднялась и торжествующе поставила ногу на мяч. Мальчик в стороне отряхивал одежду, требующую чрезвычайного количества соды, и выбирал впившиеся в лицо острые камешки. Вега глянула на Бритт-Мари, пожала плечами, фыркнула:

— Все с ним в порядке.

Бритт-Мари достала из сумочки список.

— Если не затруднит — как тебя зовут? — спросила она.

— Макс.

Омар весьма серьезно указал на Вегу, потом на Макса:

— Когда мы играем на двое ворот, вам НЕЛЬЗЯ быть в одной команде!

Потом дети бегали «дурочку». Играли на двое ворот. Они — команда. Сами не приехал, но на месте его машины стоял грузовик и освещал фарами футбольно-парковочную площадку. Судя по количеству ржавчины на бортах, ржаветь он начал, как раз когда изобрели первый грузовик. В кабине сидел Карл. Бритт-Мари сходила в пиццерию, принесла ему кофе. Он кивнул. Она тоже.



Когда в дальнем конце парковки остановилась красная машина, ни Бритт-Мари, ни дети не обратили на нее внимания: они уже стали привыкать, что на футбольные тренировки в Бorge за просто являются новые игроки и публика. Только когда Макс указал на приехавших в машине мужчину и женщину и заметил: «Они ведь из города? Она — руководитель районного футбольного союза, папа ее знает», — тренировка прекратилась. Игроки и тренер недоверчиво поджидали незнакомцев.

— Бритт-Мари? — спросила женщина, приблизившись.

Одета опрятно, и мужчина — тоже, красная машина чисто вымыта, отметила Бритт-Мари с привычным удовольствием, которое тотчас сменилось невольным скепсисом по отношению к целым и чистым вещам — его она успела усвоить в Бorge. Они Бorge крайне не свойственны.

— Это я, — подтвердила Бритт-Мари.

— Я сегодня оставила вам несколько документов, вы успели посмотреть их? — И женщина указала на пиццерию.

— Ах-ха. Нет, нет, не успела. Я была занята.

Женщина посмотрела сначала на детей, потом на Бритт-Мари:

— Они касаются правил участия в январских соревнованиях на кубок города, куда эта... команда... подала заявку.

Женщина произнесла «команда» так, как Бритт-Мари произносит «чашка» в адрес пластикового стаканчика.

— Ах-ха. — Бритт-Мари схватила блокнот и ручку, словно щит и меч.

— В заявлении вы указаны как тренер. У вас есть лицензия? — спросила женщина.

— Прошу прощения? — Бритт-Мари записала в блокнот «лицензия».

— Ли-цен-зи-я, — повторила женщина и указала на стоящего рядом мужчину, словно Бритт-Мари должна его знать.

— Районная футбольная ассоциация и муниципалитет допускают к январским соревнованиям только команды, у тренера которых есть районная лицензия.

Бритт-Мари записала в блокноте: «Приобрести районную лицензию тренера».

— Ах-ха. Могу я побеспокоить вас вопросом, как приобретается подобная лицензия? Я прослежу, чтобы мое контактное лицо в службе занятости занялось...

— О боже, лицензию нельзя просто ПРИОБРЕСТИ! Вы должны пройти целый КУРС! — несколько истерически выкрикнул мужчина, стоявший рядом с женщиной. — Вы не команда! У вас нет даже площадки для тренировок! — Он сердито махнул в сторону парковки.

Здесь у Веги кончилось терпение, потому что его запасы у нее вообще были невелики.

— Слушай, дядя, мы играем в футбол, блин, или что?

— Что? — удивился дядя.

— Ты что, оглох? Сказано тебе: мы играем в футбол, блин, или что? — гаркнула Вега.

— И? — Дядя издевательски улыбнулся и развел руками.

— А если мы играем здесь в футбол, то это и есть, блин, футбольная площадка.

Дядя изумленно воззрился на Бритт-Мари, словно она должна была вмешаться, но Бритт-Мари не сочла это уместным, поскольку в данном случае (если оставить в стороне лексикон) ей представлялось, что Вега права. Женщина рядом с дядей откашлялась.

— В городе футбол великолепно организован, и я уверена, что...

— У нас он и здесь великолепно организован! — отрезала Вега.

Женщина обиженно засопела:

— Все должно быть по инструкции. Иначе на соревнования явится бог знает кто. Начнется полная неразбериха, вы же должны это понимать. Если у вас нет тренера с лицензией, мы, к сожалению, не можем допустить вас к соревнованиям. Вы можете подать заявку в следующем году, мы рассмотрим ва...

Ее прервал голос откуда-то из темноты между красной машиной и грузовиком Карла, явно похмельный и совершенно безапелляционный.

— У меня есть лицензия. Впишите мою фамилию, если это так важно.

Женщина вытаращилась на Банк. Все остальные — тоже. Понять, вытаращилась ли Банк в ответ, было трудно, даже не имея предубеждений. Собака, во всяком случае, смотрела на Бритт-Мари. Бритт-Мари покосилась на нее, словно беглый преступник.

— Боже, неужели ОНА вернулась в Борг? От этого одни проблемы, я тебе прямо говорю, — прошипел дядя женщине, заметив Банк.

— Ш-ш! — шикнула женщина.

Банк вышагнула из тени и повела палкой в направлении женщины и дяди, причем попала последнему по ноге, и довольно крепко. Дважды.

— Ой, — извинилась Банк и нацелилась палкой на женщину: — Впиши мою фамилию. Думаю, ты ее не забыла. — И она довольно крепко заехала дяде палкой по локтю — раза три-четыре. — Ой, — снова извинилась Банк.

— Я и не знала, что ты вернулась в Борг, — нервно улыбнулась женщина.

— Теперь знаешь, — констатировала Банк, властно взмахнув палкой, угодила дяде по плечу и, скользнув по щеке, разумеется, в силу чистейшей, хоть и досадной случайности, попала концом палки ему в рот, так что дядя отскочил, отплевываясь грязью, словно злобная засорившаяся поливалка.

— Опаньки, — огорчилась Банк.

— Мы... я хотела... в правилах участия сказано, что... — начала было женщина.

Похмельная Банк громко застонала.

— Да заткнись уже, Анника, заткнись — и все. Молодняк просто хочет играть в футбол. Было время, когда мы с тобой тоже просто хотели играть в футбол, а дядьки вроде этого нам не давали. — С этими словами Банк прицелилась в дядю палкой, но тот успел отпрыгнуть. Женщина долго стояла, словно обдумывая ответ. И молодела на глазах. Открыла рот, снова закрыла и наконец покорно вписала Банк в документы. Дядя продолжал отплевываться и шипеть, покуда оба усаживались в красную машину, которая наконец выехала из Борга в сторону города.

Банк не склонна тратить время на пустяки, а в состоянии похмелья запасы ее терпения сравнимы с Вегиными. Она угрожающе махнула палкой в направлении детей и заворчала:

— Если вы не слепые, то заметили, что я практически слепая. Но мне не нужно видеть, как вы играете, чтобы понять: вы полные нули. У нас есть пара дней до этого идиотского кубка, так что попробуем за это время сделать из вас хоть что-то. — И добавила после недолгого размышления: — Однако особо не надейтесь.

Это был не слишком духоподъемный спич, что нет — то нет. Бритт-Мари даже подумала, что Банк нравилась бы ей куда больше, если бы говорила поменьше. Первым возразил Омар — отчасти потому, что ему хватило смелости сказать то, что вся команда подумала, отчасти потому, что ему на это хватило глупости.

— Слепой коуч — это, блин, полный жир!

Бритт-Мари сцепила руки в замок.

— Омар, так не говорят. Называть кого-то жирным некультурно. Может быть, у Банк просто широкая кость.

— А кого я назвал жирным? — Омар прищурился. — Я сказал — это жир!

— Ах-ха. Ну, если так... — Бритт-Мари понятия не имела, как это следует понимать.

— Она слепая! — Омар наставил палец на Банк. — Что она понимает в футболе?

— У нее проблемы со зрением, — поправила Бритт-Мари и добавила, несколько обиженно: — К полноте это не имеет никакого отношения.

Омар выругался. Банк спокойно кивнула и указала палкой на футбольный мяч — настолько точно, что даже Омар немного растерялся. Банк велела: «Мяч сюда!» — и свистнула собаке.

Собака затрусила вперед и оказалась точно позади Омара. Потом громко, отчетливо тявкнула. Банк повернулась к Омару и собаке. Вега сообразила раньше всех, и с предвкушением в глазах подкатила мяч Банк. И тотчас с некоторым злорадством на лице попятилась от брата. Взгляд Омара заметался между собакой и Банк:

— Ну... чего... погодите, я не хо...

Отступив на пару шагов, Банк занесла ногу, чтобы ударить по мячу. В ту же секунду собака, широко расставив лапы, напрудила лужу на гравии у Омара за спиной. Едва нога Банк коснулась мяча, Омар в страхе кинулся назад, споткнулся о собаку и угодил в лужу лицом.

Банк замерла, поставив ногу на мяч. Указав палкой на Омара, проворчала:

— Во всяком случае, я знаю, что такое финт. Хотя я практически слепая, готова поспорить на приличную сумму, что ты сейчас лежишь в собачьей моче. Так, может, согласимся, что я знаю о футболе побольше твоего?

Вега в восторге замерла у собачьей лужи.

— Как вы собаку этому научили?

Банк свистнула собаке, почесала ей нос. Расстегнула карман куртки, разрешила собаке взять то, что там лежит.

— Эта собака была у меня до того, как я ослепла. Половину трюка она выучила, когда я еще видела, а половину — потом.

— Это некультурно, — заметила Бритт-Мари и пошла к молодежному

центру за содой.

Когда она вернулась на парковку, дети играли так, что было слышно. Есть разница — играть в футбол тихонько или чтобы было слышно. Бритт-Мари слушала, стоя в темноте. Когда кто-нибудь из ребят завладевал мячом, другие кричали: «Здесь! Я здесь!»

— Кого слышно, тот и есть, — пробормотала Банк, потирая виски.

Дети играли. Орали. Кричали, где они. Бритт-Мари сжала банку с содой так, что на ней остались вмятины.

— Я здесь, — шептала она, и ей хотелось, чтобы Свен оказался здесь и она могла сказать ему об этом.

Станный поселок. Странная игра.

Тренировка закончилась. Жабрик уехал домой с отцом, на грузовике, Сами забрал Вегу, Омара и Дино. Макс в одиночестве зашагал вдоль дороги — домой. Бена забрала мама. Она помахала Бритт-Мари, Бритт-Мари помахала ей в ответ. По дороге домой Банк не сказала ни слова, а Бритт-Мари не стала искушать судьбу. А главное, палку, которая сегодня вечером побывала в грязи и во рту как минимум одного человека. Так что лучше уж помолчать.

Дома Банк развернула целлофан и стала пить пиво прямо из горлышка. Бритт-Мари принесла стакан и подставку.

— Всему есть мера, — решительно объявила она Банк.

— Ты старая долбаная мымра, — сообщила Банк. — Тебе этого еще не говорили?

— Говорили, и не раз, — ответила Бритт-Мари и, смотря откуда считать, обрела вторую настоящую подругу.

Она уже направилась было к лестнице, но передумала, обернулась и спросила:

— Ты говоришь, твой отец болел за «Тоттенхэм». Если тебя не затруднит, объясни, что это значит?

Банк допила пиво из стакана. Поставила стакан на стол. Собака положила голову ей на колени.

— Когда болеешь за «Тоттенхэм», то всегда отдаешь больше любви, чем получаешь.

Бритт-Мари обхватила забинтованную руку здоровой. Нет, любить футбол — это безусловно непростое дело!

— Ты как будто хочешь сказать, что это плохая команда.

Банк улыбнулась уголками рта:

— «Тоттенхэм» — худшая из всех плохих команд, потому что они

почти что хорошие. Ты вечно ждешь, что они станут лучшими, покажут класс. Вечно надеешься. Ты их любишь, а они изобретают все новые и новые способы тебя разочаровать.

Бритт-Мари кивнула, словно уловила в этом какую-то логику. Банк поднялась и закончила свою мысль:

— В этом смысле его дочь всегда была как его любимая команда.

Она поставила пустую бутылку на стол возле мойки и, не прибегая к помощи палки, прошла мимо Бритт-Мари в гостиную.

— Пиво вкусное. Спасибо.

В тот вечер Бритт-Мари долго-долго сидела на кровати. Потом поднялась и стояла на балконе, ждала полицейскую машину. Потом возвратилась на кровать. Она не плакала, не страдала — почти наоборот, ощущала что-то вроде энтузиазма. Только куда его приложить? Окна вымыты, пол отдраен, балконная мебель протерта. Но Бритт-Мари не сиделось на месте. Она насыпала соды в землю для цветов, пекарского порошка — на матрас. Потерла повязку, скрывающую белое пятно, которое раньше было скрыто обручальным кольцом. В этом смысле солярий дал желаемый эффект, хотя и не тот, какой планировался. Но с тех пор как она приехала в Борг, все идет не так, как планировалось.

И впервые со дня приезда Бритт-Мари признала, что это не так и плохо.

К тому времени как во входную дверь постучали, ей уже так долго и так сильно этого хотелось, что сначала она решила, что ей показалось. Тут постучали снова; Бритт-Мари спрыгнула с кровати и скатилась по лестнице, как полоумная. Это, конечно, совсем на нее не похоже и ни в коей мере не культурно — она не сбегала так вниз по лестнице с тех пор, как была подростком. Так бежишь, когда сердце успевает оказаться у входной двери раньше ног. На какой-то момент она задержалась, призвав остатки благоразумия, чтобы поправить волосы и разгладить невидимую складку на юбке.

— Свен! Я... — успела она начать, взявшись за дверную ручку.

И застыла, хватая воздух ртом. Чувствуя, как подгибаются ноги.

— Здравствуй, любимая, — сказал Кент.



«Воспитанные мальчики не целуются с красивыми девочками», — говаривала мать Бритт-Мари. На самом деле она имела в виду, что красивым девочкам не стоит целоваться с воспитанными мальчиками, поскольку не факт, что те окажутся в состоянии хорошо зарабатывать. «Мы молим Господа, чтобы Бритт-Мари нашла мужчину, который сможет ее обеспечить, иначе она окажется в сточной канаве, ведь девочка совершенно не приспособлена к жизни», — Бритт-Мари регулярно слышала, как мать говорит это по телефону. «Она мне послана за мои грехи», — говорила мать по телефону, если была трезвой, и напрямик Бритт-Мари, если успевала к тому времени выпить хереса.

Родители никогда не будут тобой довольны, если они потеряли твою сестру, которая во всех отношениях была лучше тебя. Бритт-Мари все равно делала все, чтобы угодить родителям. Но когда твой отец приходит домой все позже и позже, а под конец не приходит вовсе, когда мать от тебя вообще ничего не ждет, возможностей остается не очень много. И Бритт-Мари тоже научилась ничего не ждать.

Альф и Кент жили в ее подъезде, они ссорились, как ссорятся братья. Рано или поздно им понравилась одна и та же девушка, у братьев такое случается. Соперничали они за Бритт-Мари потому, что действительно оба влюбились, или потому, что одному брату всегда хочется того же, что другому, — она так и не поняла. Будь Ингрид жива, они бы, разумеется, стали ухаживать за ней, у Бритт-Мари не было иллюзий — не бывает иллюзий у человека, который привык жить в тени. Но юноши оказались настойчивы, хотя добивались ее внимания совершенно по-разному. Один был шумным, другой — застенчивым. Один хвалился, что заработает все деньги мира, другой дарил цветы. Один был с нею слишком жестким, другой — слишком вежливым, а Бритт-Мари не хотела разочаровывать маму. Поэтому выбрала жесткого, шумного, который похвалялся деньгами. И отвергла вежливого. Выбрала Альфа и отвергла Кента.

Кент, закрыв глаза, стоял на лестнице с букетом в руках, когда Бритт-Мари уходила с его братом, а когда вернулась, его уже не было.

С Альфом Бритт-Мари пробыла недолго. Помнится, он был скучным. Он уже тогда устал. Как устают победители, когда из них вытекает адреналин. Однажды утром Альф покинул ее, ушел в армию, и его не было несколько месяцев. В то утро, когда он должен был вернуться, Бритт-Мари впервые в жизни несколько часов провела перед зеркалом, примеряя новое платье. Мать коротко глянула на нее и сказала: «Ах-ха. Если ты решила выглядеть дешевой, то добилась исключительных результатов». Бритт-Мари попыталась объяснить, что это модное платье; мать ответила, что Бритт-Мари не следует повышать голос, если она не хочет выглядеть душой. Бритт-Мари попыталась объяснить тихо, что собирается встретить Альфа на вокзале, сюрпризом; мать фыркнула: «Приятный сюрприз, ничего не скажешь!» Она оказалась права.

Бритт-Мари явилась на вокзал в старом платье, со взмокшими ладонями; сердце стучало, как лошадиные копыта по булыжнику. Она, конечно, слышала, будто у солдата в каждом порту есть девушка, но не думала, что это относится и к Альфу. По крайней мере, не предполагала, что у него окажется две девушки в одном порту.

Всю ночь она сидела на кухне и плакала в полотенце; наконец мать встала с кровати и устроила ей разнос из-за шума. Бритт-Мари рассказала, как видела Альфа с другой девушкой. Мать коротко кивнула: «Ах-ха. Сама выбирала, так чего же ты хочешь? А я говорила тебе выбрать другого брата — того, приличного, как там его? Кент?»

Потом мать снова легла. На следующий день она встала позже обычного. А под конец и вовсе перестала вставать. Вместо того чтобы учиться дальше, Бритт-Мари нанялась официанткой, чтобы оплачивать счета. Относила ужин в спальню матери, которая прекратила разговаривать, но время от времени находила в себе силы произнести: «Ах-ха, ну да, официантка. Приятно, наверное, думать, что ты теперь с родителями в расчете за те условия, что они тебе создали, и больше ничего им не должна. Учиться дальше тебя не устраивает, тебе больше нравится сидеть дома и проживать мои сбережения». Со временем в квартире становилось все тише и тише. Наконец настала абсолютная тишина. Бритт-Мари мыла окна и все чего-то ждала.

И вот однажды в подъезде появился Кент. На следующий день после похорон матери. Рассказал про свой развод, про своих детей. Бритт-Мари так давно этого хотелось, что она решила — это сон, а когда Кент

улыбнулся ей, то словно луч солнца коснулся кожи. И она стала видеть его сны, мечтать его мечты. Жить его жизнью. Потому что у нее это хорошо получалось, а людям нравится делать то, что у них хорошо получается. Мы хотим, чтобы кто-нибудь знал: мы здесь. Что мы что-то значим.

И вот теперь Кент стоял на ее пороге в Борге, с цветами в руках. Он улыбался, и солнце грело ей кожу. Как откажешься вернуться к прежнему, когда ты понял, как тяжело дается новое? Как не возвратиться к привычной жизни, когда узнал, каких трудов стоит начать все сначала?

— Ты ждала кого-то другого? — растерялся Кент и превратился в того мальчика на лестнице.

Бритт-Мари потрясенно покачала головой. Он улыбнулся:

— Я получил открытку. И я... ну... аудитор проверил, что ты сняла деньги из банкомата, — сказал он почти смущенно и кивнул на дорогу в направлении города.

Бритт-Мари не знала, что ответить, и он продолжил:

— Я спрашивал про тебя в пиццерии. Эта, в инвалидном кресле, не хотела рассказывать, где ты живешь, но там какие-то мужики пили кофе, они и рассказали, с большой охотой. Ты их знаешь?

— Нет, — прошептала Бритт-Мари, не зная, лжет она или говорит правду.

Кент протянул ей цветы:

— Я, дорогая, черт возьми... Прости! Я, она, эта бабенка, она ничего не значит. Все кончено. Ведь я люблю тебя. Черт. Любимая!

Бритт-Мари встревоженно смотрела на палку, на которую он опирался.

— Что, вообще говоря, случилось?

Кент махнул рукой.

— А, да не заморачивайся, врачи хотят, чтобы я какое-то время после приступа походил с палкой — и все. Шасси немного прижавели, человек же простоял в гараже целую зиму, — усмехнулся он и кивнул на свои ноги.

Бритт-Мари так хотелось взять его за руку.

Следовало пригласить его войти, но Бритт-Мари это представлялось чем-то неестественным. Никогда такого не было, даже в пору их отрочества. В родительском доме Бритт-Мари не разрешалось приглашать мальчиков к себе в комнату, мать Бритт-Мари считала это неуместным, так что Кент оказался первым мальчиком, которого Бритт-Мари пригласила войти. После смерти матери. Этот мальчик остался у нее. Сделал ее дом своим, а свою жизнь — ее жизнью.

Так что сейчас обоим естественнее всего показалось покататься по Боргу в БМВ — в машине им всегда бывало лучше всего. Кент сел на водительское место, Бритт-Мари — рядом. Можно сделать вид, что они просто проезжают этот город. Покидают Борг, как покидают места, откуда посылают открытки, потому что открытки посылает только тот, кто собирается уехать; тот, кто живет, посылает письма.

Они прокатились до города, потом обратно. Рука Кента лежала на рычаге переключения передач. Бритт-Мари осторожно положила здоровую ладонь на его руку. Чтобы почувствовать, что они едут в одном направлении. Рубашка Кента была измята, на животе темнели кофейные пятна. Бритт-Мари вспомнились слова Сами — о детях, которые словно живут на дереве. Кент выглядел так, будто свалился с дерева во сне и по пути пересчитал все ветки. Он виновато улыбнулся:

— Я не нашел этот дурацкий уют. Без тебя дома никакого порядка нет. Сама понимаешь, любимая.

Бритт-Мари молчала. Что люди подумают? Скажут: жена бросила его, когда он ходил с палочкой, и все такое. Безымянный палец похолодел. Слава богу, на нем повязка и Кент его не видит. Бритт-Мари знала, что Кент ее предал, но не может отделаться от чувства, что и она его предала. Чего стоит любовь, если бросаешь того, кто так в тебе нуждается?

Кент кашлянул и сбавил скорость, хотя дорога была пуста. Раньше Бритт-Мари никогда такого не видела. Чтобы он сбавлял скорость без нужды.

— Врачи говорят, что у меня и раньше со здоровьем было неважно. В смысле — задолго до приступа. Я не был собой. Теперь пью какие-то дурацкие таблетки, антидепрессивные или как их там.

Он сказал это так, как озвучивал свои планы: как что-то само собой разумеющееся. Будто то, что заставляло его приходить домой поздно и пахнуть пиццей, было чем-то вроде заводского брака, который удалось легко устранить, и теперь все хорошо.

Бритт-Мари хотелось спросить, почему он просто не позвонил, ведь у нее есть мобильный телефон. Но она понимала: он был уверен, что она не знает, как его включить. Поэтому Бритт-Мари промолчала. Когда они снова въехали в Борг, Кент, глядя в окно, сказал:

— Ну и в дыру тебя занесло! Как твоя мама говорила про такие поселки? «За гранью прекрасного»?

— «За гранью добра и зла».

— Шутница была твоя мама. И какая ирония судьбы в том, что ты сюда попала, а? Ты же сорок лет, считай, из квартиры не выходила!

Кент как будто пошутил, однако Бритт-Мари не поняла юмора. Когда же они остановились перед домом Банк, Кент дышал так тяжело, что Бритт-Мари поняла — ему больно. Слезы у него на глазах — вот первое, что она увидела. Их не было, даже когда он хоронил свою мать. Бритт-Мари тогда держала его за руку.

— Все кончено. С ней. С той бабенкой. Она никогда ничего не значила. Не то что ты.

Он держал ее за здоровую руку, нежно глядя пальцы, и тихо говорил:

— Мне нужно, чтобы ты была дома, любимая. Ты нужна мне там. Не надо выбрасывать на помойку всю нашу жизнь только из-за того, что я один-единственный раз сделал глупую ошибку!

Бритт-Мари смахнула невидимые крошки с его рубашки. Понюхала цветы. Они пахли как обычно.

— Приглашать мальчиков в комнату не положено. В любом возрасте, — прошептала она.

Кент расхохотался. Щеки у Бритт-Мари пылали.

— Завтра? — крикнул он вслед, когда она вышла из машины.

Бритт-Мари кивнула.

Потому что жизнь больше, чем твое место в ней. Чем ты сам. Жизнь — это общность. Частицы тебя в ком-то другом. Это воспоминания, стены, шкафы с ящиками, в которых ты точно знаешь, что и как лежит. Это оптимально устроенная повседневность, так что образуется удобная обтекаемая конструкция на двоих. Это совместное бытие обыденных вещей. Цемент и камня, пульта и кроссворда, рубашек и соды, шкафчика в ванной и бритвы на третьей полочке. Вот для чего нужна Бритт-Мари. Если она не с Кентом, то в доме ничего уже не будет как обычно. Ее ценность, бесценность, незаменимость — именно в этом.

Бритт-Мари поднялась к себе. Открыла ящики. Сложила полотенца. Зазвонил мобильный, на дисплее высветился номер девушки из Службы занятости, но Бритт-Мари выключила телефон. Всю ночь она сидела в одиночестве на балконе. Рядом стояли собранные сумки.



— Ты смотришь так, как будто осуждаешь меня. Я этого, с твоего позволения, не одобряю, — сказала Бритт-Мари.

Не получив ответа, она продолжала чуть более дипломатично:

— Может, вы и не хотели смотреть на меня с осуждением, но я ощущаю ваш взгляд как осуждающий. Не получив ответа и на этот раз, Бритт-Мари уселась на табуретку, сцепив руки на коленях, и указала:

— С твоего позволения, полотенце лежит там, где лежит, чтобы ты вытирала лапы. А не для красоты.

Крыса ела сникерс. Молча. Но словно осуждая Бритт-Мари. Бритт-Мари фыркнула.

— Мне кажется, любовь — не обязательно фейерверки и симфонические оркестры, — попыталась защититься она. — Для некоторых любовь означает другое. Нечто благоразумное!

Крыса поела сникерса. Зашла на полотенце. Возвратилась к сникерсу.

— Кент — мой муж. Я — его жена. Так что я категорически не собираюсь выслушивать нотации от крысы. — Бритт-Мари перецепила руки на коленях и прибавила: — Хотя ничего плохого в этом нет. В смысле — что вы крыса. Наоборот, это просто прекрасно — быть крысой.

Крыса не выказывала ни малейших попыток стать кем-то другим.

— Понимаете, меня это так долго печалило... — выдохнула Бритт-Мари.

Крыса ела сникерс. Дети играли в футбол на парковке перед молодежным центром. В открытую дверь виднелся БМВ Кента. Сам он играл с детьми, он им нравился. Кент всем нравится, кто видит его в первый раз. Нужны годы, чтобы разглядеть его плохие стороны. У Бритт-Мари получилось наоборот.

Кстати, верное ли это слово — «печалило»? Бритт-Мари стала искать более точное слово, — будто кроссворд разгадывала. По вертикали: «Делало грустным». «Отнимало радость». Или даже: «Закрепляло дровяной отопительный прибор у пристани», если кроссворд составлял какой-нибудь шутник, любитель выворачивать слова наизнанку. Лично

Бритт-Мари относилась к таким вывертам скептически, предпочитая более серьезный подход.

«Угнетало», наверное, будет точнее.

Бритт-Мари это давно угнетало.

— Вам это, конечно, покажется чепухой, но в известном смысле в Борге я не чувствую такой угнетенности, как дома, — объяснила она крысе.

Крыса снова зашла на полотенце. Словно обдумывая, доесть ли сникерс или попросить завернуть его с собой и забрать туда, где никто не разглагольствует за ужином о тяготах жизни.

— Меня никто не заставлял жить так, как я жила. Я могла все изменить. Могла бы устроиться на работу, — сказала Бритт-Мари — и поняла, что защищает Кента, а не себя.

Но это правда. Она могла бы устроиться на работу. Кент лишь думал, что ей стоит немного погодить. Ну, пару лет. А то кому заниматься домом, спрашивал он, — и по тому, как он спрашивал, Бритт-Мари понимала, что себя в качестве альтернативы он не видит. Погодив несколько лет дома с матерью, Бритт-Мари погодила еще несколько лет дома с детьми Кента, а потом заболела мать Кента, и Бритт-Мари погодила дома еще несколько лет с матерью Кента. Кент считал, что это оптимально, речь-то о переходном периоде, пока Кент не реализует свои планы. В любом случае для всей семьи лучше, если Бритт-Мари будет дома во второй половине дня, если на ужин приглашены немцы. Под «всей семьей» подразумевались все, кроме Бритт-Мари. «Экономия на представительских расходах», объяснял это Кент, но не уточнял, за чей счет.

Несколько лет превратились в еще несколько лет, а еще несколько лет превратились в жизнь. И однажды утром обнаруживаешь, что позади осталось больше жизни, чем впереди, и не понимаешь, как так вышло.

— Я могла бы устроиться на работу. Остаться дома — мой выбор. Я не жертва, — подчеркнула Бритт-Мари.

Она не стала делиться с крысой, насколько была близка к тому, чтобы все изменить. Ведь Бритт-Мари ходила на собеседования. Не один раз. Кенту она ничего не говорила, потому что он спросил бы только, какая зарплата, и, услышав сумму, рассмеялся и ответил: «Давай лучше я буду платить тебе, чтобы ты оставалась дома?» И считал бы это удачной шуткой, но Бритт-Мари такие шутки понимать не дано. Вот она ничего и не рассказывала. На собеседование Бритт-Мари всегда являлась заранее, так что в приемной обязательно ждал кто-нибудь еще. Почти все — молодые женщины. Одна из них заговорила с Бритт-Мари — она и представить себе не могла, чтобы кто-нибудь в возрасте Бритт-Мари искал подобную работу.

У женщины было трое детей, и от нее ушел муж. Один из детей тяжело болел. Когда молодую женщину позвали в кабинет, Бритт-Мари уехала домой. О Бритт-Мари можно сказать многое, но уж точно не то, что она способна украсть работу у того, кому она нужнее.

Конечно, этого Бритт-Мари крысе не рассказала, — не хотела выглядеть мученицей. Неизвестно, что пришлось пережить самой крысе. Может, она потеряла всех родных во время террористической атаки, про такое и в газетах пишут. А некоторые склонные к драматизму составители кроссвордов даже вставляют туда даты разных терактов. Не то чтобы Бритт-Мари особенно любила подобную драматизацию, но это все-таки лучше, чем шутовские выверты.

— Видите ли, у Кента была такая нагрузка! — объясняла Бритт-Мари крысе.

Потому что это правда. Потому что он обеспечивал семью. Работа занимает много времени, а время надо уважать.

— Чтобы узнать человека, требуется много времени, — говорила Бритт-Мари крысе, все тише и тише с каждым словом.

Он ступает на пятку, когда ходит. Кент. Пусть и не все это замечают. Во сне он сворачивается клубочком, словно мерзнет, сколькими бы одеялами Бритт-Мари его ни укрыла. Он боится высоты.

— И он исключительно эрудированный человек, особенно в том, что касается географии! — подчеркивает она.

Как хорошо решать кроссворд, когда рядом с тобой на диване сидит человек, разбирающийся в географии. Такого поди найди! Любовь не обязательно фейерверк. Существуют столицы из пяти букв, как существует и место в жизни, о котором точно знаешь, что пора его подновить.

— Он может измениться, — хотела сказать Бритт-Мари громко и уверенно — но получилось только шепотом.

Но почему бы ему не измениться? Ему даже не надо становиться новым человеком — достаточно, чтобы он стал таким, каким был до той женщины. Он ведь принимает лекарства, а они творят настоящие чудеса, эти современные лекарства.

— Несколько лет назад клонировали овцу, можете себе представить? — сообщила крысе Бритт-Мари.

Тут крыса отвернулась и ушла.

Бритт-Мари убрала тарелку. Вымыла. Навела порядок. Моя окна, глядела, как Кент играет в футбол с Омаром и Дино. Бритт-Мари тоже может измениться, она уверена. Ей незачем печалиться. Красивой она,

может, уже не станет, но печалиться не нужно. Жизнь, может, не изменится, если она поедет домой с Кентом, но во всяком случае станет обычной.

— Я не готова к необычной жизни, — обратилась Бритт-Мари к крысе, забыв, что крыса уже ушла.

Чтобы узнать человека, требуется много времени. Она не готова узнавать кого-то нового. Она приняла решение научиться жить с тем, кто она есть.

Бритт-Мари стояла в дверях; Кент у нее на глазах забил гол — подскочил, опираясь на палку, и сделал пируэт в воздухе. Вряд ли это рекомендуется после сердечного приступа, но Бритт-Мари воздержалась от критики, ведь Кент выглядел таким счастливым. А счастье наверняка оказывает благотворное воздействие на человека, пережившего сердечный приступ.

Омар занял, чтобы его покатали на БМВ (аргумент — «это самый жир»), и Бритт-Мари, уловив, что это скорее позитивная оценка, вновь воздержалась от критики. Кент возил Омара и Дино туда-сюда по парковке и, видимо, рассказывал им, сколько стоит машина, а им это, видимо, безумно нравилось. На третьем круге Кент дал Омару порулить, и лицо у мальчика сделалось такое, словно ему разрешили оседлать дракона и невозбранно рубиться на мечах в помещении.

Из пиццерии вышел Свен; он был без полицейской формы, поэтому Бритт-Мари заметила его, только когда он оказался в нескольких метрах. Он посмотрел на БМВ, на Бритт-Мари, откашлялся.

— Здравствуй, Бритт-Мари.

— Здравствуй, — удивленно ответила она и вцепилась в сумочку. Свен глубоко засунул руки в карманы, словно подросток. Он был в рубашке, волосы были приглажены мокрой щеткой. Он не сказал, что все это ради нее. Прежде чем Бритт-Мари успела сказать что-нибудь неблагоразумное, благоразумие успело выпалить:

— Это мой муж!

Бритт-Мари указала на БМВ. Руки Свена ушли в карманы еще глубже. Увидев Свена и Бритт-Мари, Кент остановил машину, вышел, одной рукой самоуверенно поигрывая палкой, и протянул другую Свену; рукопожатие оказалось чуть сильнее и дольше, чем полагается.

— Кент! — хохотнул Кент.

— Свен, — проямлил Свен.

— Мой муж, — напомнила Бритт-Мари.

Рука Свена снова скрылась в кармане. Одежда ему как будто жала.

Бритт-Мари так стискивала сумочку, что сперва заболели пальцы, а потом и все тело. Кент невозмутимо ухмылялся:

— Классные пацаны! Этот, кучерявый, будет предпринимателем!

И он засмеялся, кивнув на Омара. Бритт-Мари уставилась в землю. Свен решительно поднял взгляд на Кента.

— Здесь нельзя парковаться, — заметил он, не вынимая рук из карманов и указав на БМВ локтем.

— Да ладно, — устало отмахнулся Кент.

— Сказано вам, здесь нельзя парковаться, и в этом поселке нельзя давать подросткам управлять транспортным средством. Это безответственно! — упорствовал Свен; в нем внезапно вспыхнула злость, которой Бритт-Мари прежде не замечала.

— Да успокойся ты, — надменно усмехнулся Кент. Свен дернулся.

— Я спокоен, я офигенно спокоен, уверяю вас! Я ходил на курсы!

Он яростно тыкал указательными пальцами в подкладку карманов:

— Вы не имеете никакого на фиг права тут парковаться, а сажать детей за руль — это незаконно, намотайте себе это на ус, откуда бы вы там ни приехали...

Последние слова он произнес на тон ниже, словно пошел на попятную. Кент, опершись на палку, чуть смущенно кашлянул. Посмотрел на Бритт-Мари (она не ответила на его взгляд) и прищурился на Свена.

— А ты кто такой? Легавый, что ли? — поинтересовался он.

— Представьте себе!

— О черт, — расхохотался Кент, тут же сделал серьезное лицо, вытянулся по стойке «смирно» и вскинул руку к невидимому козырьку.

Свен, весь красный, не отрывал взгляда от молнии своей куртки. Бритт-Мари, задохнувшись, шагнула вперед, словно собиралась разнимать мужчин, но ограничилась тем, что встала на гравии, сдвинув каблуки, и сказала:

— Кент, пожалуйста, отгони машину. Она стоит прямо посреди футбольной площадки.

Кент вздохнул, коротко кивнул ей в ответ и поднял обе руки:

— Конечно, конечно, шериф. Нет проблем! Только не стреляйте!

Он демонстративно шагнул к Бритт-Мари. Она не помнила, когда он в последний раз целовал ее в щеку.

— Я поселился в городе, в гостинице. Крысиная нора, конечно, — ну знаешь, как во всех этих городишках, но напротив есть ресторан. Вполне ничего в таких-то обстоятельствах, — сказал он так, чтобы Свену было слышно.

При слове «обстоятельствах» Кент пренебрежительно обвел рукой пиццерию, молодежный центр и дорогу. И демонстративно газанул, трогаясь с места. Отогнав машину, он вручил Омару свою визитку, потому что раздавать визитки Кент любит не меньше, чем рассказывать, что у него сколько стоит. Мальчик, кажется, впечатлился. Когда во время всего этого Свен повернулся и ушел, Бритт-Мари не знала, но тут его уже не было.

Она стояла одна. Внутри ее что-то упало и разбилось вдребезги, а значит, и незачем было его распаковывать, уговаривала она себя. Потому что теперь уже поздно начинать новую жизнь.

Ужинали они с Кентом в городском ресторане. Белые скатерти, меню без фотографий, и к столовым приборам здесь явно относились серьезно. По крайней мере, для них это не шутки. Кент говорил, как ему без нее одиноко. «Пропадаю», — повторял он. У Бритт-Мари создалось впечатление, что он относится к ней серьезно. По крайней мере, для него это не шутка. Ремень у него старый, облезлый, и Бритт-Мари догадалась, что Кент не нашел своего обычного, который она приготовила перед самым своим уходом. Ей хотелось сказать, что ремень лежит свернутый во втором ящике гардероба в спальне. В их спальне. Хотелось, чтобы он окликнул ее по имени.

Но он только поскреб щетину и, стараясь выглядеть невозмутимым, спросил:

— А этот полицейский... он... как вы стали... друзьями?

Бритт-Мари приложила все усилия, чтобы выглядеть такой же невозмутимой, и ответила:

— Он просто полицейский, Кент.

Кент кивнул, тяжело моргая.

— Поверь мне, любимая, я знаю, что осрамился. Но теперь все кончено. Я никогда больше с ней не встречусь. Ты ведь не станешь наказывать меня всю жизнь за один-единственный неверный шаг? — Потянувшись через стол, он ласково взял ее за руку в повязке.

На его пальце блестело обручальное кольцо. Белое пятно на пальце Бритт-Мари пылало огнем. Кент гладил руку в бинтах, словно их там не было.

— Ладно, любимая, ты со мной поквиталась. Теперь я все осознал!

Она кивнула. Потому что это правда. Она не хотела, чтобы он страдал, она хотела только, чтобы он понял свою ошибку.

— Ты, конечно, думаешь, что затея с футбольной командой — чепуха, — шепнула она.

— Смейся? По-моему, это потрясающе! — воскликнул Кент.

Принесли заказ. Кент выпустил ее руку, и Бритт-Мари тут же затосковала по его руке. Ощущение как в парикмахерской, когда тебя подстригли гораздо короче, чем хотелось.

Бритт-Мари аккуратно расстелила на коленях салфетку, осторожно погладила ее, словно та спала, и прошептала:

— Я тоже. Я тоже думаю, что это потрясающе.

Кент просиял, подался вперед. Заглянул ей глубоко в глаза.

— Послушай, любимая, давай так: ты побудешь здесь, пока ребята не сыграют матч, о котором болтал тот кучерявый. А потом мы поедem домой. В нашу жизнь. О'кей?

Бритт-Мари сделала вдох — такой глубокий, что закололо где-то на полпути, и прошептала:

— Я подумаю.

— На твое усмотрение, — кивнул Кент и остановил официантку, чтобы попросить перцу, хотя еду еще даже не попробовал.

Они заказали самую обычную еду, но прежде чем благоразумие успело остановить Бритт-Мари, у нее в голове пронеслась мысль, не рассказать ли Кенту, как она ела такос. Хотелось, чтобы он знал: в ее жизни в последнее время тоже много чего произошло. Но она промолчала, потому что всему есть границы, к тому же Кент как раз собрался рассказать о своем бизнесе с немцами.

Бритт-Мари заказала картошку фри; не потому, что она ее любит, просто когда они с Кентом ходят в ресторан, она всегда заказывает картошку фри. Вдруг он не наестся тем, что заказал себе.

Когда Кент, не спрашивая, потянулся через стол за ее картошкой, Бритт-Мари покосилась в окно — и ей показалось, что она увидела на улице полицейскую машину. Это, разумеется, чистой воды фантазия. Бритт-Мари смутилась и опустила глаза на салфетку: взрослая женщина — а воображает себе машину экстренных служб! Что люди подумают.

Кент отвез ее на тренировку и теперь ждал в БМВ. Банк тоже явилась, и Бритт-Мари предоставила футбол ей, а сама занялась преимущественно списком. Когда тренировка закончилась, Бритт-Мари едва помнила, что они делали, говорила она вообще с детьми и попрощалась ли с ними.

Кент отвез ее, Банк и собаку к дому Банк. Банк и собака вылезли, не спросив, сколько стоит машина, что, похоже, весьма задело Кента. Банк случайно чиркнула палкой по покрытию машины, вернее, первые два раза почти наверняка случайно. Кент сидел за рулем и тыкал в кнопки телефона,

а Бритт-Мари сидела и ждала, потому что это она умеет.

— Завтра у меня встреча с аудитором. Завязались, понимаешь ли, дела с немцами. Грандиозные планы!

Он энергично кивнул, подтверждая масштабность этих планов. Бритт-Мари ободряюще улыбнулась. Она уже открывала дверь, когда ей пришла в голову одна мысль, и Бритт-Мари, не додумав эту мысль, спросила:

— За какую команду ты болеешь?

— За «Манчестер Юнайтед», — ответил Кент и удивленно поднял на нее глаза.

Бритт-Мари кивнула и вышла из машины.

— Спасибо за приятный вечер, Кент.

Кент перегнулся через сиденье и посмотрел вверх, на нее.

— Когда вернемся домой, пойдем в театр, только мы с тобой. О'кей, любимая? Обещаю!

Бритт-Мари стояла в прихожей и смотрела в открытую дверь, как Кент уезжает. Потом заметила старушенций в саду по ту сторону улицы — они стояли, опираясь на свои ходунки, и сердито глазели на нее — и поспешно закрыла дверь. Банк сидела на кухне и ела бекон.

— Мой муж болеет за «Манчестер Юнайтед», — уведомила ее Бритт-Мари.

— Кто бы, блин, сомневался, — заметила Банк.

Как это следует понимать, Бритт-Мари даже не представляла. Но догадывалась, что это не комплимент. Отнюдь.



Следующее утро Бритт-Мари посвятила мытью балконной мебели. Ей будет не хватать этого стола и этих стульев. Старушенции с ходунками в саду по ту сторону дороги как раз забирали газеты из почтового ящика. Бритт-Мари в порыве социализации помахала им, но те в ответ только злобно вытаращились. И вернулись в дом, хлопнув дверью. Бритт-Мари почувствовала себя глупо.

Когда она спустилась на кухню, Банк жарила бекон, но вытяжку, конечно, не включила. Видимо, Банк это нравится, ее не волнует ни вонь подгоревшего мяса, ни что подумают соседи.

Бритт-Мари нерешительно остановилась в дверях. Банк ее словно не замечала, и Бритт-Мари дважды кашлянула, чувствуя себя обязанной объяснить с хозяйкой — после всего случившегося.

— Ты, разумеется, считаешь себя вправе знать насчет моего мужа, — начала она.

— Нет, — решительно ответила Банк.

— Хм, — с сожалением констатировала Бритт-Мари.

— Бекон? — буркнула Банк и плеснула на сковородку пива.

— Нет, спасибо, — ответила Бритт-Мари, без малейшего отвращения, и продолжила: — Он мой муж. Мы не развелись. Меня просто какое-то время не было дома. Это как отпуск. Но теперь, знаешь ли, мне пора домой. Я, конечно, понимаю, что тебе, возможно, таких вещей не понять, но он мой муж. В моем возрасте бросать мужа совершенно не годится.

Судя по виду Банк, ей меньше всего хотелось обсуждать отношения Бритт-Мари с Кентом.

— Точно не хочешь бекона? — буркнула она.

Бритт-Мари покачала головой:

— Нет, спасибо. Пойми: он не плохой человек. Он совершил ошибку, но ошибку может совершить каждый. Я уверена, у него было множество возможностей совершить ошибку раньше, но тогда он ее не совершал. Нельзя попрекать человека одной-единственной ошибкой целую вечность.

— Вкусный бекон, — искушала Банк.

— Существует долг. Долг супружества. Нельзя просто взять и

отмахнуться от него, — объяснила Бритт-Мари.

— Я бы предложила яичницу, если бы яйца были. Но их съела собака. Так что тебе придется довольствоваться беконом, — проворчала Банк.

— Нельзя бросать друг друга, когда всю жизнь прожили вместе!

— Будешь есть бекон, — постановила Банк и включила вытяжку. Кажется, потому, что ее утомил звук голоса Бритт-Мари, а не запах жареного мяса.

Бритт-Мари уперла пятки в пол.

— Я не ем бекон. Там много холестерина. Кент тоже его свел к минимуму, к твоему сведению, он был у врача осенью. У нас исключительно квалифицированный врач! Он иммигрант. Из Германии!

Банк включила вытяжку на максимальную мощность, так что Бритт-Мари пришлось перейти почти на крик:

— Нельзя уходить от мужа, если у него совсем недавно был сердечный приступ! Я не такая!

На стол перед ней с грохотом опустилась тарелка, жир брызнул на край стола.

— Ешь, — велела Банк.

Бритт-Мари отдала мясо собаке. Но о Кенте больше не говорила. Во всяком случае, пыталась не говорить.

— Что значит, когда человек болеет за «Манчестер Юнайтед», или как там они называются? — спросила она.

— Они постоянно выигрывают, — объяснила Банк с полным ртом бекона. — Поэтому вообразили, что этого заслуживают.

— Ах-ха, — ответила Бритт-Мари.

Больше Банк ничего не сказала. Бритт-Мари встала, вымыла тарелку. Вытерла ее. Немного помедлила, на случай если Банк решит что-нибудь добавить, но Банк, кажется, вообще забыла о Бритт-Мари. Поэтому Бритт-Мари откашлялась и упрямо заявила:

— Кент — вовсе не плохой человек. Он не всегда выигрывал.

Собака смотрела на Банк так, словно полагала, что у той совесть должна быть нечиста. Кажется, Банк это поняла, судя по тому, что ела она в еще более мрачном молчании, чем всегда. Бритт-Мари уже вышла из кухни, надела пальто и аккуратно уложила список в сумочку, когда собака на кухне заворчала, Банк громко простонала в ответ, а потом крикнула в прихожую:

— Подбросить тебя?

— Прошу прощения?..

— Подвезти тебя до центра?

Бритт-Мари вытаращилась на Банк, едва не уронив сумочку.

— Подвезти? Как... я... нет, все в порядке... спасибо. Я не хочу... не знаю... я, конечно, никого не осуждаю, но как...

Увидев на лице у Банк довольную ухмылку, она замолчала.

— Я почти слепая. Я не вожу машину. Я пошутила, Бритт-Мари.

Собака посмотрела на нее ободряюще. Бритт-Мари поправила волосы.

— Ах-ха. Это... крайне любезно с твоей стороны.

— Не переживай ты так, Бритт-Мари! — прокричала Банк ей в спину.

Что ответишь на подобные нелепые домыслы?

Бритт-Мари дошла до досугового центра пешком. Прибралась. Вымыла окна и стала смотреть через них на мир. Теперь она видела его иначе, чем когда только приехала в Борг. «Факсин» позволяет человеку увидеть мир иначе.

Она сервировала сникерс на тарелке возле двери. Пересекла футбольное поле, которое когда-то считала парковкой. У пиццерии стояла полицейская машина Свена. Бритт-Мари сделала глубокий вдох и вошла.

— Привет, — поздоровалась она.

С воплем «Бритт! Здорово!» Личность выкатилась из кухни, с кофейником на отлете.

Свен стоял у кассы, сегодня он был в полицейской форме. Он торопливо снял фуражку и теперь держал ее в руках.

— Здравствуй, Бритт-Мари, — улыбнулся он и как будто подрос на пару сантиметров.

Тотчас от окна донесся другой голос:

— Доброе утро, любимая!

Кент пил кофе. Он сидел разувшись и водрузив ноги на соседний стул. Это один из его главных талантов — оказавшись где угодно, пить кофе с удобством, словно в собственной гостиной. Никто так не владеет искусством чувствовать себя как дома где угодно и без приглашения, как Кент.

Свен сжался, словно ему не хватало воздуха. Бритт-Мари постаралась не подать виду, что ее сердце сбилось с ритма.

— Я думала, тебе надо к аудитору, — выговорила она.

— Скоро поеду. Этот парень, Омар, хотел кое-что мне показать, — улыбнулся Кент, словно времени у него сколько угодно, потом глумливо подмигнул Свену и громко объявил: — Не волнуйтесь, шериф, я сегодня не паркуюсь незаконно. Я оставил машину на другой стороне дороги.

Свен вытер ладони о штаны и, глядя в пол, ответил:

— Там тоже нельзя.

Кент кивнул с нарочитой серьезностью:

— Выпишете штраф, шериф? Вы принимаете наличные?

Он выложил на стол свой кошелек — такой толстый, что Кенту приходится прихватывать его резинкой, чтобы засунуть в карман брюк. Потом рассмеялся, словно это просто шутка. У него это хорошо получается, у Кента, — делать вид, что все это просто шутка. И попробуй обидеться, ведь Кент сразу говорит: «Да ну брось, у тебя что, нет чувства юмора?» Человек с неважным чувством юмора в этом мире всегда в проигрыше.

Свен смотрел в пол.

— Я не выписываю штрафы. Я не дежурный по парковке.

— О'кей, шериф! О'кей! Хотя свою машину шериф паркует там, где шерифу нравится, — ухмыльнулся Кент и кивнул в окно на полицейскую машину.

Прежде чем Свен успел ответить, Кент крикнул Личности:

— Не волнуйтесь, за кофе шерифа плачу я! Все равно мы, налогоплательщики, платим шерифу зарплату, так что просто запишите на мой счет!

Свен молча положил деньги на прилавок, потом тихо сказал Личности:

— За свой кофе я и сам заплачу.

После чего покосился на Бритт-Мари и проямлил:

— Я возьму с собой, если можно.

Бритт-Мари хотела ответить ему, но не успела.

— Погляди-ка вот, любимая! Я их напечатал для того парнишки, Омара! — во всю глотку проорал Кент, размахивая целым веером визиток.

Поскольку никто во всей пиццерии не сорвался с места и не подбежал к его столику, Кент очень обстоятельно поднялся и вздохнул, словно сокрушаясь, что ни у кого из присутствующих не обнаружилось чувства юмора. Потом в одних носках прошествовал к кассе (у Бритт-Мари внутри все кричало) и протянул визитку Свену.

— Вот, шериф! Возьмите визитную карточку!

Потом он с усмешкой показал одну карточку Бритт-Мари. На карточках значилось «Омар — Предприниматель!».

— В этом их городе даже типография есть. Напечатали в момент, и счастливы были по уши — заказчиков-то у них, у бедняг, нету! — весело рассказывал Кент, взяв слово «город» в невидимые кавычки.

Стоявший рядом Свен тяжело сглотнул. Личность налила ему кофе в пластиковый стаканчик. Свен взял его и направился к двери.

Проходя мимо Бритт-Мари, он замедлил шаг, торопливо взглянул ей в глаза.

— Хорошего... хорошего дня, — пожелал он.

— И тебе... да, я хотела сказать — вам тоже. И вам тоже хорошего дня, — ответила Бритт-Мари и прикусила щеки.

— Be careful out there, шериф! — предостерег Кент голосом телесериального персонажа.

Свен замер, опустив глаза. Бритт-Мари успела заметить, как он сжал кулак, аж костяшки побелели, а потом сунул руку в карман брюк. Словно загнал животное в мешок. Дверь за ним радостно звякнула.

Бритт-Мари растерянно стояла перед кассой. Просто удивительно, что может устроить Кент, он чувствует себя настолько как дома в любом месте, что Бритт-Мари тут же начинает чувствовать себя посторонней. Кент хлопнул ее по спине, помахал визитками.

— Кент, милый. Ты не мог бы надеть ботинки? — шепнула она.

Кент удивленно посмотрел на свои носки. И поджал большой палец, торчавший в дырку.

— Да-да, любимая. Разумеется. Мне все-таки уже пора. Отдай их тому парнишке, когда он придет!

Он театрально взмахнул рукой, так что брякнул браслет часов — ужасно дорогих, это знают и Бритт-Мари, и все, кто сталкивался с Кентом в очереди на автозаправке, — сунул визитки Бритт-Мари и чмокнул ее в щеку.

— Вернусь вечером! — крикнул он уже в дверях и в следующую секунду исчез.

А Бритт-Мари осталась — растерянная, как никогда в жизни, не знающая, что ей делать. И потому сделала то же, что обычно. Начала уборку.

Личность не вмешивалась. Может, ей было все равно, а может, как раз не было.

Омар появился в обед. Он тут же бросился к Бритт-Мари через всю пиццерию, словно они — двое последних людей на земле и у нее в руках последний на земле пакет картофельных чипсов.

— А Кент здесь? Он пришел? Он здесь? — Омар дергал Бритт-Мари за руку.

— У Кента встреча с аудитором. Он вернется вечером, — уведомила его Бритт-Мари.

— Я достал офигенные диски для его бэхи! Самый ж-жир! Сами проверьте, хотите?! Для друзей дисконт!.. — завывал Омар.

Бритт-Мари не стала уточнять подробности, поскольку допускала, что какой-нибудь грузовик, даже не собиравшийся останавливаться в Борге, стал чуточку легче на выезде из поселка, чем был на въезде.

Бритт-Мари отдала мальчику визитки, и он тут же уgomонился. И держал их так, словно они сделаны из бесценного шелка. Звякнула дверь, вошла Вега и даже не посмотрела на Бритт-Мари.

— Здравствуй, Вега! — сказала Бритт-Мари.

Вега ее проигнорировала.

— Здравствуй, Вега! — повторила Бритт-Мари.

— Гляди, какие ОФИГЕННО жирные визитки! Мне их Кент сделал! — выкрикнул Омар, сверкая глазами.

Вега встретила эту новость равнодушным молчанием и устремилась на кухню. Вскоре стало слышно, как она моет посуду — звук такой, будто в раковине что-то ползает, а Вега пытается это что-то убить. Личность выкатилась из кухни и виновато пожала плечами:

— Вега-то злая-презлая!

— Откуда ты знаешь? — спросила Бритт-Мари.

— Подросток. Сама взялась мыть посуду, ну. Значит, злая как не знаю кто.

Бритт-Мари пришлось признать, что в этом есть своя логика.

— А почему она разозлилась?

Тут встрял Омар:

— Узнала, что здесь был Кент, и поняла, что вы решили свалить!

Сам он, похоже, особенно не огорчился — возможно, смена футбольного тренера на перекупщика автомобильных дисков представлялась ему удачной сделкой.

— Я останусь в Борге до соревнований, — сказала Бритт-Мари — не то себе, не то остальным.

Но мальчик ее, кажется, не услышал. Даже не поправил «соревнования» на «кубок». А Бритт-Мари этого почти хотелось.

Вошли мужчины в бородах и кепках. Они сели пить кофе и читать газеты, делая вид, что Бритт-Мари здесь нет, но сегодня они выглядели более раскрепощенными — словно знали, что скоро им не надо будет делать этот вид.

Явился Карл в красной кепке — за очередной посылкой. Бритт-Мари уже решила спросить, что в посылке, но дверь успела звякнуть за ним

раньше, чем Бритт-Мари успела открыть рот. Личность разъезжала взад-вперед, поедая кукурузные хлопья из пакета. Бритт-Мари не принесла ей тарелку. А Личности, судя по ее виду, почти хотелось, чтобы Бритт-Мари это сделала.

— Карл строит эту, как ее? Теплицу! — Реплику сопровождал фонтан из кукурузных крошек.

— Прошу прощения? — попросила прощения Бритт-Мари, стряхивая крошки с жакета.

— Теплицу. Ну, теплую такую, для растений, — объяснила Личность.

— Ах-ха. То есть во всех его посылках — теплица?

— Ну! Когда Карл с женой стали Карлом и женой, была пятница. С тех пор каждую пятницу вот уже четырнадцать лет Карл покупает цветы. Потом — финансовый кризис, бюро перевозок закрылось, все позакрывалось, Карл был этим, как его? Механиком, ремонтировал грузовики! А теперь — безработный. Цветочный магазин в Борге закрылся. Ни денег, ни цветов. Вот Карл и строит теплицу в саду, чтобы жена Карла каждую пятницу получала цветок!

Личность высыпала остатки хлопьев из пакета в рот, причем больше половины оказалось у нее на кофте.

— Еще поэма есть, это, как его? «Но любовь из них больше...», а?

— Это из Библии, — возразила Бритт-Мари. Это, из них большее, то и дело попадает в кроссвордах.

У Веги явно закончилось чем греметь на кухне, и она устремилась к входной двери.

— Ах-ха. Ты, конечно, на улицу? — благожелательно спросила Бритт-Мари.

— А то вам не все равно, — фыркнула Вега.

— А вернешься к началу тренировки?

— А какая, блин, разница?

— Надень хотя бы куртку? На улице холодно...

— Пошла на хрен, старая перечница! Валила бы домой, к своей гребаной жизни со своим гребаным муженьком!

Вега хлопнула дверью. Дверь радостно звякнула. Омар, подхватив визитки, умчался за сестрой. Бритт-Мари окликнула его, но он или не слышал, или ему было все равно. Дверь звякнула.

Бритт-Мари в угрюмом молчании взялась за уборку пиццерии. Никто не пытался ей помешать.

Закончив, Бритт-Мари опустилась на кухонную табуретку. Личность

сидела рядом, потягивая пиво. И задумчиво разглядывала Бритт-Мари.

— Пивко, Бритт-Мари. Хочешь?

Бритт-Мари взглянула на нее расширенными глазами.

— А знаешь что? И правда. Я и правда выпила бы пива.

Они пили пиво и ничего больше не говорили. Бритт-Мари уже сделала два или три глотка, когда дверь снова звякнула. Бритт-Мари как раз успела выскочить из кухни, когда в пиццерию вошел молодой мужчина; непривычная к таким дозам спиртного среди бела дня, Бритт-Мари не сразу заметила, что у мужчины на лице — черная балаклава. Зато это заметила Личность. Поставив пиво на пол, она подкатила к Бритт-Мари и дернула ее за рукав жакета.

— Бритт-Мари. На пол. Живо!

И тогда Бритт-Мари увидела пистолет.



Странное ощущение, когда смотришь в дуло пистолета. Тебя словно засасывает. Туда падаешь. Через несколько часов в пиццерии появятся полицейские из города и спросят, может ли Бритт-Мари описать молодого человека, что на нем было, высокого он роста или нет, говорил он на диалекте или с акцентом. Но единственная особая примета, которую Бритт-Мари сможет назвать, это — «у него был пистолет». Одному из полицейских придется даже объяснить ей: грабителю просто нужны деньги, и «не стоит воспринимать это как что-то личное».

Полицейским легко говорить, но, когда на тебя направлен пистолет, НЕ воспринимать это дело как личное довольно-таки трудно, в этом Бритт-Мари безоговорочно уверена.

— Открывай, мать твою, гребаную кассу! — зашипел грабитель.

Потом, задним числом, она вспомнит, что грабитель обратился к ней как будто она механизм, а не человек. Личность попыталась подъехать к кассе, но Бритт-Мари встала у нее на пути, словно вмерзла в пол.

— ОТКРЫВАЙ КАССУ! — гаркнул грабитель так, что и Личность, и мужчины в кепках инстинктивно заслонились руками — словно это могло их спасти.

А Бритт-Мари замерла на месте. Ужас парализовал ее настолько, что она была не в состоянии даже испугаться. И сама не понимала, почему она так поступила, но есть вещи, которых человек о себе не узнает, пока ему в лицо не направят пистолет. И вот Бритт-Мари — к своему изумлению и к ужасу Личности и мужчин — услышала собственный голос:

— Сначала купите что-нибудь.

— ОТКРЫВАЙ! — орал грабитель.

Бритт-Мари не шелохнулась. Положила забинтованную руку на здоровую. Руки дрожали, но такой уж сегодня день, что Бритт-Мари решила: с нее достаточно. И поэтому ответила со всей возможной благожелательностью:

— Видите ли, чтобы открыть кассу, надо пробить какую-то сумму. Иначе начнется путаница с чеками.

Пистолет в руке грабителя ходил ходуном. В равной степени от удивления и растерянности.

— НУ ТАК ПРОБИВАЙ, МАТЬ ТВОЮ!

Бритт-Мари сложила руки на животе. Пальцы были скользкие от пота. Но что-то внутри нее, вопреки категорическим протестам здравого смысла, приняло решение сейчас, несмотря ни на что, хоть немного постоять за себя.

— Но поймите же: нельзя просто ввести первые попавшиеся цифры. Касса пробьет неправильный чек.

— ДА СРАЛ Я НА ТВОИ ГРЕБАНЫЕ ЧЕКИ, СТАРАЯ ДУРА! ОТКРЫ... — надсаживался грабитель.

— Повышать голос нет никаких оснований, — решительно перебила его Бритт-Мари и терпеливо добавила: — Как нет никакой необходимости, голубчик, прибегать к подобному лексикону!

Тут на Бритт-Мари налетело инвалидное кресло и ударило ее под колено, — так что все трое — Личность, кресло и Бритт-Мари — оказались на полу. Одновременно грохнул выстрел, так что в ушах завыло, а пространство сместилось. Люминесцентные трубки осыпались снегопадом осколков, и Бритт-Мари не понимала, на спине она лежит или на животе, где стены, а где — пол. Она слышала, как Личность тяжело дышит ей в ухо и как вдалеке вроде бы что-то звякает.

Потом она разобрала голоса Веги и Омара.

— Что за х... — начала Вега, и Бритт-Мари невольно вскочила на ноги, хотя в ушах у нее звенело, а благоразумие во весь голос кричало, что надо взять себя в руки и полежать на полу, как цивилизованные люди.

Многого о себе не узнаешь, пока не станешь собой: на что ты способен, насколько ты отважен. Грабитель повернулся к Веге и Омару, в прорезях балаклавы полыхнула ярость:

— Едрить вашу мать, какого, сука, хрена вы тут забыли?

— Псих? — прошептал Омар.

— ВЫ КАКОГО ЛЫСОГО ЗДЕСЬ ОШИВАЕТЕСЬ? Я ЖЕ ДОЖИДАЛСЯ, ПОКА ВЫ ОТВАЛИТЕ! НА ХЕРА ВЫ СЮДА ПРИПЕРЛИСЬ, ЗАСРАНЦЫ ДОЛБАНЫЕ?

— Я забыла куртку, — вымолвила Вега.

Псих неистово размахивал пистолетом у нее перед носом, но Бритт-Мари уже встала между дулом и детьми, убедилась, что закрыла собой обоих и замерла, не подавшись назад ни на миллиметр. Снова вмерзла в пол — но теперь все вытесненные стремления вдруг расправились внутри

ее и стали той опорой, за которую она держалась.

— Все, с меня довольно! — угрожающе прошипела она.

И подумала, что впервые в жизни хотя бы шипит угрожающе.

Атмосферу, воцарившуюся после этого в помещении, точнее всего можно было бы описать как неоднозначную. Псих явно не знал, что делать с пистолетом. Остальные присутствующие замерли в ожидании его решения. Бритт-Мари недовольно глянула на ноги Психа:

— Я помыла пол.

— ДА ЗАТКНИСЬ ТЫ, МАТЬ ТВОЯ ВЕДЬМА! — выкрикнул Псих.

— А вот этого я не сделаю ни в коем случае, — ответила Бритт-Мари.

Из прорезей балалавы капал пот. Псих сделал два оборота на месте, с пистолетом на уровне глаз, и мужчины в кепках снова повалились на пол. Потом в последний раз с ненавистью глянул на Бритт-Мари и бросился бежать.

Дверной колокольчик радостно звякнул, и Бритт-Мари почувствовала, что ее тело сейчас лужицей растечется по полу. Верх снова перепутался с низом, и она не сразу поняла, что в вертикальном положении ее удерживают дрожащие руки Веги и Омара. Рукав жакета намок от слез, и она не знала ни чьи они, ни кто кого теперь обнимает — дети ее или она детей. Но когда дети стали оседать на пол, у нее неведомо откуда появились силы, чтобы устоять на ногах. Потому что таковы женщины вроде Бритт-Мари: они обретают силу, когда надо поддержать другого.

— Простите-простите-простите-простите, — задыхалась Вега.

— Ш-ш-ш, — шептала Бритт-Мари и укачивала ее и Омара.

— Простите, что я обозвала вас перечницей, — всхлипнула Вега.

— Я такое и раньше слышала, — утешала ее Бритт-Мари.

Она усадила детей на стулья. Укутала в пледы, налила им горячего шоколада из настоящего какао — именно этого просили дети Кента, когда были маленькие и просыпались среди ночи от кошмаров. Качество какао вызывало сомнения, потому что Личность клялась, что это «почти какао! Китайское!», но дети все равно были слишком потрясены, чтобы чувствовать вкус.

Омар твердил, что надо связаться с Сами, Вега то и дело набирала номер брата. Бритт-Мари попыталась их успокоить, она была почти уверена: Сами не имеет отношения к ограблению. Дети устали на нее открыв рот, а потом Омар прошептал:

— Вы не понимаете. Если Сами узнает, что Псих целился в нас из

пистолета, то найдет его и убьет. Надо связаться с Сами!

Номер Сами не отвечал. Дети испугались не на шутку. Бритт-Мари крепче укутала их в одеяла, сварила еще шоколада. А потом занялась тем, что умела. Тем, что у нее хорошо получалось. Принесла щетку, половую тряпку и соду, подмела осколки и стала мыть пол.

Закончив, она встала за кассу — и вцепилась в прилавок, чтобы не потерять сознание. Личность протянула ей таблетку от головной боли и еще пива. Мужчины в кепках и бородах встали из-за столика, принесли чашки и бесшумно поставили их на прилавок перед Бритт-Мари. Потом сняли кепки, опустили головы, ища что-то в газетах и, найдя, протянули ей.

Приложения с кроссвордами.



Бритт-Мари не знала, чей голос услышала раньше — Кента или Свена. Свен приехал, потому что ему позвонила Вега, Кент приехал, потому что ему позвонил Омар.

На парковке с визгом затормозили полицейская машина и БМВ. Войдя в пиццерию, и Кент, и Свен побелели, уронили руки и застыли в дверях, уставившись на потолок и разбитую люминесцентную лампу. Потом так же неотрывно — на Бритт-Мари. Она видела, как они напуганы. Как терзаются — их не было здесь, они не защитили Бритт-Мари. Как мучаются — упустили шанс стать ее героем. Они тяжело сглатывали и явно не знали, как себя вести. А потом поступили так, как поступил бы в такой ситуации практически любой мужчина.

Стали обвинять друг друга.

— С вами все в порядке? — обратился к присутствующим Свен, но его перебил Кент. Он обвел помещение рукой и скомандовал:

— Сохраняем спокойствие до прибытия полиции!

Свен круто развернулся, как оскорбленный манекенщик:

— А на мне что, по-твоему, чертов яппи, маскарадный костюм?

— Я имею в виду настоящую полицию, которая способна **ОСТАНОВИТЬ** грабителя! — фыркнул Кент.

Свен сердито сделал два шажка вперед и вздернул подбородок:

— Ну да, ну да, сам ты, конечно, остановил бы его **КОШЕЛЬКОМ**!

Обе физиономии в одно мгновение сделались из белых красными. Таким злым Бритт-Мари Свена еще не видела. Вега, Омар и Личность, судя по выражению их лиц, — тоже. Кент, мгновенно сообразив, что его лидерство пошатнулось, повысил голос, чтобы вернуть контроль над ситуацией.

— Вы как, ребята? Нормально? — спросил он Вегу и Омара, протягивая им руку.

— Не смей их спрашивать! Ты даже не ЗНАЕШЬ этих детей! — отрезал Свен и оттолкнул руку Кента, после чего повернулся к ним и сам протянул руку: — Вы как, ребята? Нормально?

Вега и Омар растерянно кивнули. Личность попыталась вставить словечко, но ей не дали даже раскрыть рта. Кент влез перед Свеном, взмахнул руками:

— А теперь все успокоились и вызываем полицию.

— Я уже ЗДЕСЬ, БАРАНЬЯ БАШКА! — рыкнул Свен.

Бритт-Мари, преодолевая звон в ушах, кашлянула и попросила:

— Кент, пожалуйста. Свен, пожалуйста. С вашего позволения, прошу вас успоко...

Мужчины продолжали ссору как ни в чем не бывало, они жестикулировали и словно не слышали Бритт-Мари, словно поставили ее на паузу, нажав на кнопку пульта. Кент фыркнул, что на таких, как Свен, и пистолета не надо — подходи и бери голыми руками, Свен фыркнул в ответ, что Кент, «конечно, страшно смелый, когда сидит в БМВ с заблокированными дверьми». Кент рявкнул, что Свен «возомнил о себе» только потому, что он «единственный легавый на всю дыру», Свен в ответ — что Кент вообразил, будто «тут всеобщее восхищение покупается за визитки и тому подобное дерьмо». На что Кент крикнул: «Парень хочет быть предпринимателем!» — на что Свен гаркнул: «Предприниматель — это не работа!» — на что Кент съязвил: «Может, ему тогда стать полицейским? А? Сколько зарабатывает полицейский?» — на что Свен взбеленился: «У нас индексация зарплаты два и пять десятых процента в год, у меня прекрасные отчисления в личный пенсионный фонд! Я ходил на курсы!»

Бритт-Мари попыталась вклиниться между ними, но они ее по-прежнему в упор не видели.

— Кент, прошу тебя. Свен, прошу тебя, — снова начала она; но Кент жестикулировал еще озлобленнее, Свен взмахнул рукой, и в результате оба случайно угодили ей по лицу, так что Бритт-Мари упала навзничь.

Но мужчины не заметили и этого — они уже схватили друг друга за грудки.

— Я ходил на кууурсы, — глумливо передразнил Кент.

— Дергать полицейского за форму — это преступление! — зарычал Свен и рванул Кента за рубашку. — Пусти, кому говорят!

— Руки от рубашки! — взвыл Кент. — Ты знаешь, сколько она стоит?

— Фитюлька тщеславная, не сомневайся, Бритт-Мари тебя бросит! — вопил Свен.

— Бросит меня?! Уж не думаешь ли ты, что она останется с т-т-тобой или твоим славным охранником?! — орал Кент.

Бритт-Мари замахала руками, чтобы привлечь их внимание:

— Кент! Свен! Прошу вас, прекратите немедленно! Я только что вымыла пол!

Но все тщетно, каждый уже успел обрушить правый кулак на голову противника и сложиться пополам — словно в странном танце, сопровождаемом одышкой и сквернословием. Через секунду оба рухнули на дверь, словно упившиеся медведи, и в следующий миг дверь с диким грохотом разлетелась в щепки, а соперники приземлились в абсолютно не лестную для них кучу на парковке.

Бритт-Мари бросилась следом. Мужчины, подняв на нее глаза, внезапно замолчали — они сообразили, куда упали. Кент первым попытался встать на ноги.

— Любимая, ты же видишь: этот парень просто идиот!

— Он первый начал! — возмутился Свен и подполз ближе.

— Ты что, дурак?! — фыркнул Кент.

— Я-ааа?! Это тыыыы...

Вот теперь с Бритт-Мари довольно. Всего довольно. На нее кричали, ее толкали, ей угрожали пистолетом, а теперь ей снова придется подметать пол, потому что щепки от сломанной двери засыпали всю пиццерию. Всему есть предел!

Ее не слышали в первый, второй и третий раз. Поэтому она набрала полные легкие воздуха и произнесла со всей доступной ей решительностью:

— Позвольте попросить вас уйти отсюда.

Соперники ее все равно не слышали, поэтому Бритт-Мари поступила так, как поступала в последний раз лет двадцать назад, когда один из ее цветочных горшков упал с балкона. Она крикнула:

— А НУ ВОН ОТСЮДА! ОБА!

Пиццерия затихла, словно сюда ворвался еще один бандит с пистолетом. Кент и Свен стояли разинув рот и издавали звуки, которые непременно стали бы словами, если бы рты после каждого слога закрывались. Бритт-Мари укоренилась пятками в пол и указала на изломанную дверь:

— Вон отсюда. Немедленно.

— Но черт возьми, люби... — начал Кент, но Бритт-Мари рубанула воздух забинтованной рукой, что выглядело как прием из какой-нибудь

диковинной системы единоборств:

— Ты бы хоть спросил, что у меня с рукой. И тогда я поверила бы, что тебе не все равно.

— Я думал, любимая... я решил, что ты прищемила руку в посудомойке или вроде того... ты же знаешь, какая ты. Я не думал, что это что-то серьез...

— Потому что не спросил! — согласилась Бритт-Мари.

— Но... любимая... не обижа... — лепетал Кент. Свен выпятил грудь:

— Да-да! Вот именно! А теперь иди отсюда, тупой яппи, Бритт-Мари не хочет тебя больше видеть. Разве ты не понима... — раскомандовался Свен, исполнившись уверенности в себе.

Рука Бритт-Мари взлетела перед его носом, и Свена потоком воздуха отбросило назад.

— А ты, Свен! Откуда ты взял, что я хочу того и не хочу этого! Ты меня не знаешь! Даже я себя не знаю, это же очевидно, потому что обычно я так себя не веду!

Где-то в глубинах пиццерии Личность из последних сил удерживалась от смеха. Судя по виду Веги и Омара, им хотелось все это записать, чтобы не забыть ни одной детали. Бритт-Мари сосредоточилась, поправила волосы, счистила щепки с юбки, элегантно вложила забинтованную руку в здоровую и заявила — крайне заботливо и благожелательно:

— А теперь я буду убираться. Доброго вам вечера. Обоим.

Колокольчик звякнул за Кентом и Свеном, печально и фальшиво. Какое-то время они стояли на улице, крича друг на друга: «Вот видишь, что ты наделал?» Потом стало тихо.

А Бритт-Мари занялась уборкой.

Личность с детьми спрятались на кухне. Они не смели даже засмеяться.



Это не вина полицейских, ни в коем случае. Оба прибыли в Борг из города и наверняка просто хотели сделать свою работу в меру отпущенных им способностей.

Видимо, Бритт-Мари оказалась немного раздражительной. С людьми, в которых стреляют из пистолета, такое случается.

— Мы понимаем, что вы в состоянии шока, но нам нужно получить ответы на кое-какие вопросы, — попытался объяснить первый полицейский.

— Вас совершенно не беспокоит, что вы топчетесь в грязной обуви по только что вымытому полу. Вам это, наверное, приятно, — заметила Бритт-Мари.

— Мы уже сказали, что сожалеем. Очень сожалеем. Но, как мы уже несколько раз объяснили, нам надо допросить свидетелей на месте, — сделал заход второй полицейский.

— Мой список пошел прахом, — объявила Бритт-Мари.

— В каком смысле?

— Вы просите у меня свидетельских показаний. Мой список сегодняшних дел пошел прахом. В нем не было ничего из того, что сегодня произошло. Поэтому теперь все перепуталось.

— Это не совсем то, что мы имели в виду, — заметил первый полицейский.

— Ах-х-ха. Значит, теперь я не так свидетельствую, — констатировала Бритт-Мари.

— Насколько хорошо вы видели преступника? — не сдавался второй полицейский.

— С вашего позволения, у меня великолепное зрение. Так сказал мой окулист. «У вас, Бритт-Мари, великолепное зрение». — Бритт-Мари поджала губы, а потом добавила со всей благожелательностью: — Он, знаете ли, великолепный окулист. Очень воспитанный. И не расхаживает по дому в грязной обуви.

Полицейские синхронно вздохнули. Бритт-Мари в ответ отчетливо выдохнула. А не вздохнула, ни в коем случае.

— Нам бы очень помогло, если бы вы смогли описать преступника, — попросил один из полицейских.

— Разумеется, я в состоянии его описать, — огрызнулась Бритт-Мари.

— И как бы вы его описали? — оживился обнадеженный полицейский.

— У него был пистолет.

— Вы помните что-нибудь еще? Какую-нибудь особенную деталь?

— Ах-ха. Вы хотите сказать, пистолет — это не особенная деталь?

— Нет... нет, я, разуме...

Тут вмешался второй полицейский, который явно решил завоевать доверие Бритт-Мари сменой тактики. Он положил руку ей на плечо и, понизив голос, доверительно сказал:

— Не бойтесь, Бритт-Мари. Вы, главное, поймите — подобные преступления не стоит воспринимать как что-то личное!

Бритт-Мари смахнула с плеча его руку, словно чумазую птицу.

— А как, по-вашему, я должна это воспринимать? Полицейским пришлось признать, что на этот вопрос у них нет удовлетворительного ответа. Бритт-Мари ткнула пальцем в их ботинки:

— Я воспринимаю как нечто очень личное тот факт, что вы топчетесь в грязной обуви по только что вымытому полу.

Полицейские решили вернуться в город.

Бритт-Мари снова принялась драить пол. Так яростно, что Личности пришлось предостеречь:

— Осторожнее со шваброй, Бритт-Мари, швабра, блин, дорогая!

По мнению Бритт-Мари, сегодня не самый подходящий день, чтобы разъезжать по помещению и ухмыляться — отнюдь. Личность, проследив, чтобы Бритт-Мари выпила пива и съела кусок пиццы, протянула ей ключи от машины.

— У меня сложилось впечатление, что ремонт машины еще не окончен! — воскликнула Бритт-Мари.

— А, ну... Окончен уже давно, ну, но... ну, знаешь. — Личность смущенно пожала плечами.

— Нет. Ничего я не знаю.

Личность смущенно потеряла колени.

— Машина готова, уже много дней как. Но без машины Бритт не уедет из Борга!

— Так ты обвела меня вокруг пальца? — обиженно спросила Бритт-Мари. — Врала мне в глаза?

— Ну, — призналась Личность.

— Могу я поинтересоваться зачем?

Личность пожала плечами:

— Ты мне нравишься. Ты это, как его? Свежая кровь! В Борге без Бритт так скучно.

Надо признаться, на это у Бритт-Мари не нашлось достойного ответа. Личность принесла еще пива и выкрикнула, словно бы между прочим:

— Но, Бритт, знаешь, позволь мне задать вопрос: как тебе синяя машина?

— Что ты хочешь этим сказать? — задохнулась Бритт-Мари.

После чего они изрядное количество времени провели на футбольной площадке за темпераментным обсуждением предмета: Личность искренне пыталась объяснить, что заново покрыть машину Бритт-Мари лаком ей как нечего делать, и тогда машина станет того же цвета, что и новая дверь. Что это раз плюнуть. Личность практически уверена, что как-то по случаю даже зарегистрировалась в какой-то конторе как авто-покрасочное предприятие.

Под конец Бритт-Мари так разволновалась, что достала из сумочки блокнот, вырвала весь список дел на сегодня и начала новый. Чего не делала еще никогда в жизни, но исключительные обстоятельства требуют исключительных поступков.

Домой Бритт-Мари возвращалась пешком через весь Борг в обществе Веги и Омара, потому что за день как-никак выпила пол-литра пива, после чего садиться за руль нечего было и думать. Особенно за руль машины с синей дверью. Господи, что люди подумают. По дороге домой Омар молчал как рыба — то есть на целых несколько минут дольше, чем при первом знакомстве с Бритт-Мари.

Вега снова и снова звонила Сами, но телефон не отвечал. Бритт-Мари уговаривала ее, что Сами, возможно, не знает об ограблении, но Вега отвечала, что это — Борг. В Борге все обо всем знают. И если Сами не отвечает, значит, занят делом: найти и убить Психа.

В таких обстоятельствах Бритт-Мари не смогла оставить детей одних. Она проводила их домой и приготовила ужин. За стол сели ровно в шесть. Дети ели, опустив глаза в тарелку, как едят дети, привыкшие ожидать худшего. Когда телефон Бритт-Мари зазвонил в первый раз, они шумно вскочили, но звонил Кент, и Бритт-Мари не стала отвечать. Когда минутой позже позвонил Свен, она тоже не ответила, а после того как три раза подряд позвонила девушка из службы занятости, Бритт-Мари выключила телефон.

Вега снова позвонила Сами. Он не ответил. Когда же она без всяких

просьб принялась мыть посуду, Бритт-Мари поняла, что положение и впрямь очень серьезное.

— Я уверена, что ничего страшного не случилось, — сказала она.

— С чего вы взяли? — огрызнулась Вега.

— Сами никогда не опаздывает на ужин. Он ужинаци, — пробурчал из-за стола Омар.

Потом взял свою тарелку и поставил в посудомоечную машину. Сам. Тут Бритт-Мари осознала, что ситуация чрезвычайная. Несколько раз сосредоточенно вдохнув и выдохнув, она крепко обняла детей. Они заплакали, и она — вместе с ними.

Когда наконец в дверь позвонили, все сломя голову ринулись в коридор. Никому даже в голову не пришло, что будь это Сами, он открыл бы дверь своим ключом, так что на белую собаку за порогом Омар посмотрел разочарованно, Вега — со злостью, а Бритт-Мари встревожилась: каждый сообразно своей базовой эмоции.

— С грязными лапами сюда нельзя, — уведомила собаку Бритт-Мари.

Собака посмотрела на свои лапы, и ее самооценка как будто резко упала. Рядом с собакой стояла Банк, а рядом с Банк — Макс, Бен, Дино и Жабрик. Банк подняла палку, и конец ее мягко уперся Бритт-Мари в живот.

— Ну ты Рэмбо!

— Ничего подобного! — привычно возмутилась Бритт-Мари.

Макс, недостаточно знакомый с Бритт-Мари, тут же попытался разрешить недопонимание и растолковать ей слова Банк.

— Да это не в смысле шейминг. А в смысле респект!

Бритт-Мари воззрилась на него так, будто он обратился к ней посредством азбуки Морзе. Она перевела взгляд на следующего в ряду (им оказался Жабрик), словно ожидая, что тот растолкует ей толкование Макса. Жабрик, похоже, понял; он торжественно откашлялся и отчетливо произнес:

— Ну это. Вы его зашухерили, громилу. Как Рэмбо. Вы — хладнокровный мазафакер!

Бритт-Мари терпеливо вложила забинтованную руку в здоровую и перевела взгляд на Бена. Тот улыбнулся и с воодушевлением кивнул:

— Короче, это хорошо.

Усвоив эту информацию, Бритт-Мари снова перевела взгляд на Банк:

— Ах-ха. Я польщена. Спасибо!

— Не за что, — нетерпеливо буркнула Банк и красноречиво поднесла к глазам запястье. — Как насчет тренировки?

— Какой тренировки? — спросила Бритт-Мари.

— Тренировки! — ответил Макс. Он был в своей клубной хоккейной куртке и приплясывал на месте, словно хотел в туалет.

Бритт-Мари растерянно качнулась с мыска на пятку.

— Я полагала, что тренировка отменяется. С учетом обстоятельств.

— Каких обстоятельств? — удивился Макс.

— Ограбления, голубчик, — заботливо сообщила ему Бритт-Мари.

По лицу Макса было видно, что он отчаянно пытается понять, как связаны эти два факта. Наконец он пришел к единственному логически возможному выводу:

— Грабитель украл мяч?

— Прости? — переспросила Бритт-Мари.

— А если он не украл мяч, значит, мы можем играть в футбол? — заключил Макс.

Группа на лестничной клетке молча приняла его слова к сведению и, так как никаких рациональных контраргументов приведено не было, отправилась на тренировку.

И начался футбол — во дворе перед многоквартирным домом, между мусоркой и велопарковкой. Три перчатки и одна собака изображали ворота.

Есть такая игра.

Макс, применив силовой прием, отобрал мяч у Веги, когда та уже собралась забить гол. Она бросилась на него с кулаками. Макс попятится. «А ну отвали, богатенький сынок!» Попятились все. Омар отшатнулся от мяча, словно опасаясь и его тоже.

Черная машина остановилась на дороге в тот момент, когда Жабрик в третий раз попал штанге ворот мячом в нос, и она расхотела быть штангой. Омар бросился в объятия Сами, Вега молча развернулась и зашагала домой.

Банк угостила штангу конфетами из кармана. Сами, подойдя, почесал штангу за ухом.

— Привет, Банк, — поздоровался он.

— Нашел его? — спросила та.

— Нет.

— Повезло Психу! — выкрикнул Жабрик и театрально вскинул два пальца, сложенные пистолетом. И тотчас осекся: Бритт-Мари глянула на него так, словно он поставил чашку мимо салфетки.

Банк ткнула Сами палкой в живот.

— Психу повезло. Но в основном повезло тебе, Сами.

И направилась домой, с Максом, Дино, Жабриком и Беном в кильватере. Прежде чем завернуть за угол, Бен остановился и крикнул Бритт-Мари:

— Вы же придете завтра?

— Куда? — любопытствовала Бритт-Мари. Все уставились на нее, будто она окончательно выжила из ума.

— На кубок! Завтра же кубок! — гаркнул Макс.

Бритт-Мари принялась счищать что-то с юбки, чтобы никто не увидел, что она зажмурилась и прикусила щеки.

— Ах-ха. Разумеется, приду. Разумеется.

Она не сказала, что это будет ее последний день в Борге. Ребята этого тоже не сказали.

Бритт-Мари сидела на кухне. Наконец Сами вышел из комнаты Веги и Омара.

— Уснули, — улыбнулся он чуть принужденно.

Бритт-Мари встала, собралась с духом и заявила:

— Я не хочу ни во что вмешиваться, потому что я отнюдь не из тех, кто вмешивается в чужие дела, но если ты собираешься прикончить этого Психа из-за Веги и Омара, то имей в виду, что джентльмену не пристало рыскать по всему городу и приканчивать людей.

Сами поднял брови. Бритт-Мари стиснула сумочку.

— А я не джентльмен, — улыбнулся Сами.

— Нет, но можешь им стать! — объявила Бритт-Мари.

Он рассмеялся. Она — нет. Поэтому он тоже перестал смеяться.

— Да ну бросьте, я его не убивал. Он мой лучший друг. Просто больной на голову, понимаете?

— Да. — Бритт-Мари казалось, что это-то она как раз отлично понимает.

— Он должен людям денег. Неправильным людям. Поэтому он в отчаянии. Он не думал, что там окажутся Вега с Омаром.

— Хм, — заметила Бритт-Мари.

— Нет, я не имел в виду, что не имел в виду и вас, — поправился Сами.

— Это ни в коем случае не то, что я подумала, ни в коем случае, — возразила Бритт-Мари.

— Сорри. Мне надо перекурить, — вздохнул Сами, и тут только Бритт-Мари заметила, что руки у него дрожат.

Она пошла за ним на балкон, нерешительно кашлянув — вовсе не демонстративно. Сами извинился, отдувая дым в сторону от нее:

— Сорри, вам это мешает?

— Я хотела бы, с твоего позволения, спросить, не найдется ли у тебя еще сигареты, — не моргнув глазом ответила Бритт-Мари.

Сами рассмеялся:

— Не думал, что вы курите.

— Я не курю, — подтвердила Бритт-Мари.

— О-о'кей. — Сами протянул ей пачку.

— У меня был длинный день, — попыталась оправдаться Бритт-Мари.

— О'кей-о'кей, — гоготнул Сами, зажигая ей сигарету.

Бритт-Мари несколько раз затянулась, торопливо и неглубоко. Закрыла глаза.

— Позволь сообщить тебе, что не только ты склонен к дикому и безответственному образу жизни. В молодости я выкурила значительное количество сигарет.

Сами засмеялся, скорее над ней, чем вместе с ней, поэтому Бритт-Мари сочла нужным пояснить:

— Позволь сообщить тебе, что в юности я работала официанткой! — и кивнула со значением, ведь такие вещи люди с ходу не выдумывают. Сами явно впечатлился и жестом пригласил ее присесть на перевернутый ящик из-под газировки.

— Может, виски, Бритт-Мари?

Видимо, благоразумие закрылось у себя в комнате, потому что Бритт-Мари вдруг услышала собственный голос:

— Да, знаешь что, Сами? Мне и правда хочется виски!

Они пили виски и курили. Бритт-Мари пыталась пускать дым колечками — в бытность свою официанткой ей так хотелось этому научиться. Вот повара это дело умели. Колечки казались такими умиротворяющими.

— Отец не свалил, мы сами его прогнали. Мы с Магнусом, — вдруг признался Сами.

— Кто это — Магнус? — спросила Бритт-Мари.

— Ему больше нравится «Псих». «Магнуса» люди не так боятся, — ухмыльнулся Сами.

— Ах-ха, — ответила Бритт-Мари, но больше в смысле «ого», чем «ага».

— Отец напился и избил маму. Никто ничего не знал, но Магнус должен был зайти за мной перед футбольной тренировкой, мы тогда были

маленькими, и он ничего подобного никогда не видел. Он же из нормальной семьи, его отец работал в страховой компании, ездил на «опеле». Но он... черт. Он увидел, как я стою между мамой и папой, отец меня лупит, как обычно, и вдруг ни с того, блин, ни с сего Магнус приставил отцу нож к горлу и орет. Вряд ли я тогда понимал, что не все ребята живут, как мы. Что не все боятся возвращаться домой. Омар плакал. Вега плакала. Так что знаете... уже тогда было ощущение, что — все, хватит. Понимаете?

Бритт-Мари поперхнулась дымом. Сами дружески похлопал ее по спине, принес воды. И, стоя у перил, рассматривал, что там за краем, словно измеряя полет до земли.

— Мы с Магнусом прогнали отца. Такие друзья на дороге не валяются.

Весьма вероятно, что именно из-за виски и сигарет Бритт-Мари позволила себе некультурный вопрос:

— Где ваша мама, Сами?

— Она уехала, скоро вернется, — попытался увильнуть Сами.

Бритт-Мари угрожающе нацелилась в него сигаретой.

— Позволь сообщить тебе, что я кто угодно, только не дурочка.

Сами допил стакан до дна. Почесал голову.

— Она умерла, — признался он наконец.

Сколько времени потребовалось Бритт-Мари, чтобы разобраться в этой истории, она и сама не знала. Над Боргом стояла ночь, похоже, шел снег. Когда отец Сами, Веги и Омара покинул Борг, их мать нанялась в бюро перевозок и год за годом ходила в рейсы. Когда бюро уволило всех шоферов, она стала брать заказы в иностранных фирмах, везде, где только могла достать. Год за годом, как это делают матери. Однажды она застряла в пробке, рискуя потерять доплату, поэтому продолжила путь ночью, в плохую погоду, на старом грузовике. На рассвете на встречу выскочила легковушка, водитель которой потянулся за телефоном. Мама резко свернула, прицеп занесло на скользкой дороге, и грузовик перевернулся. Дождь стекла и крови. А трое детей в сотнях миль от места аварии сидели и ждали, когда в замке повернется ключ.

— Она была такая хорошая мама. Она была боец, — прошептал Сами.

Бритт-Мари пришлось налить себе еще, прежде чем она сумела выговорить:

— Мне невероятно, невероятно жаль, Сами.

Какие убогие слова! Но других у Бритт-Мари не было. Сами

понимающе похлопал ее по плечу, словно это он утешал ее, а не наоборот.

— Вега боится, хотя кажется, что злится. Омар злится, хотя кажется, что боится.

— А ты? — спросила Бритт-Мари.

— У меня нет времени чувствовать. Мне надо заботиться о них.

— Но... как... я хочу сказать... как же власти... — пролепетала Бритт-Мари, ощущая полную сумятицу в голове.

Сами зажег ей новую сигарету, потом тоже закурил.

— Мы никуда не заявляли, что отец свалил. Он сейчас где-нибудь за границей, но все еще зарегистрирован тут. У нас были его старые водительские права, Омар подкупил одного дальнбойщика на автозаправке, чтобы тот поехал в город, в полицию, притворился отцом, чего-то наболтал и подписал бумаги. Мы получили несколько тысяч страховки за маму. Больше никто ни о чем не спрашивал.

— Но вы не можете просто... господа, Сами, это, вообще говоря, не книжка про Пеппи Длинныйчулок! — воскликнули Бритт-Мари. — Кто позаботится об этих детях?

— Я, — отрезал Сами. — Я о них забочусь.

Бритт-Мари затянулась и закашлялась, поперхнувшись виски и дымом. Сами снова осторожно похлопал ее по спине.

— И... давно? — просипела она.

— Уже пару месяцев. Я понимаю, что за нас скоро возьмутся, я не дурак. Но мне просто нужно немного времени, Бритт-Мари. Просто немного времени. У меня есть кое-какие планы. Надо доказать, что я могу обеспечивать их, понимаете? Иначе Вегу и Омара засунут в какую-нибудь сраную приемную семью. Я не могу этого допустить. Я не из тех, кто может взять и свалить.

Бритт-Мари поднялась и начала что-то счищать с себя, с балконных перил и со всего, что попадется под руку.

— Вон пятна на перилах ничем не оттираются, — горько пожаловался Сами.

— А содой пробовал? — спросила Бритт-Мари.

Он покачал головой. Крепко зажмурился. Бритт-Мари рассматривала свое отражение в стекле, все в облачках табачного дыма.

— Может быть, тебе разрешат опекунство? Если ты расскажешь все как есть, то, может...

— Посмотрите на меня, Бритт-Мари. Я в полицейской базе данных, безработный, якшаюсь с публикой вроде Психа. Вы бы такому доверили двух детей?

— Мы покажем им твой ящик для столовых приборов! — Бритт-Мари умоляюще посмотрела на Сами. — Объясним, что у тебя есть потенциал стать джентльменом!

— Спасибо. — Он положил руку ей на плечо.

Бритт-Мари прислонилась к нему:

— И Свен все это знает?

Сами погладил ее по волосам.

— Это он разговаривал с иностранными полицейскими, которые нашли грузовик. Он приехал сюда и все рассказал. Плакал вместе с нами. Когда мама водит грузовик — это как родители-военные. Однажды в дверь звонит кто-нибудь в форме — и ты все понимаешь.

— Значит... Свен...

— Он все знает.

Бритт-Мари отчаянно моргала в его рубашку: поведение в высшей степени странное. Взрослая женщина на балконе у молодого мужчины, посреди ночи. Что, вообще говоря, люди подумают.

— Я всегда полагала, что полицейскими становятся, потому что верят в законы и правила, — прошептала она.

— Я думаю, Свен стал полицейским, потому что он верит в справедливость, — ответил Сами.

Бритт-Мари выпрямилась. Стерла что-то с лица.

— Нам понадобится еще виски. Я хотела бы также попросить средство для мытья окон, если тебя это не слишком затруднит.

И после долгого размышления добавила:

— В сложившихся обстоятельствах я согласна на любое средство для мытья окон.



Бритт-Мари проснулась в своей постели в доме Банк от небывалой головной боли самого скандального свойства. Кто-то из соседей явно сверлил стену, потому что, когда Бритт-Мари встала, комната заходила ходуном. Бритт-Мари была вся в испарине, ее тошнило, тело болело, а во рту щипало от горечи. Бритт-Мари как женщина не без жизненного опыта тут же поняла, что с ней. Накануне у Сами она выпила больше спиртного, чем за последние сорок лет, из чего следовал единственный логически возможный вывод.

— У меня грипп! — раздраженно пояснила она Банк, спустившись на кухню.

Банк жарила яичницу с беконом. Собака принялась и отошла подальше от Бритт-Мари.

— От тебя несет перегаром, — констатировала Банк с плохо скрытым торжеством.

— Вот именно. Поэтому я так себя и чувствую, — кивнула Бритт-Мари.

— Ты вроде сказала, что у тебя грипп?

Бритт-Мари благожелательно кивнула:

— Голубушка моя, именно это я и сказала! Это единственное приемлемое объяснение. Алкоголь ослабляет защитные функции организма. Об этом пишут в книгах и журналах. Поэтому я и заразилась гриппом.

Банк перевернула яичницу. Собака склонила голову набок.

— Гриппом, ага, как же, — пробормотала Банк и поставила яичницу на стол перед Бритт-Мари.

Бритт-Мари зажмурилась от похмельной дурноты и отдала яичницу собаке. Тогда Банк поставила перед ней стакан холодной воды. Бритт-Мари сделала жадный глоток. От гриппа бывает обезвоживание. Об этом и в книгах пишут.

— Все это крайне удивительно, ведь я никогда не болею, — объяснила

Бритт-Мари.

Банк кивнула с явным недоверием, поэтому Бритт-Мари закивала с удвоенной энергией, для компенсации.

— Кент и наши дети непрерывно болели, не один, так другой, а вот я не болела никогда. «Бритт-Мари, у вас отменное здоровье!» Так говорит мой врач, да-да!

Ни Банк, ни собака не ответили; Бритт-Мари глубоко вздохнула, печально моргнув. И исправилась:

— Дети Кента. — Слова казались лишенными кислорода.

Она молча пила воду. Собака и Банк ели яичницу. Они сопровождали Бритт-Мари к пиццерии, на встречу с футбольной командой, потому что Бритт-Мари не из тех, кто пропускает работу из-за гриппа. Собака демонстративно обогнула клумбу возле дома, потому что оттуда воняло так, словно прошлой ночью туда кого-то вырвало.

— Ф-фу! Позволь спросить, чем это воняет из твоей клумбы? — спросила Бритт-Мари. Разумеется, это ее не касается, но если Банк предпочитает подобные удобрения, то неудивительно, что на клумбе ничего не растет.

— Кое-кто ночью напился и наблевал на клумбу, — объяснила Банк.

— На клумбу? Какая дикость! — ужаснулась Бритт-Мари.

Банк кивнула, даже не пытаясь скрыть удовлетворения:

— Дикость — не то слово!

Собака отошла подальше.

Личность сидела в пиццерии у изломанной двери и пила кофе. При приближении Бритт-Мари она сморщилась. Бритт-Мари сморщилась в ответ еще сильнее.

— Ну и вонь. Ты курила в помещении? — строго спросила она.

Личность наморщила нос.

— А ты, Бритт? У тебя это, как его? Душа горела, а ты заливала пожар виски?

— С твоего позволения, у меня грипп, — фыркнула Бритт-Мари.

Личность склонила голову набок, как прежде собака. Банк ткнула палкой в кресло-каталку:

— Кончай болтать и дай ей «Кровавую Мэри».

— Что это? — любопытствовала Бритт-Мари.

— Лекарство от... гриппа, — буркнула Банк.

Личность скрылась на кухне и вернулась со стаканом, полным чего-то,

похожего на томатный сок. Бритт-Мари скептически пригубила его, после чего капли, которым посчастливилось попасть ей в рот, тут же вылились обратно, прямо на собаку. Собаку это явно не обрадовало.

— Это же с-п-и-р-т-н-о-е! — сплюнула Бритт-Мари.

Собака вышла и села на гравий, стараясь держаться наветренной стороны. Банк вытянула руку с палкой перед собой, соблюдая безопасную дистанцию от возможного плевка. Личность, наморщив лоб, взяла тряпку и принялась вытирать стол, бормоча:

— Не знаю, что за грипп у тебя такой, Бритт, но сделай милость, это, как его? Не зажигай спичку, когда выдыхаешь, почисти сначала зубы. Пиццерия, знаешь, не застрахована от пожара.

Бритт-Мари, разумеется, не поняла, к чему это все было сказано. Однако она вежливо извинилась и перед Личностью, и перед Банк, пояснив, что у нее дело в молодежном центре и нет времени все утро стоять в пиццерии и переливать из пустого в порожнее. После чего скорым шагом пересекла парковку, озабоченно вошла в туалет молодежного центра и заперла за собой дверь: блевать у всех на глазах во время утреннего кофе ей представлялось неуместным.

Когда она вышла, крыса уже ждала на полу, словно маленький меховой гость, явившийся на обед; крысе явно не хватало дорогих наручных часов, чтобы с недовольным видом постучать пальцем по циферблату. Бритт-Мари принесла сникерс и тарелку, накрыла к завтраку и вежливо извинилась, что ей надо прибраться. Потом, включив пылесос, унесла его в ванную и заперлась там, зажав дверью провод. Пусть крыса не думает, что там кого-то рвет, — может, Бритт-Мари решила пропылесосить раковину.

Когда Бритт-Мари вышла, крысы уже не было. Сникерса тоже. Бритт-Мари мыла тарелку, когда послышалось постукивание палки о дверной косяк. В дверях стояла Банк с собакой. В протянутой руке Банк держала зубную щетку и пасту. Бритт-Мари вложила одну дрожащую руку в другую.

— Я думаю, у меня пищевое отравление, — объяснила она.

Банк пробурчала что-то очень похожее на «пищевое отравление, как же», повернулась и пошла назад, к пиццерии.

Бритт-Мари несколько раз почистила зубы, красиво уложила волосы. Вычистила ванную с содой, словно уничтожая следы убийства. Потом, задернув шторы, выпила залпом три больших стакана воды — чего отнюдь не собиралась делать у всех на виду, потому что только животные и люди с татуировками заливают в себя жидкость подобным образом.

Свен сидел на корточках у дверей пиццерии и прилаживал дверную петлю. Заметив Бритт-Мари, он неловко вскочил на ноги и снял фуражку. У его ног стоял ящик с инструментами. Свен криво улыбнулся:

— Я только подумал, что я, да, подумал, что должен починить дверь. Я подумал.

— Ах-ха. — Бритт-Мари посмотрела на щепки у него под ногами.

— Да, я собираюсь, да-да, подмести здесь. Тут стало... я, да-да, ну... мне так жаль!

Он явно имел в виду нечто большее, чем щепки. Свен сделал шаг в сторону. Бритт-Мари прокралась мимо него, задержав дыхание, хотя уже почистила зубы.

— Мне, ну в смысле, мне ужасно жаль, из-за вчерашнего, — униженно пролепетал он.

Бритт-Мари остановилась, не оборачиваясь. Свен кашлянул.

— Я хочу сказать, я ведь, я совсем не хотел, чтобы ты почувствовала себя так... ну, как ты себя почувствовала. Я не хотел, чтобы ты чувствовала себя... так.

Бритт-Мари закрыла глаза и кивнула. Дождалась, пока благоразумие прогонит прочь те чувства, которым очень хотелось, чтобы Свен до нее дотронулся.

— Я принесу пылесос, — прошептала она.

Она чувствовала, что Свен смотрит на нее. Под его взглядом ее шаги стали неловкими. Словно Бритт-Мари забыла, как ходить, не наступая себе на ноги. Ее слова, обращенные к нему, казались новыми и странными, как будто живешь в гостинице и шарить по стене в поисках выключателя, а он включает не те лампочки, которые хотел включить ты сам.

Когда она открыла чуланчик, чтобы взять пылесос, из кухни следом за ней выкатилась Личность.

— Вот. Тут велели тебе передать.

Бритт-Мари уставилась на букет в руках у Личности. Тюльпаны. Сиреневые. Бритт-Мари обожает сиреневые тюльпаны, настолько, насколько Бритт-Мари в состоянии обожать что-либо без неуместной демонстрации чувств. Она нежно взяла цветы, изо всех сил стараясь не дрожать. «Люблю тебя» — так было написано на карточке. От Кента.

Нужны годы, чтобы узнать человека. Целая жизнь. Именно это делает дом домом. В гостинице ты не более чем гость. Гостиница не знает даже, какие цветы у тебя любимые.

Бритт-Мари наполнила легкие тюльпанами и на один долгий вдох снова оказалась там, возле собственной мойки и собственного чулана, в

доме, где известно, какой ковер лежит в какой комнате, потому что она сама их так разложила. Белые рубашки, черные ботинки, влажное полотенце на полу ванной. Вещи Кента. Кентовещи. Не так просто выстроить такое заново. Однажды утром ты просыпаешься и понимаешь, что перебираться в гостиницу уже слишком поздно.

Возвращаясь из кухни, она не смотрела Свену в глаза. Слава богу, пылесос заглушает все, чего не следует говорить. Потом пришли Вега, Омар, Бен, Жабрик и Дино, пришли вовремя, и Бритт-Мари целиком занялась экипировкой футболистов. Вега, изучающе разглядывая Бритт-Мари, поинтересовалась, не с бодуна ли она, потому что, судя по виду, Бритт-Мари явно с бодуна. Бритт-Мари предельно ясно дала понять, что у нее отнюдь не бодун, а, с позволения Веги, грипп.

— А. Бывает и такой грипп. Сами утром тоже им болел, — рассмеялся Омар.

Бритт-Мари тут же повернулась к Банк и Личности:

— Именно об этом я и говорю! В поселке ходит вирус!

Банк покачала головой. Личность допила красное питье, которое Бритт-Мари оставила на столе.

Первый раз приветливый колокольчик над дверью (Свен починил дверь и повесил колокольчик на место) звякнул, когда вошли мужчины в кепках и бородах — пить кофе и читать газеты. Но один из них спросил Омара, когда «начинается матч»; после ответа Омара мужчины посматривали на наручные часы. Словно у них впервые за долгое время появилось спешное дело.

Второй раз колокольчик зазвенел, когда через порог, волоча ноги, переступили древние старушечки. Одна из них уперлась взглядом в Бритт-Мари и наставила на нее палец:

— Ты ущила мальчишек?

Бритт-Мари даже не поняла, слова это или какие-то нечленораздельные звуки. Вега наклонилась к ней и шепнула:

— Она спрашивает — вы наш тренер?

Бритт-Мари кивнула, не сводя глаз со скрюченного пальца, словно он вот-вот выстрелит. Получив подтверждение, старушечка вытащила из корзинки под поручнем ходунков пакет и сунула в руки Бритт-Мари:

— Хрумты мальчишкам!

— Она говорит — это фрукты для мальчиков из команды! — услужливо перевела Вега.

— Ах-ха. Позвольте довести до вашего сведения, что в команде есть и

девочка, — проинформировала старушенцию Бритт-Мари.

Старушенция злобно зыркнула на нее. Потом на Вега и ее футболку. Другая старуха, протолкнувшись вперед, что-то неразборчиво проурчала первой, после чего первая указала на Вега и злобно зыркнула на Бритт-Мари:

— И ей хрумты!

— Они говорят, мне тоже полагаются фрукты, — довольным голосом сообщила Вега и, забрав пакет у Бритт-Мари, заглянула в него.

— Ах-ха, — сказала Бритт-Мари и принялась яростно расправлять юбку всеми известными ей способами.

Когда она снова подняла глаза, обе старушенции стояли так близко к ней, что и листа формата А4 было не просунуть. И указывали на нее и на Банк.

— Девоньки, отвесите детей к этим щертям гороцким, скащите, что Борк не помер! Мы не померли! Скащите им, слыщьте?

— Она говорит, чтобы вы с Банк поехали с нами в город и рассказали городским чертям, что Борг еще не умер, — жуя фрукты, перевела Вега.

Банк стояла по другую сторону Бритт-Мари и ухмылялась:

— Бритт-Мари, она тебя девонькой назвала!

Бритт-Мари, которую не называли «девонькой» с тех пор, как она была девочкой, не знала, какого ответа от нее ждут. Поэтому она смущенно погладила ходунки одной из женщин.

— Ах-ха. Спасибо. Большое спасибо.

Старушенции ушли, что-то бурча и волоча ноги. Личность принесла ключи от белой машины с синей дверью, и Вега с набитым ртом сообщила Бритт-Мари, что надо заехать за Максом.

— Ах-ха. У меня сложилось впечатление, что он тебе не нравится, — удивилась Бритт-Мари.

— ВЫ ТОЖЕ СЕЙЧАС НАЧНЕТЕ?! — завопила Вега, и фруктовый фонтан оросил всех вокруг.

Омар глумливо захохотал, Вега погналась за ним по парковке, кусочки яблока и манго засвистели у него над головой.

Бритт-Мари крепко зажмурилась, и головная боль стала медленно отступать. Нервно теребя ключи от машины, она тихо кашлянула и протянула их Свену, избегая глядеть ему в глаза:

— Не стоит садиться за руль человеку... с гриппом.

Усаживаясь в машину, Свен снял фуражку. Он не хотел, чтобы Бритт-Мари расстраивалась из-за того, что подумают люди, если на футбольные

соревнования ее доставит полиция. Да еще в белой машине с синей дверью.

Он промолчал и насчет того, что в машине значительно больше пассажиров и собак, чем это уместно с точки зрения как закона, так и гигиены, притом что собаку и Жабрика отправили в багажник, потому что места в салоне не осталось, но тактично отметил, что машину в любом случае следует заправить. Свен спросил Бритт-Мари, хочет ли она, чтобы машину заправил он. Бритт-Мари заявила, что это лишнее. Она, без сомнения, сумеет заправить машину сама. Это ведь ее машина, хоть с синей дверью, хоть с какой.

Она уже минут десять стояла перед бензоколонкой, вложив одну руку в другую, когда задняя дверь открылась, и из смешения рук, ног, бутсов и собачьей головы выползла Вега. Девочка встала рядом с Бритт-Мари, стараясь загородить ее от Свена.

— Средняя, — тихо сказала она Бритт-Мари, не протягивая руки к шлангу.

Бритт-Мари посмотрела на нее в панике:

— Понимаешь, я не думала об этом, пока не вышла из машины. Что я не знаю, как...

Голос у нее сел. Вега постаралась сделаться как можно шире, чтобы Свен ничего не заметил.

— Да ничего, коуч.

Бритт-Мари слабо улыбнулась и бережно сняла волосок с футболки Веги.

— Машину всегда заправлял Кент. Он всегда... всегда он заправлял.

Вега указала на колонку посередине. Бритт-Мари взяла шланг, словно боясь, что из него сейчас хлынет целый поток. Вега наклонилась и открыла крышку бензобака.

— Кто тебя этому научил? — спросила Бритт-Мари.

— Мама, — ответила Вега.

Потом усмехнулась так, что стало яснее ясного: она — сестра Сами.

— Не обязательно болеть за «Ливерпуль» с самого рождения, коуч. Можно научиться этому, когда уже вырос.

Это был день кубка по футболу, день расставания, а еще — день, когда Бритт-Мари заправила машину сама. После этого она могла бы и совершить восхождение на вершину, и переплыть Мировой океан.

Это тоже было новое чувство.



Борг — это поселок у дороги. В хорошую погоду они выглядят по-другому — и поселки, и дороги. Бритт-Мари не заметила, когда утреннее солнце успело пробиться сквозь вечно серую пену январского неба, но оно было как обещание иного времени года. Они ехали мимо дома Жабрика, перед домом виднелась теплица. Внутри копошилась беременная женщина. Они проезжали мимо других садов, других людей — это поразительно, ведь обычно дорога в Борге пустынна. Некоторые из людей были молодые, некоторые — с детьми, некоторые махали машине. Мужчина в кепке держал в руке табличку на палке.

— Он тоже ставит табличку «Продается»? — спросила Бритт-Мари.

Свен, сбросив скорость, помахал мужчине.

— Он ее убирает.

— Почему?

— Они едут на соревнования. Хотят знать, что будет. Когда в последний раз жители Борга хотели знать, что будет?

Белая машина с синей дверью катила через поселок, и только когда они проехали мимо щита, сообщающего, что они покидают Борг, Бритт-Мари поняла: за ними едет еще одна машина. Впервые в Борге образовалась пробка.

Макс жил в одной из вилл сразу за границей поселка, их там имелась целая улица. Окна в виллах были такого размера, что казалось, тому, кто их придумал, удобнее было входить в окно, чем в дверь. Этот район уже давно ожесточенно боролся за то, чтобы муниципалитет признал его частью города, а не Борга, рассказывал Свен. В следующую секунду он резко затормозил: из гаража на улицу задом, с потушенными габаритными огнями выезжала БМВ. Фредрик, в темных очках, говорил по мобильному телефону и крутил руль так, словно машина из всех сил сопротивлялась. Свен махнул рукой. БМВ пронеслась мимо с таким ревом, словно шла на

таран.

— Жопа с лимоном, — буркнула Вега, вылезая с заднего сиденья.

Бритт-Мари пошла за ней. Макс открыл дверь прежде, чем они успели нажать кнопку звонка, протиснулся на улицу и нервно захлопнул дверь за собой. На мальчишке была все та же клубная куртка с надписью «Хоккей» на груди, но под мышкой он держал футбольный мяч.

— Тебе не обязательно брать мяч с собой, Вега уже положила один в машину, — уведомила его Бритт-Мари.

Макс хлопал глазами. Бритт-Мари сложила руки в замок.

— Разве вам, вообще говоря, нужен еще один мяч? Макс посмотрел на мяч. Посмотрел на Бритт-Мари.

— Нужен?

Как будто это слово не имеет к футбольным мячам никакого отношения.

— Мне надо в туалет, — простонала Вега и нетерпеливо шагнула к дверям. Макс испуганно схватил ее за плечо, она сбросила его руку.

— Туда нельзя!

Вега подозрительно прищурилась:

— Боишься, что я увижу, как жирно вы живете? Да мне все равно, миллионеры вы или нет!

Макс попытался оттеснить ее от двери, но Вега проскользнула у него под рукой. Макс схватил ее за куртку, но девочка уже открыла дверь. Все замерли. Вега — открыв рот, Макс — зажмурив глаза.

— Я... во, блин... а где мебель? — выговорила Вега.

— Пришлось продать, — пробормотал Макс и снова потянул дверь, не давая заглянуть в дом.

— У вас нет денег? — прищурилась Вега.

— В Борге ни у кого денег нет. — Макс пошел к машине.

— А чего тогда твой папаша не продаст свою тупую БМВ? — крикнула Вега ему в спину.

— Потому что тогда все узнают, что он сдулся. — И Макс со вздохом забрался на заднее сиденье.

— Но, блин... — начала было Вега, влезая за ним, но ее остановил ощутимый пинок Омара.

— Ну хватит! Ты кто? Самый крутой легавый? Оставь его в покое.

— Я только хочу понять... — запротестовала Вега, но Омар снова толкнул ее, в бок.

— Хватит! Он разговаривает как эти, но в футбол играет как наш. Поняла? Вот и отвяжись от него.

Всю дорогу до города Макс молчал. Когда они остановились перед Дворцом спорта, он вылез с заднего сиденья, держа под мышкой футбольный мяч, опустил его на асфальт и ударил по нему ногой с такой силой, какой Бритт-Мари еще не видела.

По дороге к Дворцу спорта Омар благожелательно положил руку ему на плечи:

— Твой мяч слабовато надут. Хочешь хороший насос? Могу достать!

Бритт-Мари выпустила из багажника собаку и Жабрика. Банк возглавила процессию. Дино и Вега шли следом. Замыкал шествие Свен. Бритт-Мари несколько раз пересчитала футболистов, пытаясь сообразить, кого не хватает, пока из с заднего сиденья не раздался жалобный голос Бена:

— Извините. Я не хотел.

Бритт-Мари не сразу сообразила, откуда шел голос. Бен с трудом договорил:

— Я никогда раньше не играл на кубок. Я так... волновался. Не хотел говорить, когда мы были на заправке.

Бритт-Мари, почти ничего не расслышавшая, сунула голову в машину. Темное пятно расплывалось на штанах мальчика и на сиденье под ним.

— Извините, — прошептала Бен, зажмурившись.

— О... я... прости. Только не волнуйся! Сода все отчистит! — выпалила Бритт-Мари, вытаскивая из багажника запасную одежду.

И понимая: это в Борге она стала такой. Человеком, который берет запасной комплект одежды на соревнования по футболу.

Пока Бен переодевался, она держала у окна бамбуковую занавеску. Потом посыпала сиденье пекарским порошком. Взяла штаны с собой во Дворец спорта и постирала под краном в раздевалке. Бен стоял рядом с ней, смущенный, но с сияющими глазами; когда Бритт-Мари закончила, у него вырвалось:

— Мама сегодня приедет смотреть. Она взяла отгул на работе!

Сказал он так, как другие говорят про дом из шоколада.

Остальные дети гоняли два мяча в коридоре перед раздевалкой, и Бритт-Мари пришлось взять себя в руки, чтобы не выскочить к ним и не проинформировать на повышенных тонах, что гонять мяч в помещении в высшей степени неуместно. Она вообще не считала, что устраивать спортивные соревнования в помещении уместно. Но совсем не хотела, чтобы на нее смотрели как на сумасшедшую еще и по этому поводу, так что прикусила язык.

Внутри Дворца спорта имелась единственная трибуна, высокая и разделенная лестницей соответствующей крутизны, спускавшейся к прямоугольнику, расчерченному разноцветными линиями; именно там у Бритт-Мари возникло предположение, что матч будет проходить здесь. В помещении.

Банк собрала детей в кружок на верхней ступеньке и стала говорить им непонятные слова. У Бритт-Мари закралось предположение, что это и есть спич и что детям он нравится.

Закончив, Банк ткнула палкой в воздух туда, где, по ее догадкам, находилась Бритт-Мари:

— Тебе есть что сказать перед матчем, Бритт-Мари? Бритт-Мари не была готова к подобного рода мероприятиям, в ее списке их не было, поэтому она покрепче вцепилась в сумочку и после недолгого размышления произнесла:

— Я думаю, нам очень важно произвести хорошее впечатление.

Что она хотела этим сказать, Бритт-Мари представляла себе не слишком ясно, притом что по жизни руководствовалась в основном именно этим тезисом. Дети уставились на нее, подняв брови кто на какую высоту. Вега, грызя фрукт, угрюмо кивнула в сторону публики на трибуне:

— На кого? На этих? Да они же нас ненавидят.

Бритт-Мари, с позволения Веги, признала, что большинство людей на трибуне — многие в футболках и шарфиках, на которых виднелось название городской команды, — поглядывали на команду Борга чуточку так, как смотрят на человека, чихнувшего в вагоне метро на соседа. Посередине лестницы стоял дядя из муниципалитета и женщина из футбольной ассоциации (или наоборот), которые приезжали в Борг несколько дней назад. Вид у женщины был подавленный, дядя держал стопку бумаг, а рядом с ними стоял очень серьезный мужчина в футболке с надписью «Сотрудник» и еще одна фигура с длинными волосами и в спортивной куртке с надписями на груди: с одной стороны — название городской команды, а с другой — слово «Coach». Вид у коуч-фигуры (Бритт-Мари — человек без предубеждений!) был сердитый. Фигура, пытаясь вырвать бумаги у дяди, тыкала пальцем в детей из Борга, крича в том смысле, что «у нас тут серьезный матч! А не детская площадка!».

Было неясно, как это следует понимать, но, когда Жабрик достал из кармана шортов банку газировки, Бритт-Мари сообразила, что это не лучший способ произвести хорошее впечатление, поэтому порекомендовала ему не открывать банку. Жабрик тут же заныл, что у него

низкий сахар, но Вега толкнула его в плечо и зашипела: «Ты что, оглох? Не открывай банку!» К несчастью, вследствие этого Жабрик, чей центр тяжести располагался довольно высоко, утратил равновесие и повалился назад. Дико вопя, он покатился вниз по лестнице и на полпути врезался в ноги женщины из футбольной ассоциации, дяди из муниципалитета, сотрудника и коуч-фигуры.

— НЕ ОТКРЫВАЙ БАНКУ! — заорала Вега.

— ЧЕГО? — заорал в ответ лежавший у ног коуча Жабрик, закатив глаза и сверкая белками. И, предположив, что головокружение наверняка явилось следствием падения уровня сахара, открыл банку.

Это был не самый оптимальный способ произвести хорошее впечатление. Отнюдь.

Когда Бритт-Мари и Банк прибыли к точке приземления Жабрика, коуч-фигура вопила еще сердитее. Дядя, женщина и бумаги кружились в липких брызгах газированного дождя. Количество газировки, попавшей на волосы, лицо и одежду коуч-фигуры с учетом объема банки отчасти ставило под сомнение некоторые основополагающие законы природы.

— Серье-оозно? — выплонула коуч-фигура в лицо сотруднику. — Вот это — серье-оозно?

Сотрудник совершенно серьезно покачал головой. Коуч-фигура указала на Банк и Бритт-Мари, причем от злости — обеими руками, так что на расстоянии трудно было разобрать, указывает ли он на кого-то или, скажем, хочет дать примерное представление о размерах барсука.

— Это вы — трееенеры вот этой комаааанды? — говоря слова «тренеры» и «команды», коуч-фигура яростно выписывала кавычки.

Палка Банк совершенно нечаянно попала в коучфигуру — в первый раз; последующие пять раз выглядели чуть менее случайными. Женщина выглядела подавленной. Дядя с бумагами прокрался за ее спину и, наученный опытом, прикрыл рот ладонью.

— Мы тренеры, — подтвердила Банк.

Коуч-фигура гневно усмехнулась:

— Старуха и слепая, серьеооозно? И это на серьеооозный кубок? Дааа?

Сотрудник серьезно помотал головой. Женщина, подавленное некуда, покосилась на Банк.

— Один из игроков вашей команды, Патрик Иварс...

— А при чем тут я? — испуганно просипел Жабрик с пола.

— А при чем тут он? — фыркнула Банк.

— Да, при чем тут он? — произнес третий голос.

За спиной у Бритт-Мари стоял отец Жабрика. Он опрятно причесался, приоделся. Рядом с ним был Кент в мятой рубашке. Кент улыбнулся Бритт-Мари. И ей тут же захотелось взять его за руку.

— Патрик на два года младше остальных. Ему еще рано участвовать в этом кубке, нужно специальное разрешение, — кашлянула женщина в сторону пола.

— Ну так дайте ему это разрешение! — рывкнула Банк и махнула палкой в направлении сотрудника.

— Правила есть праааавила! — перебила ее коучфигура.

— ДА НУ! ПРАВДА? А НУ ПОДИ СЮДА, НЕСЧАС... — заорала Банк и яростно двинула коучфигуру палкой. Фигура, чтобы не упасть, ухватила за палку и нечаянно потянула за собой Банк вниз по лестнице, в результате чего оба участника дискуссии, потеряв опору, свалились бы за бортик, если бы чья-то рука не вцепилась железной хваткой в рукав спортивной куртки и не остановила падение.

Коуч-фигура повисла над лестницей, вытаращив глаза на Кента. Кент, держа ее за руку, объявил уверенным тоном, каким обычно рассказывал окружающим о своем бизнесе с Германией:

— Если ты только попытаешься столкнуться с лестницы слепую, я затаскаю тебя по судам. Вся твоя семья на десять поколений вперед будет по уши в долгах, уясни это.

Коуч-фигура вытаращилась на него. Банк, снова обретая равновесие, нечаянно ткнула палкой в живот коуч-фигуры раза два-три. Дядя с бумагами протянул им бумаги. Сотрудник серьезно кивнул. Подавленная женщина несколько раз кашлянула и начала:

— Также команда соперников заявила протест, касающийся этой «Виги» из вашей команды, потому что согласно личному номеру ви...

— Меня зовут ВЕГА! — огрызнулась Вега откуда-то с верхней ступеньки.

— Да, Виинееега, — попыталась исправиться женщина.

— У вас что, кашки в ушах? В-Е-Г-А!

Женщина с достоинством потеряла мочку уха. Улыбнулась так, словно ей сделали местную анестезию. Повернулась к Бритт-Мари, которая в создавшихся обстоятельствах выглядела единственным разумным человеком.

— Чтобы девочки и дети младше определенного возраста были допущены к игре, нужно специальное разрешение.

— Правила есть... праа... авила, — заикаясь, проговорила коуч-фигура, так и не сумевшая высвободиться из хватки Кента.

— Ну что ж. — Кент повернулся к женщине, дяде и сотруднику и улыбнулся: — Тогда можете исключить Патрика и Вегу — ребята из городской команды, видимо, трусят играть против девочки и против парнишки на два года моложе их!

Повисло короткое обоюдное молчание.

— Чтоооо? — выдавила коуч-фигура.

— ТРУСЯТ! — проорала Банк и нечаянно задела палкой спортивную куртку фигуры и немного — дядю с бумагами.

— Что заааа... — пробормотала коуч-фигура.

Так Вега и Патрик получили разрешение. Патрика, спускавшегося по лестнице на арену, обнимал за плечи отец. Но вид у парня был такой, словно больше всего ему хотелось помчаться вокруг арены, раскинув руки, как крылья самолета.

Дети высыпали на арену и начали разминку, загоняя мяч в одни ворота, и это во всех отношениях выглядело так, будто их цель — все, что угодно, кроме ворот.

Бритт-Мари и Кент остались на лестнице одни. Бритт-Мари сняла волосок с рукава его рубашки. Поправила складку на рукаве — осторожно, не задев руки.

— Откуда ты знал, что надо сказать, что они трусят?

Кент засмеялся, и все засмеялось внутри у Бритт-Мари.

— У меня есть старший брат. Со мной это всегда работало. Помнишь, как я спрыгнул с балкона и сломал ногу? Все самые большие глупости, какие я только вытворял в жизни, начинались с того, что Альф говорил: а слабо?!

— Как мило. И как мило, что ты оставил тюльпаны, — прошептала Бритт-Мари, не спрашивая, была ли и она в числе самых больших глупостей в жизни Кента.

Кент снова рассмеялся.

— Я купил их у папаши Жабрика. Он их выращивает в теплице. Вот ненормальный, а? Мы прямо сцепились — он хотел, чтобы я купил красные, потому что «они лучше», но я сказал, что ты любишь сиреневые.

Бритт-Мари стряхнула невидимые пылинки с его груди. Овладела собой. Благоразумно вложила одну руку в другую и сказала:

— Мне пора. Игра скоро начнется.

— Удачи! — Кент наклонился и поцеловал ее в щеку. Бритт-Мари пришлось схватиться за перила, чтобы не покатиться вниз по ступенькам.

Когда он уселся на последний свободный стул в той секции трибуны, где окопались все приехавшие из Борга, Бритт-Мари осознала: Кент впервые куда-то отправился ради нее. В первый раз в их жизни он продемонстрировал: он с ней вместе, а не наоборот.

На соседнем стуле, упершись взглядом в пол, сидел Свен.

Тяжело дыша, Бритт-Мари спускалась по лестнице. Банк с собакой ждали ее на скамейке возле арены. Там же была и Личность — с исключительно довольной физиономией.

— Как ты сюда попала? — удивилась Бритт-Мари.

— Да приехала, понимаешь, — беспечно ответила Личность.

— А как же пиццерия, и продовольственный магазин, и почта? Как же часы работы? — встревожилась Бритт-Мари.

Личность пожала плечами:

— Кто туда пойдет, Бритт? Весь Борг — здесь!

— Но как можно, вообще говоря, просто взять и закрыть все продовольственные точки! — воскликнула Бритт-Мари, и тут только сообразила: — Что значит «приехала»?

Личность вытянула руки перед собой, будто держась за руль.

— Ну — приехала. На машине.

— Я — человек без предубеждений! — напомнила Бритт-Мари.

Личность махнула рукой:

— Я сама ее собрала. Этот, из транспортного управления, мне сказал: инвалид, ну. Нельзя водить обычную машину. И тогда я собрала необычную.

Бритт-Мари принялась расправлять невидимые складки на юбке с такой поспешностью, что со стороны казалось — она пытается трением добыть огонь. Личность погладила ее, успокаивая:

— Нервничаешь, а? Ничего страшного, Бритт, я сказала тому сотруднику: я сажусь у арены, с Бритт. Потому что я это, как его? Оказываю на Бритт успокаивающее действие. Помощник такой: «Нуу», а я: «Не вижу секции для инвалидов. Это ж незаконно?» Захочу, говорю, в суд подам. И вот: я сижу здесь. Лучшее место!

Бритт-Мари глубоко вдохнула. Медленно выдохнула. Еще раз. Не помогло. Поэтому она извинилась, покинула место у арены и вышла в туалет, где ее вырвало. Когда она вернулась, Личность продолжала болтать, нервозно барабанила пальцами по всему, что попадалось под руку. Собака принялась к Бритт-Мари. Банк протянула пачку жевательной резинки:

— Обычное дело. Пищевые отравления часто случаются именно перед

ответственными матчами.

Бритт-Мари жевала жвачку, прикрыв рот рукой, иначе люди подумали бы, что у нее татуировки или вообще что угодно. Потом раздались аплодисменты, судья вышел на поле, и команда из Борга, где нет даже спортплощадки, начала игру. При поддержке всего почти закрытого поселка. Но — только почти.

Игра началась с того, что какой-то крупный мальчик со сложной прической сильно стукнул Дино локтем. Когда Дино снова завладел мячом, эпизод повторился, только удар был еще сильнее. В паре метров от Бритт-Мари подпрыгивала коуч-фигура в мокрой от газировки тренерской куртке и ободряюще выкрикивала:

— Ииииименно! Заставь себя уважаааать!

Бритт-Мари не сомневалась, что у нее вот-вот случится сердечный приступ, но когда она поделилась этим с Банк, то узнала, что «так бывает, когда следишь за матчем». Кто тогда, вообще говоря, захочет смотреть футбол? Когда мяч в третий раз попал к Дино, крупный мальчик на всех парах ринулся к нему, выставив локоть. И в следующую секунду уже лежал на спине. Над ним стоял Макс — расправив грудь и выпрямив руки. Он повернулся и пошел к скамейке еще до того, как судья показал ему красную карточку.

— Макс! Ха! Ты это, как его? — ликовала Личность.

Банк стукнула Макса палкой по бутсам:

— Он разговаривает как эти, а играет как наш.

Макс улыбнулся, что-то ответил — но Бритт-Мари не расслышала. Судья дунул в свисток, игра возобновилась, и ноги Бритт-Мари сами собой подняли ее с места. Рот раскрылся — тоже непонятно почему. По полю бежали трое игроков, мяч отскочил от бортика прямо под ноги Бену. Бен уставился на мяч. А вся трибуна уставилась на Бена.

— Бей, — шепнула Бритт-Мари.

— ДА БЕЙ ЖЕ! — крикнул кто-то с трибуны.

Это был Сами. Рядом с ним стояла женщина, вся красная. Бритт-Мари впервые увидела ее не в халате медсестры.

— БЕЕЕЕЕЕЕЕЙ! — вопила Банк, рубя воздух палкой.

И Бен пробил по мячу. Воздух кончился. Бритт-Мари закрыла лицо руками, Банк плюхнулась возле коляски Личности с криком: «Что там? Говори, старая перечница, что там происходит?!»

Трибуна замерла, словно не веря в произошедшее. Сперва казалось, Бен вот-вот заплачет, потом — будто он ищет, куда спрятаться. Через

минуту он оказался в самом низу завывающей кучи из рук, ног и белых футболок. Борг вырвался вперед: один-ноль. Сами носился по трибуне кругами, раскинув руки, как крылья самолета, Кент и Свен вскочили, перевернув стулья, так торопливо, что случайно обнялись, и Сами на всякий случай бросился между ними, чтобы предотвратить драку.

Из хаоса выбралась женщина с красным лицом и ринулась вниз по ступенькам. Какие-то сотрудники пытались заступить ей путь, поняв, что она сейчас выскочит на поле, но остановить ее не смогли. Они не смогли бы остановить ее, даже будь у них оружие. Бен плясал с мамой, и это было их неотъемлемое право.

Борг проиграл со счетом 14:1. Это неважно. Они сыграли этот матч так, словно он — главное событие вселенной.

И это важно.



В определенном возрасте почти все вопросы, которые человек ставит перед собой, сводятся к одному: как я живу эту жизнь?

Если зажмуриться достаточно крепко и надолго, можно вспомнить почти все. Все, что делало тебя счастливой. Мамин запах, когда тебе было пять лет, и вы, смеясь, вбежали в подъезд, спасаясь от внезапного ливня. Холодный папин нос, прижатый к твоей щеке. Шершавый мех игрушечного зверя, которого ты не дала забрать в стирку. Звук, с которым волны накатывали на скалы во время последних каникул на море. Аплодисменты в театре. Волосы сестры, беззаботно развевающиеся на ветру, когда вы потом шли по улице.

А еще? Когда она бывала счастлива? Несколько мгновений. От звука ключа в замке. Оттого, как стучало под ее ладонью сердце спящего Кента. От смеха детей. Ветра на балконе. Запаха тюльпанов. Первой любви. Первого поцелуя.

Несколько мгновений. Шансы пережить хоть одно из них у человека — любого человека — исчезающе малы. На то, чтобы оторваться от времени и нырнуть в пространство. Чтобы потерять голову от любви. Взорваться от страсти. У детей этих шансов несколько больше — они те избранные, кому это дано. А потом? Сколько вдохов и выдохов мы сделаем, не помня себя? Сколько чистых чувств заставят нас ликовать откровенно и не стыдясь? Сколько у нас шансов на благодать беспамятства?

Страсть — как детство. Она банальна и наивна. Ей нельзя научиться, она — инстинкт, она накатывает сама. Переворачивает нас. Увлекает с собой. Все прочие чувства родом с Земли, а страсть — из космоса. Тем она и ценна: она ничего нам не дает, но позволяет рискнуть. Забыть о приличиях. Не побояться непонимания окружающих, снисходительно покачивающих головами.

Когда Бен забил гол, Бритт-Мари вопила не помня себя. Ее ноги оторвались от пола Дворца спорта. Мало кого он оделяет своей благодатью в январе, космос.

За это футбол и любят.

Поздно вечером, через несколько часов после того, как закончился матч, Бритт-Мари снова была в больнице. Она отстирывала от крови белую футболку, а Вега сидела рядом на унитазах, и в ее голосе все еще пузырилась эйфория. Словно девочке не сиделось на месте. Словно она вот-вот взлетит в небо.

Сердце Бритт-Мари колотилось как сумасшедшее, она не понимала, как можно дальше жить, если дети утверждают, что готовы собрать команду и участвовать в матчах каждую неделю. Кто согласится подвергать себя подобному испытанию на еженедельной основе?

— Я категорически не понимаю, как ты могла повести себя подобным образом, — просипела Бритт-Мари: криком она сорвала себе голос.

— Но иначе они забили бы гол! — в тысячный раз объяснила Вега.

— Ты бросилась прямо на мяч. — Бритт-Мари укоризненно указала на раковину с испачканной кровью футболкой.

Вега моргнула. Видимо, моргать ей было больно: половина лица отекала и стала темно-лилового цвета. От разбитой брови отек спускался на покрасневший глаз, на нос, кровь запеклась вокруг рта с разбитой губой; губа распухла, как будто Вега пыталась съесть осу.

— Я не пустила мяч в наши ворота, — упрямо твердила девочка.

— Да, лицом. Вообще-то ворота лицом не защищают, — проворчала Бритт-Мари, сердясь то ли из-за крови у Веги на лице, то ли на футболке.

— Иначе они бы забили нам гол, — пожала плечами Вега.

Бритт-Мари втирала соду в футболку.

— Я, наверное, никогда в жизни не пойму, почему ты любишь этот самый футбол настолько, что готова вот так рисковать жизнью.

Вид у Веги сделался задумчивый. Потом нерешительный.

— Вы когда-нибудь что-нибудь любили очень-очень сильно? — спросила она.

Бритт-Мари, застигнутая врасплох, втерла в футболку еще соды.

— Ах-ха. Нет. Я... мм. Я не знаю. Правда не знаю.

— Когда я играю в футбол, мне не больно. — Вега не сводила глаз с цифры на футболке в раковине.

— А от чего тебе больно? — спросила Бритт-Мари.

— От всего.

Смутившись, Бритт-Мари замолчала. Включила горячую воду. Закрыла глаза. Вега, запрокинув голову, рассматривала потолок ванной.

— Футбол снится мне по ночам, — сказала она, словно это все объясняло, а потом спросила, искренне не понимая, что еще можно видеть во сне: — А вам что снится?

Бритт-Мари понятия не имела, почему это у нее вырвалось:

— Иногда мне снится Париж.

Вега понимающе кивнула:

— Тогда футбол для меня — это как для вас Париж. Вы часто туда ездили?

— Никогда, — прошептала Бритт-Мари, злясь, что вообще об этом заговорила.

— Почему? — удивилась Вега.

— Такие сны не сбываются. Иди умойся. — Бритт-Мари попыталась закрыть тему.

— Почему не сбываются? — упорствовала Вега.

Бритт-Мари регулировала воду, чтобы Вега не обожглась. Сердце продолжало стучать так, что хоть считай удары. Она посмотрела на Вегу, отвела волосы у нее со лба и осторожно дотронулась до ее припухшего глаза, точно ей было еще больнее, чем Веге.

— Понимаешь, — шепнула она, — когда я была маленькой, мы всей семьей ездили на море. Моя сестра залезала на высокие скалы и прыгала с них в воду. Она ныряла, потом выныривала, а я так и стояла на скале, и сестра кричала: «Прыгай, Бритт-Мари! Просто прыгни — и все!» Понимаешь, когда стоишь там, наверху и смотришь вниз, то несколько секунд ты действительно готова прыгнуть. И если просто взять и сделать это — ты победила. Но если ждать дальше, то никогда не прыгнешь.

— И вы прыгали? — спросила Вега.

— Я не из тех, кто прыгает, — ответила Бритт-Мари.

— А ваша сестра?

— Она была как ты. Бесстрашная, — ответила Бритт-Мари.

А потом сложила бумажное полотенце и добавила шепотом:

— Но даже она не стала бы бросаться на мяч прямо лицом, как сумасшедшая!

Вега поднялась, чтобы Бритт-Мари промыла ей раны.

— И вы поэтому не едете в Париж? Потому что вы не из тех, кто прыгает?

— Я уже старая для Парижа.

— А сколько лет Парижу?

Хорошего ответа на этот вопрос у Бритт-Мари не было. Хотя такие вопросы встречаются в приложениях с кроссвордами. Бритт-Мари мельком

глянула в зеркало. Все это совершенная нелепость. Она, взрослая женщина, второй раз за несколько дней оказывается в больнице. На унитазах сидит ребенок с разбитым в кровь лицом, еще один лежит со сломанной ногой в палате в конце коридора. Потому что они не дали забить гол. Кто захочет так жить?

Из зеркала на нее глянула Вега. И засмеялась так, что кровь из губы залила зубы. От этого она засмеялась еще громче. Безумие какое-то.

— Но если вы не из тех, кто прыгает, кой черт вас в Борг вообще занес?

Бритт-Мари, прижав полотенце к ее губе, просипела, что это совершенно неподобающий лексикон. Вега сердито бурчала сквозь полотенце, Бритт-Мари прижала его к губе еще крепче и, прежде чем девочка успела что-нибудь сказать, потащила ее в приемную.

Весьма необдуманно, потому что там был Фредрик. Он в ярости прохаживался туда-сюда перед дверью туалета. Жабрик, Дино, Бен и Омар спали на банкетках в углу. Фредрик тотчас наставил обличающий палец на Бритт-Мари:

— Если Макс сломал ногу и не попадет в элитную команду, я прослежу, чтобы вас близко не подпускали к... — Он вдруг осекся и завел глаза к потолку, собираясь с силами.

Тут впереди Бритт-Мари протиснулась Вега и стукнула его по пальцу:

— Да помолчите вы. Ногу лечат. Макс не пропустил мяч!

Фредрик, сжав кулаки, попятился, словно боясь от отчаяния учинить что-нибудь ужасное.

— Я запретил ему играть в футбол до элитной команды. Я говорил ему, что если он получит травму, то вся его карьера пойдет прахом. Я гово...

— Какая на хрен карьера? Он же, блин, еще шко-ольник! — рубанула Вега.

Фредрик снова наставил палец на Бритт-Мари — и упал на банкетку, словно его туда уронили.

— Вы понимаете, что значит элитная команда для того, кто играет в хоккей? Вы понимаете, чем мы пожертвовали, чтобы у него появилась такая возможность?

— А вы Макса спрашивали, хочет он этого или нет? — злобно поинтересовалась Вега.

— Ты что, слабоумная? Элитная команда! Разумеется, хочет! — рявкнул Фредрик.

— Незачем кричать на человека за то, что он хочет играть в футбол! — рявкнула Вега в ответ.

— Вот бы на тебя кто-нибудь прикрикнул! — завопил, вскакивая, Фредрик.

— ВОТ БЫ У ВАС В ДОМЕ ХОТЬ КАКАЯ-НИБУДЬ МЕБЕЛИШКА ОСТАЛАСЬ! — завопила Вега и бросилась на него.

Они застыли лоб в лоб, тяжело дыша; оба вымотались. У обоих в глазах стояли слезы. Оба никогда не забудут этот матч. Никто в Борге не забудет.

Свой второй матч кубка они, естественно, проиграли со счетом 5:0. Матч пришлось прервать на несколько минут, потому что Жабрик испугался пенальти, и всем пришлось ждать, пока он не закончит описывать круги по полю, словно самолет. Банк тогда рассмеялась и крикнула, мол, публика шумит так, будто Борг выиграл чемпионат мира, который, как Бритт-Мари уяснила после долгих разъяснений, тоже считается исключительно важным соревнованием по футболу — для тех, кто понимает, конечно.

На третьем и последнем матче крик во Дворце спорта стоял такой, что Бритт-Мари под конец слышала только гулкое эхо, сердце билось так, что тело утратило чувствительность, и руки взмахивали сами собой, словно больше ей не принадлежали. Команда противника вела со счетом 2:0, но в оставшиеся несколько минут Вега всем телом вбросила мяч в ворота соперника. Сразу после этого Макс, применив силовой прием, завладел мячом у ворот Борга; поднявшись на ноги, он бросил взгляд на трибуну — туда как раз вошел его отец. Фредрик остановился, угрюмо сунув руки в карманы куртки; он встретил взгляд сына. Макс провел мяч мимо всей команды соперника и забил гол. Когда его голова вынырнула из кучи-малы рук и ног товарищей по команде, Фредрик разочарованно повернулся и вышел.

Макс стоял у бортика и смотрел ему вслед; судья снова дунул в свисток. Когда вопли публики вернули мальчика в игру, противник отправил мяч в штангу, еще один — в перекладину. Вся команда, кроме Веги, валялась на полу. Игрок из команды противника собрался отправить мяч в незащищенные ворота, и тут Вега бросилась вперед и отбила мяч. Лицом. Окровавленный мяч отскочил назад, к сопернику. Лишь один удар «щечкой», и исход матча был бы решен, но противник вынес голеностоп вперед. Макс врезался в кучу разнообразных конечностей и тоже выставил ногу. Он попал по мячу, чужой игрок попал ему по ноге. От криков Макса Бритт-Мари показалось, что это у нее что-то сломалось.

Матч закончился со счетом 2:2. В первый раз за очень, очень долгое

время Борг не проиграл. В машине скорой помощи Вега сидела рядом с Максом и всю дорогу до больницы распевала в высшей степени неуместные песни.

В дверях стояла мама Бена. Она посмотрела на Вегу, потом — на Бритт-Мари и кивнула, как кивают люди в конце длинной смены.

— Макс хочет вас увидеть. Только вас двоих.

Фредрик принялся громко сквернословить, но мама Бена была непреклонна:

— Только они вдвоем.

— Я думала, у вас сегодня выходной, — заметила Вега.

— Выходной. Но когда Борг играет в футбол, больница вызывает дополнительный персонал, — строго сказала мама Бена, хотя почему-то казалось, что она еле сдерживает смех.

Она укрыла одеялом Бена, спящего на банкетке, и поцеловала его в щеку. Потом повторила то же с Дино, Жабриком и Омаром, которые спали на других банкетках.

Когда они с Вегой шли по коридору следом за мамой Бена, Бритт-Мари спиной ощутила ненавидящий взгляд Фредрика. Она пропустила Вегу вперед и пошла за ней, заслоняя девочку от злобных взглядов. Макс лежал на койке с ногой, задранной к потолку. При виде опухшего лица Веги Макс ухмыльнулся:

— Отлично выглядишь! Гораздо лучше, чем накануне!

Вега фыркнула и кивнула на его ногу:

— Как думаешь, врачи смогут на этот раз прикрутить тебе ногу куда надо, чтобы ты мог бить по мячу как положено?

Макс усмехнулся. Вега тоже.

— Батя что, злится? — спросил Макс.

— А дерьмо что, воняет? — ответила Вега.

По мнению Бритт-Мари, пришла пора положить этому конец.

— Вега, ну в самом деле! Ты считаешь этот лексикон подходящим для больницы?

Вега рассмеялась. Макс тоже. Бритт-Мари сделала глубокий вдох, чтобы взять себя в руки, и оставила их наедине с их лексиконом.

Фредрик так и стоял в приемной. Бритт-Мари в нерешительности остановилась, борясь с порывом протянуть руку и снять волос Веги с его рукава — волос попал туда, когда Вега с Фредриком стояли лоб в лоб и кричали друг на друга.

— Ах-ха, — едва слышно произнесла Бритт-Мари.

Фредрик злобно смотрел в пол; он не ответил. Поэтому Бритт-Мари собрала то, что осталось у нее в горле от голоса, и спросила:

— Вы когда-нибудь что-нибудь любили сильно-сильно, как эти дети?

Фредрик поднял голову, уперся взглядом в Бритт-Мари:

— У вас есть дети?

Бритт-Мари, тяжело сглотнув, покачала головой. Фредрик снова уставился в пол.

— Тогда не вам меня допрашивать, умею я любить или нет.

Потом они молча сидели на стульях; наконец снова вошла мама Бена. Бритт-Мари поднялась, папа Макса остался сидеть, словно у него не хватало сил встать. Мама Бена, утешая, положила руку ему на плечо:

— Макс просил передать вам — скорее всего, в течение полугода он снова сможет играть в хоккей. Нога полностью восстановится. Его карьере ничто не угрожает.

Папа Макса не шевелился, уперев в грудь подбородок. Мама Бена кивнула Бритт-Мари. Бритт-Мари прикусила щеки. Мама Бена пошла обратно, когда папа Макса наконец поднес ладони к глазам, два раза, торопливо, капли упали между пальцами и повисли на щетине. Платка у него не было. На полу останутся пятна.

— А футбол? Когда он сможет снова играть в футбол?

В определенном возрасте почти все вопросы, которые человек ставит перед собой, сводятся к одному: как я живу эту жизнь?



Бритт-Мари сидела в одиночестве на уличной скамейке возле отделения скорой помощи. С охапкой тюльпанов. Ощущая ветер в волосах. Она думала о Париже. Какая удивительная власть у мест, где ты никогда не был. Стоит Бритт-Мари зажмуриться, и она чувствует под ногами булыжники парижских мостовых. Сейчас она ощущала их, может быть, отчетливее, чем когда-либо в жизни. Словно, оторвавшись от пола, когда Бен забил гол, она приземлилась другим человеком. Человеком, который не боится прыгнуть.

— Здесь свободно? — спросил голос.

В голосе слышалась улыбка. Бритт-Мари тоже улыбнулась, потом открыла глаза. И медленно кивнула:

— Совершенно свободно.

— Ты хрипишь, — улыбнулся Свен.

Она кивнула:

— Грипп.

Свен захохотал. У Бритт-Мари все внутри смеялось. Свен сел и протянул ей керамическую вазу.

— Я, ну да, ну да, я сделал ее для тебя. Я хожу на курсы. Я подумал, ну... ты поставишь в нее тюльпаны.

Бритт-Мари прижала вазу к себе. Шероховатая поверхность — словно замусоленная шерсть игрушечного зверя, которого ты не дала забрать в стирку.

— Сегодня было потрясающе. Да. Позволь признаться. Просто сказочно, — выговорила она.

— Футбол — сказочная игра, — согласился Свен.

Словно в жизни все так просто.

— Это было так чудесно — снова почувствовать восторг, — шепнула она.

Свен улыбнулся, повернулся к ней и уже, кажется, собрался что-то сказать, когда она остановила его, собрав все свое благоразумие в один

подавленный вздох, и произнесла:

— Если это не слишком тебя затруднит, я была бы крайне благодарна, если бы ты развез детей по домам.

Свен на глазах стал меньше ростом. Сердце перевернулось в груди у Бритт-Мари. У него — тоже.

— Я полагаю, что это значит, ну... Полагаю, что в таком случае домой тебя отвезет Кент, — с трудом выговорил он.

— Да, — шепнула она.

Он сидел молча, держась за край скамейки. Она тоже, потому что ей нравилось держаться за край скамейки, если за него держится Свен. Бритт-Мари покосилась на Свена; ей хотелось сказать, что он ни в чем не виноват. Что она просто слишком старая, чтобы влюбляться. Что он найдет кого-нибудь получше. Что он заслуживает кого-нибудь получше. Заслуживает совершенства. Но она ничего не сказала, потому что боялась — вдруг он скажет, что это и есть она, Бритт-Мари.

За окнами БМВ проносился город и дорога; Бритт-Мари все еще сжимала в руках вазу. От подавленных желаний ныло в груди. Кент, конечно, всю дорогу разглагольствовал. Начал с футбола и детей, но скоро съехал на бизнес, немцев и планы. Он хочет поехать в отпуск, говорит он, — только Бритт-Мари и он. Можно ходить в театр. Отправиться на море. Только надо немножко подождать. Сначала надо завершить кое-какие дела — и все. Когда они въезжали в Борг, он пошутил, что этот поселок настолько мал, что двое людей могут стоять с двух его концов и разговаривать, не повышая голоса.

— А если лечь, то ноги упрутся в соседний поселок! — веселился Кент, и, так как Бритт-Мари не засмеялась, он повторил шутку.

Словно проблема в этом.

— О'кей. Сбегай за вещами, и мы уезжаем! — невозмутимо сказал Кент, когда БМВ остановилась перед домом Банк.

— Сейчас? — просипела Бритт-Мари; боль пульсировала в горле от каждого произносимого звука.

— Да, черт возьми, у меня утром встреча. Если поедem сейчас, то дорога будет пустая! — распорядился Кент, барабанил пальцами по приборной доске, словно желая поторопить Бритт-Мари.

— Не можем же мы уехать отсюда посреди ночи, — едва слышно возразила Бритт-Мари.

— Почему не можем? — удивился Кент.

— Потому что только уголовники разъезжают среди ночи, —

убежденно прошептала Бритт-Мари.

— О господи боже, любимая, возьми себя в руки, — занял Кент.

Ногти Бритт-Мари впились в вазу.

— Я еще даже не уволилась с работы. Я ни в коем случае не могу уехать, не уволившись. Видишь ли, я должна вернуть ключи.

— Ну любимая, это ведь не такая уж «работа»? — Кент засмеялся, воздев руки к потолку.

Бритт-Мари прикусила щеки.

— Для меня это работа, — прошептала она.

— Дадада, я не это хотел сказать, любимая. Не обижайся. Но ты же можешь позвонить с дороги? Это ведь не так уж важно? У меня завтра встреча! — сказал Кент, словно это ему приходится приспосабливаться к ее планам, а не наоборот.

Бритт-Мари промолчала. Кент погладил себя по подбородку и заметил — явно в шутку:

— Тебе хоть зарплату платят за эту «работу»?

Бритт-Мари вонзила ногти в керамику, так что пальцам стало больно.

— Я не уголовник. Я не поеду на машине посреди ночи. Не поеду ни в коем случае, — прошептала она.

Кент покорно вздохнул:

— Нунуну, о'кей, тогда завтра с утра пораньше, если это так важно. С ума сойти, как эта деревня в тебя въелась! Любимая, ты ведь даже не любишь футбол!

Ногти Бритт-Мари медленно вышли из керамики. Большой палец погладил горлышко вазы. Поправил стоящие в ней тюльпаны.

— На днях я разгадывала кроссворд. Там был вопрос про пирамиду Маслоу.

Кент уже начал нажимать кнопки на своем мобильном телефоне, поэтому Бритт-Мари добавила в свое сипение жесткости:

— Она очень часто встречается в кроссвордах, эта пирамида потребностей. Я читала о ней в газете. Там про потребности человека. На нижней ступеньке — самые основные человеческие потребности. Пища и вода.

— М-м-м, — ответил Кент: похоже, он отвечал на СМС.

— И воздух, по моим предположениям, — тихонько прибавила Бритт-Мари.

Вторая ступенька пирамиды — «безопасность», третья — «общение», четвертая — «чувство собственного достоинства». Она все помнит точно, потому что этот Маслоу, вообще говоря, фигурирует в кроссвордах

исключительно часто. Кажется, даже эти шутники его уважают.

— А на самом верху пирамиды — «самореализация». Именно ее Борг и дал мне, Кент. Самореализацию. Конечно, ты сочтешь это нелепым. — Она прикусила губу.

Кент поднял глаза от телефона. Пристально посмотрел на Бритт-Мари, глубоко и шумно сопя — как когда спит и вот-вот начнет храпеть.

— Ну да, ну да! Чего тут не понять, любимая. Все понятно. Это отлично, это просто офигеть! Самореализация. Офигенно.

— Я тоже думаю, что это офигенно, — прошептала Бритт-Мари и взяла его за руку.

Кент кивнул, широко усмехнулся:

— Ну что, теперь ты и это получила? А завтра едем домой!

Бритт-Мари прикусила губу и выпустила его руку. Крепче прижала к себе вазу и стала протискиваться наружу из машины.

— Черт возьми, любимая! Ну не обижайся! Сколько продлится эта работа? Сколько времени ты еще на этой должности?

— Три недели, — с трудом выговорила Бритт-Мари.

— А потом? Когда три недели кончатся, а другой работы у тебя не будет? Останешься жить в Борге в статусе безработной? — прокричал он ей в спину.

Бритт-Мари не ответила; Кент вздохнул и вышел из машины.

— Ты же понимаешь, милая, что это — не твой дом?

Бритт-Мари знала, что он прав.

Кент успел догнать ее. Бритт-Мари остановилась и прикусила щеки. Кент забрал у нее вазу с тюльпанами, внес в дом, Бритт-Мари медленно вошла следом. Кент склонил свою большую голову.

— Прости, любимая, — сказал он, и обе его руки мягко обхватили ее подбородок.

Они стояли в прихожей, Бритт-Мари закрыла глаза. Он поцеловал ее веки. Он часто делал так, в самом начале, когда мама только-только умерла. Бритт-Мари тогда осталась совсем одна на свете — пока Кент не оказался на лестнице в тот день, когда она перестала быть одна. Потому что она была нужна ему, а человек не одинок, когда он кому-то нужен. Поэтому Бритт-Мари так любит, когда он целует ее в закрытые глаза.

— Я просто сильно нервничаю. Из-за завтрашней встречи. Но все будет хорошо. Обещаю, — пообещал Кент.

Бритт-Мари хотелось ему верить. Он усмехнулся, поцеловал ее в щеку

и попросил не беспокоиться. Завтра утром он заедет за ней в шесть часов, чтобы не попасть в пробку. Потом пошутил: «А то вдруг из Борга выедут все три машины одновременно! Дорога будет забита!» Бритт-Мари улыбнулась, словно это смешно. И стояла в прихожей за закрытой дверью, пока он уезжал.

Потом поднялась по лестнице, застелила кровать. Подготовила сумки. Сложила полотенца. Снова спустилась, вышла из дома и пошла через Борг. Темный и тихий, словно вымерший, словно никакого кубка не было и в помине. Но в пиццерии горел свет, изнутри доносился хохот Банк и Личности. И другие голоса. И звон стекла. И песни про футбол, и другие песни из репертуара Банк: их тексты Бритт-Мари находила совершенно неуместными для воспроизведения.

Бритт-Мари отперла дверь молодежного центра, зажгла свет на кухне. Села на табуретку, надеясь, что крыса скоро явится. Крыса не шла. Бритт-Мари сидела, держа телефон в сложенных лодочкой ладонях, словно телефон тот был жидкий, очень долго, потом набралась решимости, набрала номер. Девушка из службы занятости ответила после третьего раза.

— Бритт-Мари? — выговорила она спросонок.

— Позвольте попросить вас об увольнении, — прошептала Бритт-Мари.

Судя по звуку на том конце, девушка споткнулась и что-то перевернула. Может быть, лампу.

— Нет, нет, малыш, мама просто поговорит по телефону, ложись и спи, кроха, — услышала Бритт-Мари ее голос.

— Что вы хотите этим сказать? — поразилась Бритт-Мари.

— Простите. Я говорила с дочкой. Мы уснули на диване, — извинилась девушка на том конце.

— Я не знала, что у вас есть дочь, — просипела Бритт-Мари.

— У меня две, — ответила девушка; судя по звуку, она включила на кухне свет и поставила кофе на огонь. — Который час? — спросила она.

— Во всяком случае, не самое подходящее время суток, чтобы пить кофе, — ответила Бритт-Мари, но тут же добавила: — Но, разумеется, поступайте, как вам угодно. Разумеется.

Девушка на том конце сосредоточенно вдохнула и выдохнула. Судя по звуку, кофе все-таки варился.

— Что я могу для вас сделать, Бритт-Мари?

— Я прошу разрешения уволиться. Прошу разрешения уехать домой, — прошептала Бритт-Мари.

Девушка долго молчала, потом спросила:

— Как прошел матч?

От этого вопроса с Бритт-Мари что-то начало происходить. Может быть, после гола Бена она действительно приземлилась другим человеком. Она не знала. Но она вдохнула, выдохнула — и рассказала все.

О поселках у дороги, о крысах, о публике, которая не снимает головных уборов в помещении. О первом свидании мальчиков, о футболках на стенах пиццерий. Слова сами рвались наружу. Про «Факсин» и гамбургеры на обед, пивные бутылки в целлофане, мебель из «Икеи». Про пистолеты и приложения с кроссвордами. Про полицейских и предпринимателей. Про дегенератов в свете фар грузовиков. Про синие двери машин и старые футбольные мячи. И про сиреневые тюльпаны, и виски, и сигареты, и погибших матерей. И про внезапные приступы гриппа. И про банки с газировкой. Про один-ноль в игре с городской командой. Про то, как девочка останавливает мяч лицом. Про космос.

— Как глупо. Конечно, вы решите, что это просто глупо, — шепнула она.

Голос девушки дрожал:

— Я говорила, почему работаю в службе занятости? Не знаю, известно ли вам, но, работая в службе занятости, можно огрести ведра дерьма. Люди умеют быть невероятно злыми. И когда я говорю «дерьмо», Бритт-Мари, это надо понимать буквально. Один человек как-то прислал мне какашку в конверте.

— Сумерки богов! — выдохнула Бритт-Мари так торопливо, что закашлялась.

— Как будто я типа виновата в финансовом кризисе! Бритт-Мари долго сидела, погрузившись в размышления.

— Бритт-Мари? — позвала девушка. Бритт-Мари кашлянула.

— Позвольте спросить, как, вообще говоря, можно поместить это в конверт?

— Какашку?

Бритт-Мари решительно кивнула:

— Ах-ха. Вы, конечно, решите, что я сейчас скажу глупость. Но, по моим представлениям, поместить ее туда должно быть нелегко.

Девушка хохотала несколько минут. Бритт-Мари радовалась, что потеряла голос, — девушке, видимо, было не слышно, что и она тоже смеется. Не космос, ни в коем случае, но какое-то такое чувство подняло ее с табуретки.

— Знаете, почему я работаю здесь? — снова спросила девушка.

— Нет.

— Моя мама всю жизнь проработала в социальной службе. Она всегда говорила, что посреди всего дерьма, посреди самого худшего однажды случается история со счастливым концом. И тогда понимаешь: оно того стоило.

Девушка молчала, долго-долго. Потом произнесла с улыбкой:

— Вы — моя история со счастливым концом, Бритт-Мари.

Бритт-Мари сглотнула.

— Об этом неуместно говорить по телефону посреди ночи. С вашего позволения, я перезвоню завтра.

— Спокойной ночи, Бритт-Мари, — прошептала девушка.

— Вам тоже, — прошептала Бритт-Мари.

Обе нажали отбой.

Бритт-Мари сидела на табуретке, с телефоном в сложенных лодочкой ладонях. Ей так хотелось, чтобы крыса наконец появилась, что, когда раздался стук в дверь, Бритт-Мари в первую минуту подумала, что это она. Потом, конечно, Бритт-Мари опомнилась: крысы не могут стучать в дверь, потому что у них нет костяшек пальцев. Во всяком случае, ей казалось, что нет.

— Есть кто дома? — спросил Сами в дверях.

Бритт-Мари сорвалась с табуретки.

— Что-то стряслось? С кем-то несчастный случай?

Сами стоял, прислонившись к косяку.

— Нет. Почему несчастный случай?

— Но, Сами, сейчас глухая ночь. Никто не является в дом среди ночи, без предупреждения, словно продавец пылесосов или кто там еще, если ничего не произошло!

— А вы здесь живете? — ухмыльнулся Сами.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, — прошептала она.

Сами покачал головой:

— Спокойно, Бритт-Мари. Я проезжал мимо и увидел свет. Решил узнать, не хотите ли вы сигаретку. Или выпить.

Он смеется над ней! Бритт-Мари это категорически не нравилось.

— Разумеется, нет! — просипела она.

— О'кей, — рассмеялся Сами. — Класс.

Бритт-Мари расправила юбку.

— Но если ты не против сникерса, то заходи.

Они сидели на табуретках у кухонного окна. Смотрели на звезды в самое чистое во всем Борге окно и ели сникерс каждый со своей тарелки.

— Сегодня было так кайфово, — сказал Сами.

— Да, было... кайфово, — подтвердила Бритт-Мари. Она хотела сообщить Сами, что завтра покинет Борг и уедет домой, но так и не узнала, заметил ли он это по ней, потому что, прежде чем она успела открыть рот, Сами сказал:

— Мне нужно в город. Помочь другу.

— Что еще за друг? — просипела Бритт-Мари. — Посреди ночи?

— Магнус. У него проблемы с одними парнями. Он им денег должен. А я должен ему помочь.

Бритт-Мари пристально посмотрела на Сами. Он кивнул. Иронически улыбнулся.

— Я знаю, о чем вы подумали. Но это Борг. Мы тут многое друг другу прощаем. У нас нет выбора. Если мы не станем прощать друг друга, у нас не останется друзей, которые будут нас доводить до белого каления.

Бритт-Мари встала. Осторожно забрала у него тарелку. Долго колебалась и, наконец, ласково коснулась забинтованной рукой его щеки.

— Тебе не обязательно все время быть посредником, Сами, — шепнула она.

— Как сказать, — шепнул он.

Бритт-Мари мыла посуду, Сами стоял рядом и вытирал тарелки. Потом оба вытерли насухо каждый свою сторону мойки.

— Если со мной что-нибудь случится, обещаете присмотреть за Омаром и Вегой? Чтобы у них все было хорошо? Обещаете, что найдете хороших людей, которые позаботятся о них? — попросил Сами.

Кровь отлила у Бритт-Мари от лица.

— А почему с тобой должно что-то случиться?

Его рука успокаивающе скользнула по ее плечам.

— А, да ничего со мной не случится, я же гребаный Супермен. Но знаете. Если вдруг. Вы проследите, чтобы они жили у каких-нибудь хороших людей?

Бритт-Мари тщательно вытирала руки полотенцем, чтобы Сами не заметил, что они дрожат.

— Почему ты просишь об этом меня? Почему не Свена, или Банк, или...

— Потому что вы, Бритт-Мари, не из тех, кто сваливает, — сказал Сами.

— Ты тоже! — возразила она.

Сами остановился на пороге, закурил. Бритт-Мари стояла чуть позади него, жадно вдыхая дым: взрослая женщина, а ведет себя точно

официантка. Солнце еще не взошло. Она сняла волосок с куртки Сами. Завернула в носовой платок.

— За какую команду болела твоя мама? — шепнула она.

Сами усмехнулся и ответил, как отвечают на подобные вопросы все сыновья всех мам:

— За нашу.

Он подвез Бритт-Мари до дома Банк. Поцеловал ее в голову. Бритт-Мари сидела на балконе рядом со своими собранными в дорогу сумками и смотрела, как он едет в город. Он взял с нее слово, что она не станет сидеть всю ночь и ждать, когда он вернется в Борг.

И все же она сидела и ждала.



— Позвольте довести до вашего сведения, что я уволилась. Видите ли, мне надо домой.

Бритт-Мари ковыряла бинт на указательном пальце.

— Я отлично понимаю, что вы не понимаете. Но мой дом — там, где Кент. У человека должен быть дом.

Она виновато кивнула.

— Я, разумеется, не хочу сказать, что крысам не нужен дом. Я в это ни в коем случае не вмешиваюсь. Я уверена, что у вас великолепный дом.

Крыса сидела на полу и смотрела на тарелку так, словно тарелка отдала ей хвост и обозвала дубиной.

— Сникерсы кончились, — оправдывалась Бритт-Мари.

Крыса смотрела на банки, стоящие на тарелке.

— Это арахисовая паста. А это — какая-то «Нутелла», — гордо произнесла Бритт-Мари, потом откашлялась: — В продовольственном магазине сникерсы закончились, но меня уверяли, что вот это на вкус точно такое же.

Ночь еще не кончилась. Личность совершенно не обрадовалась тому, что ее разбудили, но Бритт-Мари не смогла усидеть одна рядом с сумками на балконе у Банк. Она не выдержала. Поэтому вернулась сюда, попрощаться. И с крысой, и с поселком.

Она красиво выложила на тарелку по ложке из каждой банки, украсила это все веточкой укропа. Свернула салфетку, положила возле тарелки.

— Укроп есть не обязательно, если вам не хочется. Это просто для красоты, — объяснила она крысе.

Крыса принялась за арахисовую пасту. Бритт-Мари стояла у окна. Скоро рассвет. Личность потушила свет в пиццерии и снова отправилась спать, в надежде, что Бритт-Мари не станет больше колотиться в дверь, потому что ей понадобилась шоколадная паста. Праздники кончились. Дорога была пустынна. Бритт-Мари стала тереть обручальное кольцо картофелем с содой, это лучший способ вернуть кольцам блеск. Она так чистит обручальное кольцо Кента, когда тот забывает его на тумбочке перед встречей с немцами. Кент становится таким рассеянным, когда у него

встреча с немцами. Бритт-Мари обычно начищает кольцо до такого блеска, чтобы Кент не смог не заметить его, когда встанет с постели на следующее утро.

А тут впервые начистила собственное кольцо. В первый раз оно было не на пальце. Не глядя на крысу, Бритт-Мари шепнула:

— Я нужна Кенту. Человеку необходимо, чтобы в нем нуждались, поднимаете?

Неизвестно, сидят ли крысы на кухне ночь напролет, размышляя, как они прожили свою жизнь. Или с кем.

— Сами сказал, я не из тех, кто сваливает. Но я как раз из них, понимаете? В любом случае я кого-то да бросаю. Поэтому единственное решение — остаться там, где твой дом. Где твоя подлинная жизнь.

Бритт-Мари старалась говорить уверенным голосом. Крыса вылизала лапки. Сделала полукруг по салфетке. Потом юркнула за дверь.

Может, решила, что Бритт-Мари слишком много говорит. Тогда почему она продолжает приходить сюда? Бритт-Мари надеялась, что не только ради сникерсов. Она взяла с пола тарелку, закрыла пленкой остатки арахисовой пасты и «Нутеллы» и по привычке убрала в холодильник, потому что она не из тех, кто выбрасывает еду. Тщательно вытерла обручальное кольцо, завернула его в квадратик бумажного полотенца и сунула в карман жакета. Как приятно будет снять повязку и снова надеть кольцо на палец. Так же приятно, как улечься в собственную постель после долгого путешествия.

Обычная жизнь. Бритт-Мари никогда не хотела ничего другого, кроме обычной жизни. Она могла бы сделать другой выбор, говорит она себе, но она выбрала Кента. Человек не выбирает обстоятельства, но он выбирает, как ему поступить, молча рассуждала она. Сами прав. Она не из тех, кто сваливает. Поэтому она поедет домой — туда, где в ней нуждаются.

Она сидела на кухонной табуретке, поглядывая на дорогу и ожидая, когда появится черная машина. Машины все не было. Интересно, задумывался ли Сами о том, как жить, может ли он позволить себе такую роскошь. И кем все же следует быть человеку: тем, кто прыгает, или тем, кто от этого воздерживается.

Интересно, когда человек стареет, много ли у него остается в душе пространства для маневра? С кем еще ей осталось встретиться, что они увидят в ней и что еще помогут разглядеть в себе самой?

Сами уехал в город, помогать кому-то, кто этого не заслуживает; Бритт-Мари собиралась вернуться домой по той же причине. Потому что, если мы не будем прощать тех, кого любим, что нам останется? Что есть

любовь, если не любить наших любимых, даже когда они этого не заслуживают?

Все мысли Бритт-Мари крутились вокруг одного: как человек проживает жизнь. Ради кого. И чью.

Вдали, на дороге, мигнули фары, вот свет медленно протянулся из темноты, словно руки из воды. Миновал щит «Добро пожаловать в Борг». Замедлил движение возле автобусной остановки. Свернул на гравийную площадку. Бритт-Мари уже стояла в дверях.

Потом о происшествии в городе сообщат, что некие молодые люди рано утром выследили Магнуса у бара. У одного из них был нож. Между ними бросился другой молодой человек. Тот, кто всегда вставал между противниками.

Машина мягко остановилась на площадке. С горячим вздохом замер мотор. Фары погасли — и тут же загорелся свет в пиццерии. В спящих поселках всегда знают, что это значит — когда машина останавливается у окна до рассвета. Что это всегда не к добру. Личность выкатилась на крыльцо и остановилась, увидев полицейскую форму.

Свен стоял, сжимая фуражку обеими руками; на нижней губе отпечатались зубы, не пускавшие чувства на волю. Но протянувшиеся по щекам неудержимые алые полосы свидетельствовали о тщетности этих усилий.

Бритт-Мари отчаянно вскрикнула. И упала наземь. Придавленная тяжестью человека, которого больше нет.



Горе накатило стремительно. Не прорастало в душе последовательно отрицанием, злостью, торгом, депрессией и принятием. Оно вспыхнуло мгновенно, как всепожирающий пожар; огонь выжег весь кислород — и вот Бритт-Мари лежала на земле, суча ногами и хватая воздух ртом. Тело пыталось свернуться улиткой, словно лишилось позвоночника, в отчаянной попытке подавить пламя, выжигающее все внутри.

Смерть — крайний случай бессилия. Бессилие — крайний случай отчаяния.

Бритт-Мари не помнила, как поднялась на ноги. Как Свен посадил ее в машину. Наверное, отнес на руках. Вегу они нашли на полдороге между молодежным центром и многоквартирным домом — она лежала прямо на гравии. Волосы прилипли к коже. Слова булькали, словно легкие затопило слезами. Словно девочка тонула внутри себя самой.

— Омар. Надо найти Омара. Он их убьет.

Бритт-Мари не понимала, кто кого крепко-накрепко обнял на заднем сиденье машины: она Вега — или наоборот.

Рассвет осторожно будил Борг, словно дышал любимому в ухо. Солнцем и обещаниями. Словно щекочущий свет на теплом одеяле, словно запахи свежего кофе и поджаренного хлеба. Зря он это. Не тот сегодня день, он не станет прекрасным, но рассвету все равно. Полицейская машина мчится сквозь первые мгновения утра, единственная машина на всей дороге. Свен стиснул руль, кровь, пульсируя, отлила от побелевших пальцев. Наверное, это больно. Наверное, он пытался сконцентрировать всю боль в одном месте. Чтобы с ней совладать. При виде другого автомобиля Свен прибавил газу. В такое время выехать из Бор-га может только одна машина. В ней — единственный брат Веги, которого еще можно спасти.

Любая смерть несправедлива. Каждый скорбящий ищет виновного. И почти всегда наш гнев наталкивается на невыносимое понимание того, что

виновных нет. А если они все же есть? Если ты знаешь того, кто отнял у тебя твоих любимых? Что ты сделаешь? В какую машину сядешь? И что возьмешь в руки?

Полицейская машина с ревом обогнала другой автомобиль и резко вывернула перед ним. Нога Свена коснулась асфальта раньше, чем машины остановились. Целую вечность он стоял один на дороге — лицо в алых полосках, губа искусана. Наконец дверь распахнулась и вышел Омар. Взрослые глаза на лице мальчишки. Детство кончилось. Такая ночь останется с человеком навсегда.

— Что, Свен? Что ты мне скажешь? Что мне есть что терять? А что, мать твою, мне терять?

Свен протянул к нему поднятые руки, показывая пустые ладони и глядя на то, что держал в руках Омар. И произнес срывающимся голосом:

— Расскажи мне, где этому конец, Омар. Вот ты убил их, а они — тебя. А дальше что? Рассказывай давай.

Омар замер на месте. словно тоже пытался сконцентрировать боль. Двое парней на заднем сиденье открыли дверь, но не вышли — сидели и ждали, что решит Омар.

Бритт-Мари их узнала. Это они играли в футбол с Сами и Магнусом в свете фар черной машины Сами... Когда это было? Несколько дней назад? Несколько недель? Целую жизнь назад. Тоже ведь почти мальчишки. И они тоже.

Смерть — это бессилие. Бессилие — это отчаяние. Отчаявшиеся люди совершают отчаянные поступки. Ветер шевелил волосы Бритт-Мари, когда из полицейской машины вышла Вега. Посмотрела на брата. Он уже опустил на колени. Прижав к себе его голову, она прошептала:

— Где стоял Сами?

И так как Омар не ответил, повторила:

— Где. Стоял. Сами?

— Между нами, — выдохнул он.

Двое парней взглянули напоследок на Свена. Один раз их удалось остановить. Может быть, получится остановить еще раз. Но не сегодня.

Машина уехала. На дороге остались Бритт-Мари, Свен и двое детей. Над ними вставал рассвет.

Что с него возьмешь, с рассвета?

Полицейская машина медленно миновала Борг, свернула на проселок и поехала дальше. Бритт-Мари сама не знала, заснула она или просто

оцепенела. Машина остановилась у озера. Бритт-Мари завернула пистолет во все носовые платки, какие только нашлись у нее в сумочке, толком не зная зачем; может, ей просто не хотелось, чтобы девочка испачкалась. Вега настояла на том, что сделает это сама. Шагнула вперед и что есть силы зашвырнула пистолет в воду.

Бритт-Мари не помнила, как часы превратились в дни и сколько их прошло. Ночью она спала между детьми в кровати Сами. Ощущая, как их сердца бьются под ее ладонями. Она осталась у них в квартире на несколько суток. Это не было ни планом, ни решением — просто осталась, и все. Рассветы сплывались с закатами. Потом она смутно припоминала, что говорила с Кентом по телефону, но не помнила о чем. Наверное, просила устроить какие-то практические дела, сделать несколько звонков, у него это хорошо получается. Все говорят, у Кента это хорошо получается.

Свен пришел в квартиру после обеда, в какой день — Бритт-Мари тоже не помнила. С ним была молодая девушка из социальной службы. Ласковая и приветливая. Голова Свена больше не склонялась под грузом тяжелых мыслей. Девушка сидела с ними на кухне. Она говорила медленно и мягко, но никто не мог сосредоточиться: Бритт-Мари смотрела в окно, дети — один в потолок, другая — в пол.

На следующую ночь Бритт-Мари разбудил грохот. Она встала, на ощупь зажгла свет. Ветер врывается в комнату через балконную дверь. Вега как безумная бегала туда-сюда по кухне. Взад-вперед. Она прибиралась. Начищала все, что смогла найти. Пальцы яростно терли мойку и сковороды. Снова и снова. Словно это были волшебные лампы, способные вернуть ей прежнюю жизнь.

Руки Бритт-Мари задержались в воздухе над ее дрожащими плечами. Пальцы согнулись, но не коснулись девочки.

— Мне так жаль, — шепнула Бритт-Мари, — я понимаю, какие чувства...

— На чувства у меня времени нет. Мне надо позаботиться об Омаре, — бесцветным голосом перебила Вега.

Бритт-Мари хотела погладить ее, но девочка отшатнулась, и Бритт-Мари пошла за сумочкой. Достала соду. Глаза их встретились. У скорби больше не осталось слов. Ведь слова помочь не могут. Поэтому обе прибирались до самого утра. Хотя в таких делах и сода не очень-то помогает.

Январским воскресеньем, когда на стадионе в сотнях миль от Борга «Ливерпуль» встречался со «Сток Сити», Сами похоронили рядом с

матерью, укрыв одеялом из красных цветов. Его оплакивали брат и сестра, его будет не хватать всему поселку. Омар оставил на кладбище шарф. Бритт-Мари угощала всех кофе в пиццерии, следя, чтобы у всех была салфетка под чашку. Здесь собрались все жители Борга до единого. По периметру парковки горели свечи, белые футболки с цифрами на спине аккуратно рядом висели на заборе. Иные новые, иные — старые, посеревшие от стирок. Но каждая все помнит.

Вега стояла в дверях, в наглаженном платье, с расчесанными волосами. Принимала соболезнования соседей, словно скорбеть — это в первую очередь их право. Машинально пожимала руки. Смотрела равнодушными глазами, словно ее выключили из сети. На парковке что-то стукнуло, но никто этого не услышал. Бритт-Мари позвала Вегу поесть — та даже не ответила. Правда, позволила отвести себя за стол и усадить на стул — точно сомнамбула. И отвернулась к стене — чтобы избежать любых прикосновений, любого контакта. Стук на парковке повторился. Горе захлестнуло Бритт-Мари. Бессилие и отчаяние все ощущают по-разному: для Бритт-Мари они всего отчетливей, когда она не может кого-то накормить.

Бормочущие голоса в тесноте пиццерии слились в рев урагана, обессиленные руки пытались нашарить Вегино плечо, словно на краю обрыва. Но плечо отдернулось. Сползло по стене. Взгляд был обращен внутрь. Тарелка стояла нетронутая.

Когда стук на парковке стал еще сильнее и настойчивее, Бритт-Мари свирепо повернулась к двери, стиснув руки так крепко, что сполз бинт; она уже собралась рывкнуть как следует, что шуму тут и так уже довольно, как вдруг мимо нее к выходу стала протискиваться Вега.

За дверью стоял Макс, опираясь на костыли. Повиснув на них подмышками, он пробил здоровой ногой по мячу с острого угла — так, что тот отлетел сперва к молодежному центру, потом ударился в забор с белыми футболками, а затем отскочил к нему назад. Пу-пум-пум, стучал мяч. Пу-пум-пум. Пу-пум-пум. Пу-пум-пум.

Словно сердце.

Когда Вега подошла достаточно близко, Макс, не оборачиваясь, послал мяч вбок. Мяч подкатился к Веге и улегся у ее ног. Ее большие пальцы чувствовали его сквозь туфли. Вега наклонилась и кончиками пальцев погладила швы на его коже.

И беззвучно заплакала.

В сотне миль отсюда «Ливерпуль» выиграл со счетом 5:3.



Омар и Дино первыми вступили в игру с Вегой. Поначалу неловко, словно скованные горем, но постепенно разошлись и заиграли так, словно это был самый обычный вечер. Самозабвенно, потому что по-другому играть невозможно. Появились другие игроки — сначала Жабрик и Бен, вскоре подтянулись остальные ребята. Бритт-Мари их не знала, но штаны у всех были с рваными коленками, а играли незнакомые так, словно жили в Борге.

— Бритт-Мари? — непривычно официальным тоном спросил Свен.

Рядом с ним стоял очень высокий мужчина. Просто невероятно высокий. Непонятно даже, как устроено освещение в доме, где он живет.

— Ах-ха? — сказала Бритт-Мари.

Свен представил ей дядю Дино — по-английски. В английском Свена все «дж» превратились в «й», но Бритт-Мари не стала ему на это указывать. Она не из тех, кто критикует.

— Hello, — произнесла Бритт-Мари; к этому и свелось ее участие в разговоре.

Не потому, что Бритт-Мари не знала английского, а лишь потому, что не знала, как говорить по-английски, не чувствуя себя простофилей. Она даже не знала, как по-английски «простофиля». Что считала дополнительным доводом в пользу своей точки зрения.

Этот чрезмерно высокий мужчина (не то чтобы Бритт-Мари кого-то осуждала) рассказал, что они с Дино жили в трех странах и семи городах, прежде чем приехали в Борг.

Свен любезно переводил его слова Бритт-Мари. Бритт-Мари и так неплохо все понимала, но позволила ему продолжать, боясь, что иначе от нее будут ждать каких-нибудь слов. Уголки рта высокого мужчины печально подергивались, когда он говорил, какое облегчение, что маленькие дети не помнят всего. Но Дино был уже достаточно большим, чтобы видеть, слушать и запоминать. Он помнит все, от чего они бежали.

— Он рассказывает, что Дино все еще с трудом говорит. Только с теми,

кто... — пояснил Свен и показал в окно.

Бритт-Мари вложила одну руку в другую. Высокий мужчина сделал то же.

— Сами, — произнес он, словно выпевая, словно лаская каждый звук.

Тяжесть повисла у Бритт-Мари на ресницах.

— Он рассказывает, что Сами увидел одинокого мальчика на дороге. Вега и другие окликнули его, спросили, не хочет ли он поиграть, но он не понял. Тогда Сами подкатил к нему мяч, и мальчик ударил по мячу ногой, — перевел Свен.

Бритт-Мари смотрела на высокого мужчину. Благоразумие все-таки не позволяло ей рассказать о том, как однажды, когда они с Кентом жили в отеле и кто-то забыл в номере иностранную газету, она почти разгадала целый кроссворд на английском языке, без чьей-либо помощи.

— Thank you, — поблагодарил высокий.

— Он хочет сказать спасибо за то, что ты тренировала команду. Это так много зна...

Бритт-Мари перебила Свена, потому что все поняла:

— Это я должна сказать спасибо.

Свен начал переводить, но высокий остановил его, потому что тоже все понял. Он пожал руку Бритт-Мари и, вернувшись в пиццерию, помог Личности собрать со столов тарелки и стаканы.

— У него ночная смена в больнице. Дино всегда ужинал с Вегой и Омаром, потому что Сами не хотел, чтобы мальчик ел в одиночестве, — объяснил Свен.

И крепко сжал губы.

— Ну что, это были достойные похороны, — сказал он, потому что так полагается говорить.

— Безусловно, — согласилась Бритт-Мари, потому что так полагается.

Свен вынул что-то из кармана, протянул ей. Ключи от ее машины. Отвел глаза. В окно они увидели, как БМВ Кента заворачивает на футбольную площадку.

— Думаю, вы с Кентом теперь уедете домой, — сказал Свен, глядя куда-то вдаль.

— Так будет лучше всего, — ответила Бритт-Мари и прикусила щеки, но слова все-таки пробились наружу. — Если только я не нужна. Не нужна... Вега и Омару...

За короткое время между первой фразой и второй Свен успел поднять глаза, а потом сжаться, поняв, что Бритт-Мари спрашивает, нужна ли она детям. А не ему.

— Я, я... ну да, ну да, я связался с социальной службой. Они прислали в Борг какую-то сотрудницу, — напряженно произнес он, словно забыв, что несколько ночей назад сам приходил к детям с этой девушкой.

— Конечно, — ответила Бритт-Мари.

— Она... она тебе понравится. Я работал с ней несколько раз. Она хороший человек. Хорошо к ним относится, она не то что... не такая, какими себе представляют социальных работников.

Бритт-Мари вытерла лоб носовым платком, чтобы Свен не заметил, что она вытирает глаза.

— Я обещала Сами, что с ними все будет хорошо. Обещала... я... у них должен быть шанс... у них должен быть шанс на историю со счастливым концом. Когда-нибудь, — выговорила она наконец.

— Мы будем стараться изо всех сил. Будем делать все, что только в наших силах, — ответил Свен.

— Разумеется. Разумеется, — твердила Бритт-Мари своим сапогам.

Свен теребил фуражку.

— Эта девушка из социальной службы... она несколько дней поживет с детьми. Пока идет расследование. Она очень заботливая, ты не беспокойся, я... меня уже попросили отвезти детей вечером домой.

Понадобилось несколько секунд, чтобы смысл сказанного дошел до Бритт-Мари. Прежде чем на нее обрушилось понимание: в ней больше не нуждаются.

— Разумеется. Разумеется. Так будет лучше всего, — прошептала она.

Кент вышел из БМВ. Увидев в окне пиццерии Свена и Бритт-Мари, он смущенно засунул руки в карманы брюк; вид у него был такой, будто он заблудился и не хочет себе в этом признаться. Он никогда не умел говорить о смерти. Он из тех, кто устраивает всякие практические дела, он звонит, он целует тебя в глаза. Но не из тех, кто умеет чувствовать.

Он как будто задумался, не зайти ли и ему в пиццерию, но ноги понесли его в противоположном направлении. Кажется, он направился назад в БМВ, но тут ему под ноги подкатился мяч. В паре метров от него стоял Омар. Кент поставил ногу на мяч. Посмотрел на мальчика. И ударил ногой по мячу. Омар отбил его «щечкой».

Через тридцать секунд Кент был уже в гуще детей, мятая рубашка выбилась из штанов и свисала над ремнем. Волосы торчали дыбом, глаза сияли. Кент с разбегу ударил по летящему мячу и, промазав, увидел, как собственный ботинок приземляется на крышу молодежного центра.

— Сумерки богов, — пробормотала Бритт-Мари, стоя у окна.

Дети проводили ботинок взглядом. Повернулись к Кенту. Он глянул на них и расхохотался. Дети тоже засмеялись. Доигрывал Кент в одном ботинке; забив гол, он понесся вокруг площадки с Омаром на спине, и Бритт-Мари теперь отчетливо видела, какая у него огромная дыра на носке. Люди наверняка подумают, что ему некому напомнить, чтобы поменял носки.

Омар обнял его, чуть крепковато. Чуть дольше, чем принято. Как подросткам редко случается обниматься вне футбольного поля. Кент обнял его в ответ. Футболистам это позволительно.

— Не осуждай меня, Бритт-Мари, — пробормотал Свен, отвернувшись от окна, — что я не позвонил в социальную службу раньше. Я хотел дать Сами шанс все устроить. Я думал, что я, я... я просто должен дать ему шанс. Не думай обо мне плохо.

Ее пальцы коснулись воздуха возле него — настолько близко, насколько было возможно, чтобы не дотрагиваться.

— Ну что ты, Свен. Что ты.

Свен как будто собрался что-то сказать, поэтому Бритт-Мари поспешила перехватить инициативу:

— Детей стало больше, чем в прошлые дни. Откуда они?

Свен поправил фуражку на голове. Нечаянно сдвинул набекрень.

— Они приходили сюда каждый вечер после того матча. Каждый вечер по несколько новых. Если так и дальше пойдет, в Бorge появится не просто своя команда, но и собственный клуб.

Что это значит, Бритт-Мари не поняла, но звучало красиво. Сами бы понравилось.

— У них такой счастливый вид. Несмотря ни на что, они играют — и они счастливы, — с завистью констатировала она.

Свен провел тыльной стороной ладони по щетине. У него был усталый вид. Бритт-Мари впервые видела его усталым. Но вдруг он глянул на нее, блеснув глазами, уголки губ чуть разошлись.

— Футбол заставляет жизнь идти вперед, — сказал он. — Всегда впереди еще один матч. И следующий сезон. Всегда надеешься, что все изменится к лучшему. Это сказочная игра.

Бритт-Мари расправила складочку на его рубашке. Кончиками пальцев, легкими, как мотыльки, не касаясь тела под тканью.

— Если это не слишком бестактно, я хотела бы задать тебе очень личный вопрос, Свен.

— Спрашивай, — грустно кивнул Свен.

— Ты за какую футбольную команду болеешь?

Он изменился в лице от неожиданности, сразу осунувшись.

— Я никогда не болел за какую-то одну команду. Мне кажется, я слишком люблю футбол. Иногда страсть к команде идет вразрез с любовью к самой игре.

Как это похоже на человека вроде Свена — больше верить в любовь, чем в страсть! Полицейского, который больше верит в справедливость, чем в закон. Бритт-Мари подумала, что это ему идет. Но сказала только:

— Поэтично.

— Курсы, — улыбнулся он в ответ.

Она сказала бы гораздо больше. Он, наверное, тоже. Но он произнес только:

— Я хочу, чтобы ты знала, Бритт-Мари: каждый раз, когда в мою дверь кто-нибудь постучит, я буду надеяться, что это ты.

Может быть, он собирался сказать что-то еще, но не сказал. Бритт-Мари хотела окликнуть его, но было поздно.

Дверь радостно звякнула за его спиной, ведь двери категорически не понимают, когда звякать неуместно.

Бритт-Мари промокнула платком щеки так, чтобы не казалось, будто она промокает глаза. Потом решительным шагом направилась к Личности. В пиццерии толпилось множество народа. Мама Бена, дядя Дино и родители Жабрика, а еще множество других людей, чьи лица Бритт-Мари мельком видела на трибуне. Гости прибирались, расставляли стулья, Бритт-Мари едва удержалась, чтобы их не переставить как надо.

— Похороны были это, как его? Достойные, ну? — невнятно выговорила Личность.

— Да, — согласилась Бритт-Мари и достала кошелек. — Позволь спросить, сколько я должна за дверь машины.

Личность забарабанила пальцами по подлокотнику кресла-каталки.

— Ну... я это, как его, размышляла об этой машине. Я же не бог весть какой автомеханик, ну? Может, что не так сделала? Ты сперва работу глянь, ну? Потом вернешься. Заплатишь.

— Не понимаю, — уведомила ее Бритт-Мари.

Личность почесала щеку, чтобы никто не видел, что она вытирает глаза.

— Ты, Бритт-Мари, такая честная. Не украдешь. Я знаю — ты вернешься в Борг. Чтобы заплатить.

Бритт-Мари сунула кошелек в сумочку. Достала носовой платок.

Отвернулась.

— Конечно. Конечно.

Ей захотелось заняться уборкой, но другие люди, собравшиеся в пиццерии, уже все убрали. Под руководством Личности. Теперь все разошлись.

Бритт-Мари здесь больше не нужна.

Пока дети играли, она одиноко стояла в дверях. Потом дети разошлись по домам, один за другим. Свен терпеливо дожидался Вега и Омара. Дал им время. Вега сразу юркнула на заднее сиденье и захлопнула дверь. Но Омар все брел вдоль забора, ведя пальцами по белым футболкам. Нагнулся над свечками на земле, осторожно поднял погасшую, зажег от другой, поставил назад. Поднимаясь, заметил в дверях Бритт-Мари. И махнул ей рукой — незаметно, на уровне бедра, жестом уже юноши, а не подростка. Бритт-Мари помахала в ответ, изо всех сил стараясь не показать ему, что плачет.

Она вышла на парковку, когда полицейская машина вывернула на дорогу в направлении многоквартирного дома, где жили дети, и скрылась из виду. Кент уже ждал. Весь потный, мятая рубашка свесилась на штаны. Волосы на большой голове стояли дыбом, одна нога без ботинка. Вид глупый. Бритт-Мари вспомнила, каким он был в детстве. Охваченному страстью, ему дела не было, что другие покачивают головами: он никогда не боялся опозориться в чужих глазах. Ему нужно было только ее одобрение, и ничье больше.

Кент взял ее за руку, и Бритт-Мари опустила веки под его губами. Выдохнула:

— Вега боится, хотя кажется, что злится. Омар злится, хотя кажется, что боится.

— Все будет хорошо, — шепнул Кент ей в волосы.

— Я обещала Сами, что с ними все будет хорошо, — всхлипнула Бритт-Мари.

— С ними все будет хорошо, предоставь это властям, — спокойно произнес он.

— Я знаю. Разумеется, я это знаю, — прошептала она.

— Это не твои дети, любимая, — сказал Кент.

Бритт-Мари не ответила. Потому что и так знала. Разумеется. Поэтому она выпрямилась, вытерла глаза носовым платком, расправила складку на юбке и значительное число складок — на рубашке Кента. Собралась с духом, сложила руки на животе и попросила:

— Мне нужно уладить одно последнее дело. Завтра. В городе. Если тебя это не слишком затруднит.

— Я поеду с тобой.

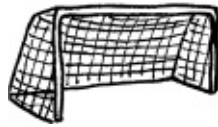
— Тебе не обязательно всегда быть рядом со мной, Кент, — уведомила его Бритт-Мари.

— Да ну, — ответил он.

Потом улыбнулся: он все понимает.

Но когда Кент направился к БМВ, Бритт-Мари осталась стоять, уйдя каблуками в гравий. И произнесла тоном человека, полагающего, что всему есть границы:

— Нет, Кент, в самом деле! В самом деле, опомнись! Я ни в коем случае не поеду с тобой в город, пока ты не наденешь оба ботинка!



Удивительное свойство придорожных поселков: оснований для того, чтобы покинуть их, примерно столько же, сколько чтобы остаться. Некоторые люди всю жизнь выбирают между первым и вторым.

Прошла еще почти целая неделя после похорон, прежде чем Бритт-Мари села в белую машину с синей дверью и выехала на дорогу, ведущую из Борга в две стороны. Следует непременно заметить: ответственность за это ни в коей мере нельзя возлагать исключительно на сотрудников муниципалитета. Они, вероятно, просто старались сделать свою работу. И не их вина, что они не представляли себе тщательности, с какой Бритт-Мари выполняет дела из своих списков.

В первый день у молодого человека, исполнявшего секретарские обязанности, сделался такой вид, будто Бритт-Мари изволит шутить. Приемная открывается в восемь утра, так что Бритт-Мари с Кентом были на месте в восемь ноль две; Бритт-Мари не хотелось выглядеть назойливой.

— Борг? — произнес исполняющий обязанности секретаря таким тоном, каким говорят о сказочных существах.

— Голубчик, как вы, вообще-то говоря, можете работать в муниципалитете и не знать, что Борг в него входит! — указала ему Бритт-Мари.

— Я не здешний. Я тут временно, — пояснил молодой человек.

— Ах-ха. И вы полагаете, что это уважительная причина не знать ничего вообще, — кивнула Бритт-Мари.

Кент ободряюще пихнул ее в бок, но шепнул, что надо бы как-то поддипломатичнее. Поэтому Бритт-Мари собралась и благожелательно улыбнулась молодому человеку:

— Как смело с вашей стороны — надеть этот галстук. С такой нелепой расцветкой!

Далее последовал обмен мнениями, вряд ли подпадающий под категорию «дипломатичного». Кенту в конце концов удалось утихомирить обе противоборствующие стороны настолько, что молодой человек

пообещал не вызывать охрану, а Бритт-Мари — больше не пытаться ударить его сумочкой.

У придорожных поселков есть странное свойство: прожив там хотя бы несколько недель, начинаешь считать личным оскорблением, что молодые люди не обременяют себя знанием о таких поселках. О факте их существования.

— Да будет вам известно, я приехала сюда, чтобы потребовать строительства футбольного поля в Борге, — объяснила Бритт-Мари с ангельским терпением.

Она ткнула пальцем в свой список. Молодой человек принялся рыться в какой-то папке, после чего демонстративно обратился к Кенту и заговорил о «комиссии», которая сейчас на совещании.

— Сколько оно будет длиться? — поинтересовалась Бритт-Мари.

Молодой человек порылся в папке.

— Это рабочий завтрак. Поэтому — часов до десяти.

— До де-ся-ти! Вы сидите за завтраком до де-ся-ти?! Тогда неудивительно, что вы до сих пор ничего не сделали, — благожелательно уведомила его Бритт-Мари.

После чего им с Кентом пришлось покинуть муниципалитет, поскольку молодой человек нарушил обещание и вызвал охрану.

Вернувшись в десять, они узнали, что комиссия закончит совещаться после обеда. Они вернулись после обеда, но комиссия, как выяснилось, просидит на совещании остаток дня. Тогда Бритт-Мари повторно довела до сведения секретаря свой запрос насчет футбольного поля, на этот раз более отчетливо, после чего высказала предположение, что на то, чтобы дать делу ход, вряд ли нужен целый день. Вернувшийся на поле боя охранник, в свою очередь, высказал предположение, что Бритт-Мари говорит несколько отчетливее, чем следует. Если Бритт-Мари сделает это еще раз, сказал он Кенту, то ему придется отобрать у нее сумочку. Кент ухмыльнулся и заявил, что у охранника в таком случае смелости больше, чем у него, Кента. Бритт-Мари не поняла, обижаться ей или гордиться.

— Мы вернемся завтра, любимая, не волнуйся, — успокаивал ее Кент, ведя к выходу.

Бритт-Мари безнадежно махнула рукой:

— У тебя встречи, Кент. Нам надо ехать домой, я понимаю, разумеется, я это понимаю. Я только хотела...

Она вдохнула так глубоко, что воздух, казалось, набрался даже в сумочку.

— Веге не больно, когда она играет в футбол.

— А от чего ей больно? — спросил Кент.

— От всего.

Кент растерянно понурил свою большую голову:

— Ничего, любимая. Мы вернемся завтра.

Бритт-Мари поправила повязку на руке.

— Я сознаю, что больше не нужна детям. Разумеется, сознаю, Кент. Хочется только, чтобы я могла что-то им дать. Хочется дать им хотя бы площадку.

— Мы вернемся завтра, — повторил Кент и открыл перед ней дверь машины.

— Нет, нет, у тебя встречи, я понимаю, что у тебя встречи, мы должны вернуться домой...

Кент рассеянно почесал голову, тихонько кашлянул и ответил, не сводя глаз с резиновой прокладки между стеклом и металлом:

— Если честно, любимая, у меня всего одна встреча. С автодилером.

— Ах-ха. Я была не в курсе, что ты намерен купить новую машину.

— Я не буду покупать новую. Я буду продавать эту. — Кент кивнул на БМВ, в которую Бритт-Мари только что села.

Лицо у него при этом было печальное, словно знало, что от него этого ждут. Но плечами он пожал, как юный мальчик, словно плечи легкие, гибкие и только что сбросили громадную тяжесть:

— Предприятие обанкротилось, любимая. Я пытался спасти его, сколько мог, но... да. Сама знаешь. Финансовый кризис.

Бритт-Мари беззвучно ахнула.

— Что же ты будешь делать?

Кент улыбнулся — беззаботно и молодо:

— Начну сначала. Что еще делают в таких случаях? Когда-то у меня ничего не было — может, помнишь?

Она помнила. Ее пальцы потянулись к его пальцам. Они оба немолоды, но Кент рассмеялся:

— Я сумел построить свою жизнь. Значит, смогу сделать это еще раз.

Он взял обе ее руки в свои и поймал ее взгляд:

— Любимая, я сумею снова стать тем мужчиной. На полпути между городом и Боргом Бритт-Мари повернулась к Кенту и спросила, как дела у «Манчестер Юнайтед». Кент захохотал. Это было чудесно.

— Да провалились ко всем чертям. У них был худший сезон за двадцать с лишним лет. Тренера вот-вот уволят.

— Но почему?

— Они забыли, что приносило им успех.

- И как обрести это снова?
- Начать сначала.

На ночь Кент снял комнату у родителей Жабрика. Бритт-Мари не предложила остановиться у Банк, потому что Кент признался: «Эта слепая ведьма меня слегка пугает».

На другой день они снова явились в муниципалитет. И на третий. Некоторые сотрудники муниципалитета, конечно, полагали, что рано или поздно они сдадутся, но эти люди были просто-напросто не в курсе того, сколько весят списки дел, написанные чернилами. Утром четвертого дня Кенту и Бритт-Мари разрешили встретиться с мужчиной в пиджаке, который заседал в комиссии. Ближе к обеду мужчина вызвал к себе женщину и еще одного мужчину, оба — в пиджаках. Возможно, это явилось результатом анализа предмета по существу. А возможно, просто-напросто потому, что первый пиджак сообразил, что это снизит вероятность того, что кто-нибудь снова попадет под сумочку Бритт-Мари.

— Я слышала много хорошего о Борге. Там, кажется, очаровательно, — с воодушевлением начала женщина, словно поселок в двух милях от ее кабинета — это экзотический остров, и попасть туда можно только при помощи чародея.

— Я здесь по поводу футбольной площадки, — напомнила Бритт-Мари.

— Вот как, — сказала женщина-пиджак.

— Поле не заложено в бюджет, — сообщил второй мужчина-пиджак.

— Я же говорил, — указал первый пиджак.

— Тогда нельзя ли вас попросить изменить бюджет? — поинтересовалась Бритт-Мари.

— Это категорически невозможно! Как это будет выглядеть? Тогда нам придется менять и все остальные бюджеты! — испугался второй мужчина-пиджак.

Женщина-пиджак с улыбкой спросила, не хочет ли Бритт-Мари кофе. Кофе Бритт-Мари не захотела. Женщина-пиджак улыбнулась еще шире:

— Насколько нам известно, в Борге уже есть футбольная площадка.

Второй мужчина-пиджак недовольно зажужжал сквозь зубы и выкрикнул:

— Нет! Земля под футбольной площадкой продана, там проведут геологическую разведку, а потом построят кооперативное жилье! Это внесено в бюджет!

— Тогда нельзя ли вас попросить выкупить землю обратно? —

спросила Бритт-Мари.

Второй пиджак зажужжал так, что испустил фонтанчик слюны.

— И как это будет выглядеть? Тогда ВСЕ захотят продать свою землю назад! Мы же не можем строить футбольные площадки везде! Мы тогда утонем в футбольных площадках!

— О-о. — Первый мужчина-пиджак со скучающим видом посмотрел на часы.

Кенту приходилось крепко держать сумочку Бритт-Мари. Женщина-пиджак с обезоруживающей улыбкой наклонилась и налила всем кофе, хотя кофе никто не хотел.

— Мы видим, что вы работали в молодежном досуговом центре Борга, — сказала она, ласково улыбаясь.

— Да. Да. Все верно, но я... я уволилась, — сказала Бритт-Мари и прикусила щеки.

Женщина улыбнулась еще ласковее, подвинула стаканчик с кофе к Бритт-Мари.

— Никто не набирал туда персонал, дорогая Бритт-Мари. Молодежный досуговый центр собирались закрыть еще до Рождества. Искать персонал было ошибкой.

Второй мужчина-пиджак зажужжал, как лодочный мотор.

— Персонал не заложен в бюджете. Что же это, как же это?

Первый пиджак поднялся:

— А теперь прошу извинить. У нас важное совещание.

С тем Бритт-Мари и покинула муниципалитет. С пониманием того, что ее приезд в Борг был ошибкой. Они правы. Разумеется, они правы.

— Завтра, любимая. Мы вернемся сюда завтра, — утешал ее Кент, когда они снова сидели в БМВ, но Бритт-Мари в ответ лишь обреченно молчала, прислонившись головой к окошку и прижав носовой платок к подбородку. При взгляде на нее в глазах у Кента появилось нечто решительное, что-то мстительное, но Бритт-Мари этого не заметила.

Пятый день в муниципалитете был пятницей. Снова шел дождь. Бритт-Мари ехать не хотела, считая, что все напрасно, так что Кенту пришлось на нее надавить, пригрозив дополнить ее список рядом игривых пунктов, причем чернилами. Тогда Бритт-Мари дернула список к себе, словно цветочный горшок, который Кент грозился выбросить с балкона, и неохотно уселась в БМВ, бормоча, что Кент «хулиган».

В муниципалитете их уже ждали. Бритт-Мари узнала женщину из футбольной ассоциации.

— Ах-ха. Вы здесь, конечно, чтобы остановить нас? — заметила Бритт-Мари.

Женщина недоуменно посмотрела на Кента. Нервно потерла руки одну о другую, точно их умывала.

— Нет. Мне звонил Кент. Я здесь, чтобы помочь вам.

— Я сделал несколько звонков. Позволил себе сделать то, что у меня хорошо получается. — Кент погладил Бритт-Мари по плечу.

Бритт-Мари вошла в кабинет следом за пиджаками; в кабинете их оказалось еще больше. Вопрос о футбольной площадке в Борге выходил за рамки компетенции троих пиджаков и требовал рассмотрения более чем одной комиссии.

— Как нам стало известно, за настойчивой инициативой по строительству нескольких футбольных площадок стоит некая группа интересантов, — начал новый пиджак и кивнул женщине из футбольной ассоциации.

— Также нам стало известно, что местный бизнес намерен осуществлять... лоббирование, — сообщил другой пиджак.

— Причем лоббирование довольно неприятного свойства! — вставил третий пиджак и положил на стол перед Бритт-Мари пластиковую папку, полную бумаг.

— Кроме того, нам напомнили, по электронной почте и посредством телефонных звонков, что через год будут выборы, — сказал предыдущий пиджак.

— Причем напомнили довольно резко и безапелляционно! — добавил следующий пиджак.

Бритт-Мари наклонилась над папкой. Все бумаги имели шапку «Организация по официальному формированию рабочей группы индивидуальных предпринимателей Борга». Из документов со всей ясностью следовало, что владельцы как пиццерии, так и продовольственного магазина, почты и автомастерской Борга собрались ночью в некоем помещении, где и составили совместное требование об устройстве футбольного поля. Для вящей убедительности документ подписали также владельцы только что зарегистрированных предприятий: адвокатской конторы «Сын & Сын», парикмахерской «Волосы и остальное» и АО «Боргские вина». По случайному стечению обстоятельств — одним почерком. Отличалась только подпись человека по имени Карл, который, согласно этому документу, недавно открыл цветочный магазин.

Все остальное было написано почерком Кента. Кент стоял позади Бритт-Мари, засунув руки в карманы и сгорбившись, словно чтобы

занимать поменьше места. Бритт-Мари хотелось подбросить его до самого космоса. Женщина в пиджаке подала кофе и восторженно кивнула:

— Я и не думала, что в Борге такая оживленная экономика! Это восхитительно!

Благоразумию Бритт-Мари пришлось включиться на полную мощность, чтобы не позволить ей броситься описывать круги по кабинету, раскинув руки, как крылья самолета: Бритт-Мари была почти уверена, что это выглядело бы неуместно.

Первый мужчина в пиджаке откашлялся и попросил слова:

— Положение дел таково, что с нами даже связывались из службы занятости вашего родного города, — сообщил он.

— Двадцать один раз. Два-дцать о-дин раз с нами отсюда связывались, — уточнил второй пиджак.

Не зная, что говорить, Бритт-Мари повернулась к Кенту, но тот стоял открыв рот — потрясенный, пожалуй, не меньше ее. Очередной случайным образом выбранный пиджак ткнул пальцем в другую бумагу.

— Нам стало известно, что вас приняли на работу в молодежный центр Борга.

— По ошибке! — ласково улыбнулась женщина-пиджак.

Случайный пиджак неумоимо продолжал:

— Служба занятости вашего родного города обратила наше внимание на известные политические обстоятельства. Также наше внимание обратили на то, что при составлении муниципального бюджета следует проявить известную гибкость в том, что касается найма служащих... да... сейчас, в год выборов.

— Двадцать один раз. Двадцать один раз на это обращали наше внимание! — злобно вставил второй пиджак.

Язык Бритт-Мари застрял где-то между зубами. Слова вышли из-под контроля. Встав, она откашлялась и с трудом выговорила:

— Прошу прощения, что это все, вообще говоря, значит?

Пиджаки издали сдержанный стон: все и так очевидно. Рукава пиджаков синхронно поддернулись, давая понять, что настало время обеда. В воцарившейся обстановке крайнего нетерпения один из пиджаков взял наконец на себя инициативу и утомленно взглянул на Бритт-Мари:

— Это значит, что денег у муниципалитета хватит либо на новое футбольное поле, либо на сохранение за вами рабочего места. На то и другое средств у нас нет.

Неважный выбор.

Удивительное свойство придорожных поселков: оснований покинуть их примерно столько же, сколько оснований в них остаться.



— Прошу тебя, постарайся понять, что это неважный выбор, — сказала Бритт-Мари.

И, не получив ответа, пояснила:

— Понимаешь, это неважный выбор. Прошу тебя, постарайся не держать на меня зла.

Ответа Бритт-Мари, разумеется, не получила и на этот раз. Она прикусила щеки и расправила юбку.

— Здесь очень красиво. Не знаю, имеет ли это для тебя сейчас значение, но надеюсь, что имеет. Это невероятно чистое и красивое кладбище.

Сами не отвечал, но она надеялась, что он слышит ее слова:

— Я хочу, чтобы ты знал, мой дорогой мальчик: я никогда не пожалею о том, что приехала в Борг.

Наступила вторая половина субботнего дня. Дня, последовавшего за тем, когда муниципалитет поставил Бритт-Мари перед неважным выбором. Дня, когда «Ливерпуль» встречался с «Астон Виллой» за сотни миль от Борга. С утра Бритт-Мари пришла в молодежный центр. В понедельник на площадке перед центром встанут экскаваторы — муниципальные пиджаки это обещали. Кент заставил их пообещать, потому что иначе он обещал не пустить их обедать. И они поклялись страшной клятвой, что в Борге будет настоящее покрытие и настоящие ворота с сеткой. Настоящие меловые линии по краям поля. Да, выбор неважный, но Бритт-Мари помнила, что значит потерять родного человека, помнила это чувство беспомощности. И понимала, что поможет таким же беспомощным. Расчерченное четкими линиями футбольное поле.

Из открытой двери пиццерии доносились голоса, но Бритт-Мари туда не зашла. Почувствовала, что не стоит. В молодежном центре было пусто, но холодильник оказался приоткрыт. Целлофан на тарелке прогрызен, арахисовая паста и «Нутелла» слизаны до последней капли. На обратном

пути крыса налетела на банку с пекарским порошком и опрокинула ее в раковину. В белой пудре остались следы лап. Две пары следов. У крысы была свиданка.

Бритт-Мари долго сидела на табуретке с полотенцем на коленях. Потом она вытерла щеки и вычистила кухню. Помыла, продезинфицировала, обеспечила свежесть. Погладила кофемашину, пострадавшую от выброса гравия, провела ладонью по схеме с красной точкой посередине — схеме, висевшей слишком низко и сообщавшей, где была Бритт-Мари.

Странно, но стук в дверь не застал ее врасплох. Появление девушки из социальной службы казалось совершенно естественным. Кому еще тут и быть?

— Здравствуйте, Бритт-Мари, я увидела свет. Надеюсь, я не помешала, — сказала девушка.

— Разумеется, нет. Я зашла только оставить ключи, — тихо уведомила ее Бритт-Мари, ощущая себя гостьей в чужом доме.

Она протянула ключи от молодежного центра, но девушка не взяла их. Только окинула улыбчивым взглядом помещение.

— Как здесь хорошо. Я понимаю, почему это место так много значит для Веги и Омара. Я захотела увидеть его, чтобы лучше понять их.

— Перед отъездом я убралась, как могла, — заверила ее Бритт-Мари.

— Обещаю сделать все, чтобы дать ребятам самое лучшее, — заверила ее девушка.

Бритт-Мари никак не могла справиться с ключами. Давила в себе то, что поднялось со дна души. Несколько раз проверила, все ли уложила в сумку, точно ли выключила свет в туалете и на кухне. Собралась сказать то, что уже несколько раз порывалась сказать, хотя благоразумие когтями и клыками пыталось этому воспрепятствовать.

Ей хотелось спросить: «А что, если кто-нибудь вызовется позаботиться о детях?» Разумеется, она знала, что это глупо. Разумеется, знала. Но успела открыть рот и сказать:

— С вашего позволения, я хотела бы, хотя это, разумеется, глупость, да-да, но я хотела бы узнать, насколько это вообще предположительно возможно, так вот узнать — что, если бы кто-нибудь вызвался...

Не успев добраться до конца фразы, она встретила взгляд родителей Жабрика. Они стояли в дверях. Мама — обхватив беременный живот, отец — с кепкой в руках.

— Здравствуйте, — сказала мама.

— Это вы собираетесь забрать детей? — пожелал узнать Карл.

Мама мягко ткнула его локтем в бок и повернулась к девушке из социальной службы:

— Меня зовут Соня. Это — Карл. Мы родители Патрика, который играет в той же футбольной команде, что и Вега с Омаром.

Весьма вероятно, что девушка из социальной службы собралась что-то ответить, но Карл не дал ей шанса:

— Мы позаботимся о ребятах! Мы хотим, чтобы они переехали к нам и жили с нами! Вы не сможете забрать их из Борга!

Соня посмотрела на Бритт-Мари. Возможно, и на ее руки, потому что прошла через всю комнату и, не спросив согласия, обняла ее. Бритт-Мари пробормотала, что у нее пальцы в средстве для мытья посуды, но Соня все равно обняла ее. Что-то скрежетнуло в дверном проеме. Девушка из социальной службы рассмеялась — казалось, она машинально смеялась каждый раз, когда открывала рот.

— Дело в том, что такой же вопрос я уже слышала и от мамы Бена, и от дяди... Дино... так его зовут?

Скрежет повторился, дополненный демонстративным покашливанием.

— Эти ребята! Могут жить у меня, ну? Они это, как его? Мои детки, ну?

У Личности был такой вид, будто она готова сразиться по этому вопросу с любым, кто есть в комнате. Она махнула рукой в сторону футбольной площадки — там еще висели на заборе белые футболки, и утром снова кто-то внимательный зажег свечи.

— Это, как его? Пословица. Дитя взрастить — целая деревня нужна! А у нас тут и есть деревня!

За спиной у Личности стояла Банк с собакой. Видимо, почувствовав взгляд девушки из социальной службы, Банк взмахнула палкой и яростно затрясла головой:

— Я пришла не мелких усыновлять. Я за пиццей.

Соня выпустила Бритт-Мари из объятий — неохотно, как отпускают воздушный шарик, если знают, что, как только его отпустишь, он улетит в небо. Карл, скомкав кепку в кулаке, строго наставил палец на девушку из социальной службы:

— Нельзя забирать детей из Борга, они же могут попасть к кому угодно! — в его голосе звучал не столько вызов, сколько ужас. — Они могут попасть к человеку, который болеет за «Челси»!

Тем временем Бритт-Мари положила ключи от молодежного центра на кухонный стол и выскользнула за спинами собравшихся на улицу. Если это и заметили — а это вполне могли заметить, — то позволили ей уйти не

прощаясь, потому что она была им слишком небезразлична.

Вторую половину дня сменил вечер — стремительно и неумолимо, словно сумерки сорвали с себя пластырь из дневного света. Бритт-Мари стояла на коленях, припав лбом к надгробию Сами.

— Милый мальчик. Я никогда не пожалею, что я здесь.

Суббота; за сотню миль отсюда играет «Ливерпуль». В понедельник в Борг приедут экскаваторы.

Бритт-Мари не знала, верует она или нет, но полагала, что это хорошо — знать, что у Бога есть свой план для Борга. План футбольного поля.

В покрытых пятнами колготках Бритт-Мари одиноко брела по дороге через весь поселок. Белые футболки так и висели на заборе, под ними горели новые свечи. В молодежном центре светился телевизор, виднелись силуэты детских голов. В центре собралось больше детей, чем собиралось раньше. Теперь тут скорее клуб, чем команда. Бритт-Мари хотелось туда зайти, но она понимала, что это неуместно. Сознавала, что так будет лучше.

На площадке между молодежным центром и пиццерией стояли два неимоверно старых грузовика с горящими фарами. В свете фар бегали мужчины в бородах и кепках. Пыхтя и кряхтя, толкаясь и пихаясь. Бритт-Мари не сразу поняла, что они играют в футбол.

Есть такая игра.

Бритт-Мари пошла дальше. Сердце пропустило несколько ударов перед неприметным домиком в неприметном садике. Если не знать, что они здесь есть, то пройдешь мимо — и не заметишь. Этим дом очень напоминал своего хозяина. Полицейской машины перед домом не было, и свет в окнах не горел. Убедившись, что Свена дома нет, Бритт-Мари подкралась к двери и постучала. Потому что ей захотелось сделать это хоть раз в жизни.

И поспешила прочь, скрываемая теньями, и прошла последний отрезок пути до дома Банк. Клумба перед домом больше не пахла. И таблички «Продается» на газоне больше тоже не было. В прихожей пахло яичницей, собака спала на полу, а Банк сидела в гостиной в кресле, придвинувшись так близко к экрану телевизора, что Бритт-Мари хотелось предостеречь ее, объяснить, как это опасно для зрения, но потом ей пришла мысль лучше.

— Можно спросить, кто сегодня играет?

— «Астон Вилла» с «Ливерпулем»! «Астон Вилла» ведет два-ноль! — возбужденно выкрикнула Банк.

— Ах-ха. Предположу, что здесь тоже болеют за «Ливерпуль», как, кажется, все дети в Борге.

— Рехнулась, что ли? Я болею за «Астон Виллу»! — процедила Банк.

— Можно спросить почему? — спросила Бритт-Мари — поразмыслив, она сообразила, что вообще впервые видит, чтобы Банк смотрела футбол по телевизору.

Вид у Банк был такой, словно она услышала полную чепуху. После некоторого раздумья она хмуро ответила:

— Потому что остальные за нее не болеют.

И добавила:

— А еще у них футболки красивые.

Второй аргумент представлялся Бритт-Мари чуть более рациональным. Банк подняла голову, убавила громкость телевизора. Отпила пива, откашлялась.

— На кухне есть еда. Если ты голодная.

Бритт-Мари покачала головой, крепко держась за сумочку.

— Скоро приедет Кент. Мы поедем домой. Он в своей машине, я — в своей, но он, конечно, впереди. Я не люблю водить машину в темноте. Лучше, если он поедет впереди.

Банк подняла брови, потом опустила. Встала, тяжело проклиная кресло, словно это кресла виноваты в том, что люди стареют.

— Не хочу вмешиваться не в свое дело, Бритт-Мари, но мне кажется, пора бы научиться водить машину в темноте.

Банк с собакой помогли Бритт-Мари снести вниз сумки и балконные ящики. Бритт-Мари вымыла посуду и прибиралась на кухне. Разложила столовые приборы. Почесала собаку за ухом. В телевизоре завопили, Банк ушла в гостиную, вернулась злая.

— «Ливерпуль» забил «Астон Вилле», теперь дваодин, — проворчала она.

Бритт-Мари в последний раз обошла дом, поправила коврики, шторы. Снова спустившись на кухню, сказала:

— Я не из тех, кто вмешивается не в свое дело, Банк, но я вряд ли могла бы не обратить внимания на то, что табличка «Продается» убрана с газона. Можно поздравить с продажей дома?

Банк горько рассмеялась:

— Издеваешься? Кто станет покупать дом в Борге? Бритт-Мари поправила юбку.

— Ах-ха. Прощу прощения, но если табличка убрана, то такое предположение вряд ли звучит неуместно!

Банк отвернулась к раковине, чтобы заняться посудой, но ее там уже не было.

— Ну, я собиралась-то в Борг ненадолго. Хотела поговорить с отцом. Думала, что теперь, когда он умер, это будет проще. Он не станет постоянно перебивать меня.

Бритт-Мари хотелось погладить ее по плечу, но было ясно — лучше этого не делать. В силу разных причин, хотя бы той, что палка Банк была в пределах досягаемости ее владелицы.

В дверь постучали, Банк выглянула в прихожую и ушла в гостиную, не открыв дверь, потому что знала, кто это. Бритт-Мари в последний раз окинула кухню взглядом. Ее пальцы почти коснулись стены. Приблизились настолько, чтобы ощутить ее, но не настолько, чтобы коснуться. Потому что они очень грязные. Бритт-Мари не успела отмыть их. Для этого ей пришлось бы провести в Борге больше времени.

Когда она открыла дверь, Кент с облегчением улыбнулся.

— Ну что, готова? — спросил он нервно, словно все еще опасался, что она передумает.

Она кивнула и уже взяла было сумочку, как вдруг мужчина в телевизоре заревел как безумный. Словно его кто-то ударил.

— Что там, господи? — выдохнула Бритт-Мари.

— Ну поехали же! А то пробки будут! — предпринял попытку Кент, но поздно.

Бритт-Мари вошла в гостиную. Банк на чем свет стоит крыла молодого человека в красной футболке, который носился кругами и орал так, что лицо у него стало лиловым.

— Два-два, «Ливерпуль» сравнял, два-два, — буркнула Банк и пнула кресло, словно это оно виновато.

Бритт-Мари была уже за дверью.

БМВ стоял на улице. Кент потянулся к ней из машины, но Бритт-Мари увернулась. Что, разумеется, выглядело в высшей степени неуместно — взрослая женщина бежит по улице, будто преступник от справедливого возмездия. Она, тяжело дыша, остановилась у бордюра: дыхание обжигало горло. Бритт-Мари обернулась, глядя на Кента; из глаз текли слезы.

— Что происходит, любимая? Пора ехать, — сказал он и умолк, увидев, в каком она состоянии.

Юбка мятая, но Бритт-Мари не расправляет ее. Волосы разлохматились — насколько вообще могут разлохматиться волосы Бритт-Мари. А благоразумие окончательно капитулировало — так что позволило

ей повысить голос:

— «Ливерпуль» сравнял два-два! Я верю, они выиграют!

Большая голова Кента поникла, подбородок уперся в грудь. Кент весь сжался.

— Любимая, ты ведь не можешь их усыновить. А если бы и могла, то что? Когда-нибудь они перестанут нуждаться в тебе. Что тогда?

Она покачала головой. Упрямо и непокорно — не безнадежно и не скорбно. Словно задумала прыгнуть, хотя бы с бордюра.

— Я не знаю, Кент. Не знаю, что тогда.

Кент закрыл глаза и снова стал похож на мальчика на лестничной клетке.

— Я могу подождать только до утра, Бритт-Мари, — тихо произнес он. — Я живу у родителей Жабрика. Если ты не постучишь в их дверь завтра утром, я уеду домой один.

Кент пытался произнести это уверенным тоном. Хотя понял: он потерял ее, проиграл ей.

Бритт-Мари была уже на полпути к молодежному центру.

Омар и Вега увидели ее раньше, чем она их. Бритт-Мари пробежала мимо — и услышала, как они сердито зовут ее.

— Господи боже... «Ливерпуль»... я, конечно, не знаю точно, что они сделали, но у меня сложилось впечатление, что они одержат верх над... как их там. Вилла какая-то! — задохнулась Бритт-Мари; перед глазами все поплыло, так что пришлось упереться руками в колени — прямо посреди улицы! Соседи наверняка подумают, что она начала употреблять наркотики.

— Мы знаем! — с энтузиазмом подтвердил Омар.

— Ах-ха, — просипела Бритт-Мари.

— Два-два, мы победим! Мы смотрели в глаза Джеррарду, когда он забил, — значит, мы победим! — восторженно взвыл Омар.

Бритт-Мари подняла глаза, дыша тяжело, словно у нее мигрень.

— В таком случае прошу прощения, что вы, вообще-то говоря, делаете посреди улицы?

Вега стояла перед ней, засунув руки в карманы; она покачала головой, словно поняла, что Бритт-Мари определенно соображает медленнее, чем человек может себе позволить.

— Мы хотим, чтобы, когда мы вырвемся вперед, вы увидели это вместе с нами.

«Ливерпуль» так и не вырвался вперед. Матч закончился со счетом 2:2.

Это не имеет значения — и значит все в этом мире.

Ночью на кухне у Банк они ели яичницу с беконом — Вега, Омар, Бритт-Мари, Банк и собака. Именно Вега попросила Омара убрать локти со стола. На какой-то миг они встретились взглядами, после чего Омар молча подчинился.

Потом они надевали куртки, а Бритт-Мари стояла в прихожей. Она поджала пальцы ног и так долго чистила одежду детей, что в конце концов им пришлось взять ее за обе руки.

Девушка из социальной службы дожидалась детей на газоне.

— Она нормальная. Футбол не любит, но она нормальная, — сказала Вега Бритт-Мари.

— Мы ее научим, — пообещал Омар.

Бритт-Мари прикусила щеки и кивнула.

— Я... дело в том, что я... я хочу только сказать, что я... что вы... что я никогда... — начала она.

— Мы знаем, — пробормотала Вега глубоко в ткань ее жакета.

— Все будет хорошо, — пообещал Омар ей в шею. Дети уже успели дойти до дороги, когда мальчик обернулся. Бритт-Мари замерла, словно желая сохранить их изображения на сетчатке. Омар спросил:

— Что вы делаете завтра?

Бритт-Мари сложила руки на животе. Постаралась вдохнуть и выдохнуть как можно дольше.

— Кент ждет, что я постучу в его дверь.

Вега сунула руки в карманы. Подняла брови.

— А Свен?

Бритт-Мари вдохнула. Выдохнула. Почувствовала, как Борг пружинит в легких, точно футбольный мяч.

— Он сказал, что каждый раз, как в его дверь постучат, он будет надеяться, что это я.

В свете уличных фонарей дети казались такими маленькими. Но Вега вытянулась, выпрямила спину и попросила:

— Бритт-Мари, сделайте мне одно одолжение!

— Да?

— Не стучите завтра ни в чьи двери. Садитесь за руль — и все!

Бритт-Мари еще долго стояла в темноте одна. Она ничего не сказала, ничего не пообещала. Знала, что сдержать такое обещание не сможет.

Она стояла на балконе дома Банк, чувствуя, как Борг ласково дует ей на волосы. Не настолько сильно, чтобы растрепать прическу, — но достаточно, чтобы ощущать ветер в волосах. Мимо, все еще в темноте, проехал почтальон с газетами. Старушенции с ходунками заковыляли к почтовому ящику. Одна из них помахала Бритт-Мари, Бритт-Мари помахала в ответ. Не всей рукой, конечно — сдержанно, едва заметно подняв ладонь. Как машут благоразумные взрослые люди. Дождалась, пока женщины снова уйдут в дом. Потом крадучись спустилась по лестнице и вынесла сумки к белой машине с синей дверью.

Еще не рассвело, когда Бритт-Мари постучала в дверь.



Если зажмуриться достаточно крепко и надолго, можно припомнить каждый свой жизненный выбор, когда выбирал то, что нужно именно тебе. Осознать, что такого, пожалуй, не было ни разу. А если ехать на белой машине с синей дверью медленно, через весь поселок, по темной еще дороге, опустив окна и тяжело дыша, то можно вспомнить и всех мужчин, в которых ты была влюблена.

Альф. Кент. Свен. Один предал и оставил ее. Второй предал ее и был ею оставлен. Третий — все то, чего у нее никогда не было, но вряд ли ей нужно именно это. Можно медленно, медленно, медленно разматывать бинт на руке и смотреть на белое пятно на безымянном пальце. Грезить о первых любовях и вторых шансах, взвешивать: проститься или влюбиться? Считать удары сердца.

Если зажмуриться, можно припомнить каждый свой жизненный выбор. И понять, что все они делались в пользу кого-то другого.

В Борге наступило раннее утро, но рассвет словно выжидал. Словно хотел дать ей время поднять руку. Принять решение.

Прыгнуть.

Бритт-Мари постучалась. Дверь открыли. Бритт-Мари собралась высказать все то, что накопилось у нее внутри, но это ей не удалось. Ей хотелось объяснить, зачем она явилась именно сюда, но ее перебили. Она поняла, что ее ждали. Обидно, что она настолько предсказуема. Так хотелось поделиться тем, что чувствуешь, распахнуть грудную клетку и впервые в жизни выпустить наружу все, что там томилось, — но ей не дали возможности.

Вместо этого ее решительно взяли за руку и отвели назад, на дорогу. На тротуаре как попало громоздились пластиковые канистры. Словно

упали с грузовика.

— Вся команда собирала деньги. Мы подсчитали, должно хватить, — сказал мальчик.

— Ага, подсчитали. Те, кто умеет считать, — вставила девочка.

— Я умею считать! — заорал мальчик.

— До стольких же, сколько раз можешь попасть по мячу, ага, типа до трех! — ухмыльнулась девочка.

Бритт-Мари наклонилась, коснулась канистр. От них воняло. Дети крепко схватили ее за обе руки.

— Это бензин. Мы подсчитали. Должно хватить на всю дорогу до Парижа, — шепнул Омар.

— И на весь обратный путь, — шепнула Вега.

Дети стояли и махали, пока Бритт-Мари усаживалась за руль. Они махали словно всем телом — взрослые так не умеют. В Борг пришло утро, и солнце сдержанно и уважительно застыло на горизонте, словно давая Бритт-Мари время в последний раз сделать выбор и в первый раз выбрать то, что нужно ей самой. Когда дневной свет наконец разлился по крышам, белая машина с синей дверью тронулась с места.

Может быть, Бритт-Мари остановится. Может быть, постучит еще в одну дверь. Может быть, просто поедет дальше.

Бог свидетель: бензина Бритт-Мари хватит.

Январский поселок — скорее один из миллиона, чем один на миллион. Такой же, как все другие, и не похожий ни на какой другой. Через несколько месяцев в сотне миль отсюда «Ливерпуль» почти победит в английской футбольной лиге. В одном из последних туров команда поведет, сражаясь с «Кристал Пэлас», со счетом 3:0, но за восемь невероятных минут пропустит три мяча и лишится чемпионства в лиге. Никто из игроков «Ливерпуля» никогда ничего не узнает о Борге, они не представляют себе, что существует такое место на земле, но каждому, кто поедет в тот день по этой вот дороге с опущенными стеклами, неминуемо станет известно, что «Ливерпуль» не победил.

«Манчестер Юнайтед» уволит тренера и начнет все сначала. «Тоттенхэм» в следующем сезоне покажет себя получше. Где-то еще останутся люди, которые болеют за «Астон Виллу».

Да, это январь, но в Борг придет весна. Молодой человек будет покоиться на кладбище рядом с матерью, укрытый футбольными шарфами, но двое детей станут рассказывать матери и брату, перебивая друг друга, о

подонке-арбитре и о подлых силовых приемах. Мяч будет катиться по полю, нога — бить по мячу, потому что никто в поселке не понимает, как можно по мячу не бить. Через несколько лет настанет лето, когда «Ливерпуль» проиграет все, а потом поселок осенит осень и новый сезон, когда «Ливерпуль» отыграет все назад. Футбол в этом смысле — поразительная игра, потому что она заставляет жизнь идти дальше.

Борг останется там, где он есть. Где был всегда. Поселок, о котором самый вежливый человек сказал бы лишь, что он стоит у дороги, ведущей в две стороны. Домой и в Париж.

Когда проезжаешь подобные поселки, замечаешь лишь, что там все закрыто. Надо сбросить скорость, чтобы разглядеть то, что еще осталось. В Борге остались люди. Здесь остались крысы, ходунки и теплицы. Футбольное поле, белые футболки и горящие свечи. Новое покрытие и истории с хорошим концом. Здесь есть цветочный магазин, в котором продаются только красные цветы. Есть продуктовый магазин, и автомастерская, и почта, и пиццерия, где всегда включен телевизор, когда передают футбол, и где не стыдно брать в кредит. Нет больше молодежного центра, но есть дети, которые едят яичницу с беконом у своего нового тренера, вместе с ее собакой, в доме с балконом, в гостиной, где на стенах теперь новые фотографии. Где на газонах у дороги стало меньше табличек «Продается». Где взрослые мужчины в бородах и кепках играют в футбол в свете фар старых грузовиков.

Здесь есть футбольное поле. Здесь есть футбольный клуб.

И что бы с Бритт-Мари ни случилось.

Куда бы ее ни занесло.

Все будут знать: здесь была Бритт-Мари.

Автор благодарит

Неду. Величайшее счастье в жизни — делить ее с человеком гораздо умнее тебя. Жаль, что тебе не придется его испытать, это так ужасно. Ашегетам. Sightseeing.

Юнаса Аксельссона. Моего издателя и агента за то, что он не забывает: я все еще начинающий писатель и первейшая его профессиональная задача — научить меня писать лучше.

Никласа Натт о Дага. Он каждый день каждым своим текстом и уважением к своему ремеслу напоминает мне, что оно — почетно.

Селин Гамильтон и Агнес Каваллин из агентства Partners in Stories, в тесном пространстве которого уместается величайшая квалификация, за то, что всем сердцем и мозгом удерживали этот проект на плаву. Без вас ничего бы не вышло.

Карин Вален из Kult PR, которая с первого дня ухватила самую суть.

Ваню Винтер, бойца граммар-спецназа — бескомпромиссного и бесценного корректора, редактора и критика, несмотря на то что ее ящик для столовых приборов — полное разочарование.

Нильса Ульссона, который терпеливо, чутко и с большой любовью разработал три потрясающие обложки.

И тебя, Андреа Фелауэр. Ты со своим редакторским опытом и дотошностью решительно вмешалась в сюжет и недрогнувшей рукой его улучшила.

Читателей моего блога — вы были со мной с самого начала. Так что все это в большой степени на вашей совести.

Торстена Валунда, Анну Марию Челль и Марти-на Вальстрёма, которые записали мои истории как аудиокниги и дали голоса моим персонажам — я и не думал, что такое возможно. Мои персонажи теперь больше ваши, чем мои.

Юли Лэрке Лёвгрен — за то, что присматривает за моими книгами за границей.

Юдит Тот — за то, что возила меня туда.

Сири Линдгрен из Partners in Stories, которая делает так, чтобы лодка не перевернулась, когда Юнас отказывается сидеть в ней спокойно.

Юхана Силлена — капитана, что первым входит на борт, а уходит последним.

Всех, кто занимался и занимается моими книгами в Forum, Månrocket, Bonnier Audio и Bonnier Rights. В особенности: Юна Хэггблума, без чьей помощи меня бы здесь просто не было. Лиселотт Веннборг Рамберг, редактора моей книги «Вещи, которые моему сыну следует знать о мире». Адама Далина, сумевшего оценить потенциал этого опуса. Сару Линдегрен и Стефани Тэрнkvист, которые всегда были ко мне терпеливее, чем я заслуживал.

Издательство Natur och Kultur — за постоянную поддержку, в особенности — Ханну Нильссон и Йона Аугустссона.

Издательства Pocketförlaget и A Nice Noise — за то, что поверили в это предприятие.

Всех, кто писал и рассказывал о моих уже вышедших книгах, в том числе в блогах, твиттере, фейсбуке и инстаграме. А особенно тех из вас, кому они совсем не понравились, но кто не пожалел времени, чтобы аргументированно объяснить почему. Не могу обещать, что я исправился, но вы заставили меня задуматься. Не думаю, что это плохо.

Леннарта Нильссона из клуба «Гантофта». Моего лучшего футбольного тренера.

А больше всего —

тебя, читателя этой книги. Спасибо тебе за то, что ты уделил ей время.

Об аторе



До того, как стать писателем, Фредрик Бакман был колумнистом и блогером. Очень популярным. Так, его пост под названием «Личное обращение к нервной блондинке в “фольксвагене”» — о неаккуратном вождении и родительской любви — перепостили в Фейсбуке более миллиона человек.

Персонаж по имени Уве родился и некоторое время «проживал» в блоге Бакмана — пока читатели не проголосовали за то, чтобы он стал героем книги. Которая вышла в 2012 году и с тех пор издана тиражом более пяти миллионов экземпляров на более чем сорока языках мира. Все вышедшие после «Второй жизни Уве» книги Бакмана также стали мировыми бестселлерами с миллионными тиражами.

Фредрик живет недалеко от Стокгольма с женой и двумя детьми.

Примечания

1

Разновидность челночного бега.

1 Один из слоганов шведских «зеленых».